

D13

W384

НАУКА - КУЛЬТУРА - ЖИЗНЬ

Проф. Г. Г. ШВИТТАУ.

Соціально-Економічні Очерки.

Ціна 5 руб.

Книгоиздательство А. А. Ивасенко Одесса, Дерибасовская, 20.

СП6ГД

Проф. Г. Г. ШВИТТАУ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНО-
МИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

ОДЕССА—1918.

СПбГУ

ОДЕССА.

Типография «Техник», Екатерининская № 58.

МОЛОДОЙ РОССИИ.

(вмѣсто предисловія).

Молодая Россія это—всѣ тѣ, кто на разрушенномъ нами Прошломъ сотворить лучшее Будущее, кто вдохнетъ въ омертвѣлое нынѣ тѣло Россіи живую, великую Душу, кто вмѣсто отрицанія и скорбнаго молчанія скажетъ свое положительное радостное Утвержденіе.

Всѣмъ имъ предлагаетъ авторъ свой настоящій трудъ, родившійся въ раннюю весеннюю пору нашей Революціи, когда вмѣстѣ съ обновленной землей мы всѣ — отъ мала до велика — съ такою жадностью вдыхали въ себя первый нѣжный аромать распускавшихся почекъ пробуждавшейся отъ сна нашей Родины...

Кому, изъ пережившихъ эту весну и сѣмѣвшихъ до сей поры сохранить въ себѣ живую вѣру, не дорогъ всякій ея лепестокъ, всякій радостный ея звукъ, всякій свѣтлый ея призывъ къ обновленію и созидательному творчеству!

Вмѣстѣ съ нашимъ весеннимъ революціоннымъ порывомъ, какая пробудилась въ насъ жажда къ познанію, къ мысли, къ осознанію всего того, что было, что есть и что должно быть!

Шумнымъ молодымъ роемъ наполнялись обширныя аудиторіи и мы, лекторы, едва успѣвали посильно утолить пробудившуюся жажду въ одной аудиторіи, какъ спѣшили къ другой, такой же переполненной и съ такою же жадностью просившей живительной влаги познанія!..

Настоящіе очерки—плодъ этихъ многочисленныхъ скитаній по самымъ различнымъ аудиторіямъ столицы и многихъ провинціальныхъ городовъ Россіи...

Живымъ нескончаемымъ потокомъ проходятъ сейчасъ передо мною аудиторіи рабочихъ, солдатъ, крестьянъ, учителей, юнкеровъ, офицеровъ, студентовъ, курсистокъ, гимназистовъ, гимназистокъ и просто широкой «публики», приходившей, какъ и всѣ, подышать свободнымъ воздухомъ свободного слова свободной Россіи!

Всѣ эти аудиторіи мнѣ, какъ лектору, одинаково дороги; всѣ онѣ съ одинаковой силой заставляютъ вѣрить въ огромное значеніе живого слова. Но не могу не вспомнить въ особенности ту небольшую аудиторію самыхъ юныхъ изъ моихъ слушателей, какую я встрѣтилъ въ г. См—ѣ. Ей посвящаетъ авторъ свои «Очерки»; къ ней онъ обращался со своимъ прощальнымъ словомъ, съ которымъ хотѣлось бы сейчасъ обратиться ко всей Молодой Россіи:

«Я кончилъ свою настоящую бесѣду и ею я завершаю весь намѣченный мною циклъ лекцій по экономической наукѣ.

Но раньше, чѣмъ растаться съ вами, я бы хотѣлъ выразить вамъ огромную признательность за тотъ интересъ, за ту серьезность и за то вниманіе, съ какими вы отнеслись къ моимъ чтеніямъ. Это большая отрада для лектора; это лучшая для него награда—и я благодарю васъ за нее.

Я не думаю, чтобы мнѣ удалось особенно значительно обогатить вашъ умъ новыми знаніями. Да, по правдѣ сказать, я и не стремился къ этому. Я хотѣлъ другого—и думаю это мое желаніе въ зна-

чительной степени уже осуществилось: я хотѣлъ только постучаться въ ваши молодя, чуткія души и, заронивъ въ нихъ сѣмена, вызвать въ васъ интересъ и стремленіе къ высшему научному познанию и этимъ привлечь васъ въ высшую школу.

И хочется думать, что когда вы войдете въ высшую школу, двери которой передъ вами нынѣ такъ широко раскрываются, то заброшенные мною сѣмена не только дадутъ для васъ самихъ обильную жатву, но что изъ плодовъ, вами полученныхъ, и вы сами захотите и даже сочтете своимъ долгомъ полной рукой разбросать сѣмена просвѣщенія по темной народной нивѣ нашей ослабѣвшей родины,—ослабѣвшей, но еще далеко не сказавшей культурному міру своего послѣдняго слова...

Мы переживаемъ сейчасъ хоть и тяжелую, но не опасную для жизни болѣзнь; и единственнымъ средствомъ борьбы со всѣмъ неразумнымъ, злымъ и преходящимъ, что несетъ эта болѣзнь долженъ служить все тотъ же старый, намъ съ дѣтства знакомый, завѣтъ поэта—**«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное»...**

Весна 1918 г.

Одесса.

Кромѣ перечисленныхъ въ концѣ книги типографскихъ опечатокъ въ текстъ звралась досадная погрѣшность: на стр. 3 упомянуто имя Коперника вмѣсто Галилея.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Молодой Россіи (вмѣсто предисловія)	Стр. ПЕ

Экономическая наука и ея задачи.

I. Научное познание и его отличие отъ обычнаго житейскаго знанія. Два борющихся начала въ исторіи развитія научнаго знанія.—II. Неустановленность наименованія интересующей насъ науки; „политическая экономія“.—III. „Национальный“ и „соціальный“ элементы въ исторіи XIX вѣка и ихъ вліяніе на характеръ, объемъ и наименованіе экономической науки.—IV. Наука, какъ творческая сила. Научная истина и установленіе „должнаго“. Отличіе воли отъ произвола и своеволія. Воспріятіе и оцѣнка, какъ двѣ стороны научнаго познания.—V. Рѣшеніе „соціального вопроса“, какъ основная задача современной экономической науки въ связи съ особенностями соціальныхъ наукъ вообще. Субъективизмъ.—VI. „Сущее“ и „должное“; вытекающее отсюда расчлененіе экономической науки на теорію, политику и идеаль.—VII. Экономическая теорія, ея задачи и методологическія особенности.—VIII. Экономическая политика. Примѣры соціально-политическихъ движеній въ XIX вѣкѣ.—IX. „Соціальная утопія“, какъ выраженіе протеста противъ сущаго съ т. зр. должнаго,—въ связи съ особенностями художественно-научнаго творчества.—X. Соціальный идеаль; его особенности и требованія.—XI. Оцѣнка научнаго познания, какъ самоцѣли

Міровое хозяйство, какъ предметъ экономической науки.

I. Экономическая наука и ея подраздѣленіе на спеціальныя учебныя дисциплины. Экономическая географія, какъ наука о міровомъ хозяйствѣ.—II. Развитіе идеи хозяйственно-мірового единства у историковъ.—III. Идея мірового хозяйства въ статистикѣ.—IV. Вліяніе всеобщей географіи на образованіе идеи мірового хозяйства.—V. Міровое хозяйство въ представленіи экономистовъ.—VI. Три основныхъ вида хозяйствъ. Элементы хозяйства: хозяйствующій субъектъ.—VII. Два другихъ эле-

мента мирового хозяйства: его объектъ и взаимоотношение между субъектомъ и объектомъ.—VIII. Способъ воздѣйствія челоуѣка на природу, какъ опредѣляющій моментъ мирового хозяйственнаго общенія.—IX. Два основныхъ метода въ учении о мировомъ хозяйствѣ: аналитическій и синтетическій.—X. Главнѣйшіе отдѣлы экономической географіи, какъ науки о мировомъ хозяйствѣ 36

Трудъ, какъ основа народнаго хозяйства.

I. Предметъ настоящаго изслѣдованія: опытъ рѣшенія вопроса о наиболѣе раціональномъ использованіи народомъ своихъ рабочихъ силъ, съ т. зр. достиженія труда „высшаго качества“ (квалифицированнаго). Отличіе труда отъ работы и игры. Народный трудъ.—II. Подготовка къ труду „высшаго качества“: дѣтскій возрастъ, какъ подготовительный періодъ въ жизни челоуѣка. Идея здороваго поколѣнія со стороны физической, духовной и общественной.—III. Приложение труда. Продолжительность труда. Производительность труда и ея необходимыя условія: напряженность, оборудованность и планоуѣрность.—IV. Организация труда. Стихійность современнаго народнаго хозяйства. Соціализмъ, какъ выраженіе необходимости раціональной системы организованнаго труда 65

О земельной реформѣ.

I. Постановка вопроса. Хозяйственное значеніе земли. Свойства земли. Капиталистическій характеръ недвижимости, обусловленный правомъ частной собственности на землю.—II. Что такое малоземелье и какъ оно у насъ создано?—III. Норма надѣленія—потребительная, трудовая и раціонально-хозяйственная. Формула „возмездное отчужденіе—безмездное надѣленіе“. Земельный фондъ.—IV. Земельная политика стараго режима: законъ 14 іюня 1914 г. (указъ 9 ноября 1906 г.), условія его вызвавшія и его оцѣнка.—V. Законъ о землеустройствѣ (29 мая 1911 г.). Предположенія Государственной Думы въ связи съ ассигнованіями на подъемъ сельскаго хозяйства до революціи.—VI. Преимущества крупнаго сельскаго хозяйства и какъ ими обезпечить мелкое землевладѣніе? Задачи русской трудовой интеллигенціи. Общіе выводы 85

Торговля и торговая политика.

I. Торговый аппаратъ, какъ сущность современной народно-хозяйственной организациіи. Особенности торговли въ связи съ развитіемъ формъ обмѣна. Исторія торговли. Понятіе современной торговли.—II. Международная торговая политика и

образующія ее явленія. Ввозъ, вывозъ и транзитъ. Фритредство и протекціонизмъ. Торговый договоръ.—III. Торговый договоръ Россіи съ Германіей. „Аграрный протекціонизмъ“, его защитники и противники въ Германіи.—IV. Нашъ ввозъ товаровъ изъ-за границы и участіе въ немъ Германіи. „Хлопковый вопросъ“ въ Россіи. Посредничество Германіи по доставкѣ намъ товаровъ изъ тропическихъ странъ.—V. Торговый аппаратъ Германіи; его положительныя и отрицательныя стороны. Заключение: общая картина эволюціи торговли 111

Финансовый кризисъ и бумажныя деньги.

I. Постановка вопроса: бумажныя деньги, какъ чрезвычайный ресурсъ государства. Двойственная природа денегъ: матеріально-хозяйственная и государственно-правовая.—II. „Разстройство“ денежнаго аппарата; его сущность и внѣшнее выраженіе. Установленіе цѣнности бумажныхъ денегъ.—III. Колебаніе заграничнаго курса въ зависимости отъ состоянія расчетнаго баланса и выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ внутри страны.—IV. Мѣры оздоровленія денежнаго аппарата на основаніи опыта прошлаго. Возстановленіе размѣна *at par*. Девальвация. Регулированіе заграничнаго курса.—V. Нужны ли золотыя деньги? Мнѣніе проф. М. И. Тугана-Барановскаго и его критика. Идея „трудовыхъ денегъ“. Заключение: главнѣйшія мѣропріятія по возстановленію у насъ здороваго денежнаго обращенія 143

Основы капитализма.

I. Капиталистическій строй, какъ одна изъ стадій въ развитіи народнаго хозяйства; предшествующія ему стадіи „натуральнаго“ и „простого товарнаго“ хозяйства; послѣдующая за нимъ стадія „соціалистическаго“ хозяйства.—II. Человѣческая личность, какъ нравственная самоцѣль и „хозяйственное средство“.—III. Частная собственность, ея психологическая и соціально-экономическая природа. Понятіе капитала.—IV. Хозяйственная инициатива и начало „свободы конкуренціи“.—V. Борьба интересовъ, какъ естественное положеніе вещей при господствѣ капитализма. Заключение 164

Экономическая наука и ее задачи.

I.

Научное познание и его отличие от обычного житейского знания. Два борющихся начала в истории развития научного знания.

Въ такія переходныя историческія эпохи, какъ та, которую мы переживаемъ сейчасъ, когда старая жизнь разрушается и въ мукахъ рождается новая жизнь, становится особенно велико значеніе науки: при всеобщемъ крушеніи одна наука остается прочнымъ незыблемымъ основаніемъ для того, чтобы мы могли, вѣрно понявъ, происходящее и правильно его оцѣнивъ, сознательно и бодро вступить на путь новаго строительства жизни.

Въ этомъ отношеніи научное познание представляетъ высшую ступень въ развитіи нашего знания, вообще. Въ то время, какъ наше обычное, житейское знаніе покоится на единичныхъ, случайныхъ, личныхъ переживаніяхъ, обусловленныхъ всецѣло нашимъ непосредственнымъ опытомъ, т. е. нашими пятью внѣшними чувствами—зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ и т. д.,—познание научное неудовлетворяется однимъ такимъ непосредственнымъ опытомъ: наука или по своему перерабатываетъ данныя опыта, или вовсе въ немъ не нуждается.

Тотъ способъ, при посредствѣ котораго наука перерабатываетъ данныя опыта, называется методомъ, а собраніе такихъ способовъ—методологіей, которая образуетъ опредѣленную часть спеціальной науки—логики.

Благодаря методу, научное познание имѣетъ вмѣсто единичныхъ, разрозненныхъ и случайныхъ данныхъ, нѣчто болѣе связанное, систематическое.

На ряду съ методомъ наука опирается еще и на стро-

гую повѣрку и критику первоначально полученныхъ данныхъ, сравнивая ихъ съ результатами прошлаго опыта.

Наконецъ, наука имѣетъ возможность строить чрезвычайно широкія и общія положенія, далеко выходящія за предѣлы какого бы то ни было личнаго опыта. Какъ въ искусствѣ мы имѣемъ обобщенія въ области построенія художественныхъ типовъ, или художественныхъ образовъ, такъ въ наукѣ мы имѣемъ научные законы, или научные принципы, научныя системы. Этимъ путемъ мы достигаемъ цѣлостности въ знаніи.

Имѣя свои огромныя преимущества, научное познаваніе, однако, заключаетъ въ себѣ нѣкоторый неизбѣжный трагическій моментъ: вѣчную борьбу двухъ одинаково сильныхъ, но непримиримыхъ началъ — начала всеобщаго признанія, универсальности, и начала личнаго творчества, индивидуальности.

Съ одной стороны, научное знаніе стремится стать всеобщимъ, т. е. общеобязательнымъ для всѣхъ и каждого; съ другой стороны, всякій истинный служитель науки неизбежно стремится подорвать уже установленную основу всеобщности и путемъ сомнѣнія, критики и положительнаго своего творчества внести въ дѣло развитія научнаго знанія свое личное, новое начало, но съ тѣмъ, чтобы это, имъ сказанное новое слово въ наукѣ, отнюдь не оставалось только выраженіемъ его личнаго мнѣнія, а напротивъ, чтобы оно обязательно получило признаніе и со стороны другихъ лицъ, какъ всеобщее начало. И когда, послѣ жестокой схватки съ защитниками старыхъ научныхъ истинъ, наконецъ, восторжествуютъ творцы новаго слова въ наукѣ, то еще не успѣетъ это новое слово проникнуть въ народное сознаніе, какъ новый изслѣдователь, или даже цѣлый рядъ изслѣдователей уже заняты тѣмъ, чтобы въ свою очередь ниспровергнуть или во всякомъ случаѣ испытать силу истины и въ случаѣ необходимости и возможности снова замѣнить данное новымъ идейнымъ содержаніемъ, новымъ научнымъ построеніемъ и такъ, до бесконечности...

Могло бы казаться, что научнаго работника, знающаго этотъ присущій наукѣ трагизмъ, должны бы были охватить

отчаяніе, скептицизмъ, апатія... Но не чуть не бывало! Напротивъ, есть ли какая либо другая сторона въ духовной природѣ человѣка—за исключеніемъ религіи—гдѣ бы мы встрѣтили большую страстность, силу и геройство въ отстаиваніи своихъ научныхъ убѣжденій, вѣрованій, истинъ?!

Надо ли мнѣ приводить извѣстныя всѣмъ изъ исторіи имена великихъ героевъ и мучениковъ за научныя идеи? Достаточно вспомнить величественную картину суда надъ Коперникомъ, когда онъ увѣренно и твердо произносилъ свое великое: „о земля все таки вертится!“.

Если такъ, то приступая къ изученію одной изъ многочисленныхъ отраслей научнаго знанія, мы не должны смущаться тѣмъ, что и въ ней, какъ во всякой наукѣ, мы встрѣтимся со многимъ очень спорнымъ, не установленнымъ, не яснымъ. Это—не слабость науки, а неизбежный результатъ ея молодой бурно кипящей творческой жизни,

II.

Неустановленность наименованія интересующей насъ науки;
„политическая экономія“.

Интересующая насъ сейчасъ экономическая наука возникла всего только съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ и потому представляется одной изъ самыхъ юныхъ отраслей знанія въ особенности по сравненію съ такими уже вѣками и даже тысячелѣтіями существующими науками, какъ математика, физика, астрономія и др.

Отсюда неудивительно, что въ экономической наукѣ очень спорными являются не только ея научныя выраженія и ея научныя положенія, но даже самое наименованіе ея еще далеко не общепризнано. Одни называютъ эту науку политической экономіей, другіе—наукой о національномъ или народномъ хозяйствѣ, третьи—общественной экономіей или соціальной экономикой (по примѣру математики, физики, логики и т. д.).

И если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ научномъ дѣлѣ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть произвола, фантазіи или каприза, то мы необходимо придемъ

къ тому заключенію, что каждое изъ указанныхъ мною наименованій нашей науки имѣеть свое опредѣленное указаніе, какъ на общее содержаніе, или объемъ охватываемыхъ научнымъ изслѣдованіемъ явленій, фактовъ или процессовъ, такъ и на характеръ изученія этихъ явленій, фактовъ и процессовъ.

Какія же наименованія мы находимъ для выраженія интересующей насъ науки?

Наиболѣе старымъ изъ ея наименованій и, пожалуй, наиболѣе распространеннымъ, но въ то же время, надо сознаться, наименѣе яснымъ и точнымъ является всѣмъ хорошо извѣстное выраженіе—политическая экономія.

Это выраженіе случайно было брошено мало извѣстнымъ французскимъ изслѣдователемъ еще тогда, когда вовсе и не существовало нашей науки, какъ систематизированной, болѣе или менѣе самостоятельной отрасли научнаго знанія. *Монкретьенъ де Ватвилъ* было имя этого изслѣдователя.

Antoine de Montchrétien de Watteville былъ драматическимъ писателемъ; онъ жилъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. (1575—1621); о немъ извѣстно, что кромѣ писанія драмъ онъ участвовалъ на дуэли, бѣжалъ въ Англію и прощенный Генрихомъ IV возвратился на родину, чтобы пастъ въ одномъ изъ возстаній гугенотовъ (онъ былъ протестантъ). Среди его не особенно многочисленныхъ трудовъ (драматическія произведенія его были собраны и опубликованы *Petit de Julleville* въ Парижѣ въ 1891) совершенно случайно попадаетъ полунучное изслѣдованіе, которое хотя и носитъ наименованіе трактата по политической экономіи. (*Traité d'économie politique*; оно вышло въ 1615 г., вновь переиздано *Funk-Brentano*, Парижъ 1889), но которое кромѣ наименованія не оставило никакого замѣтнаго слѣда въ развитіи экономической науки. Первые творцы этой науки—физиократы и ея „отецъ“ Адамъ Смитъ (1723—1790) даже и не подозрѣвали, быть можетъ, о существованіи Монкретьена.

Однако брошенное имъ случайно выраженіе было подхвачено, если не первымъ творцомъ нашей науки, то его ближайшимъ предшественникомъ *Джемсъ Стѣартомъ* (*James Stewart*), давшимъ своему трехтомному изслѣдованію,

вышедшему въ Ирландіи (Дублинъ) въ 1770 г. слѣдующее пространное названіе: „Изслѣдованіе принциповъ политической экономіи, содержащее опытъ познанія отечественной политики у свободныхъ народовъ. Въ этомъ опытѣ специально изслѣдуются (вопросы) о населеніи, земледѣліи, торговлѣ, промышленности, деньгахъ, монетахъ, валютѣ, процентѣ, обращеніи, банкахъ и биржахъ“.

Если французскіе фізіократы XVIII вѣка и называли себя „экономистами“, то знаменитый шотланецъ *А. Смитъ*, выпуская въ 1776 г. свой экономическій трактатъ, послужившій основаніемъ для возникновенія самостоятельной отрасли научнаго знанія, не принялъ и этого даже наименованія, а предпочелъ озаглавить свое дѣтище „Изслѣдованіемъ о природѣ и причинѣ богатства народовъ“ (*The Inquiry into the Nature and Causes of Wealth of Nations*).

Изъ систематиковъ и послѣдователей Смита французскій изслѣдователь *Сэй* (*Jean Baptiste Say* 1767—1832) первый въ новѣйшее время принялъ наименованіе новой науки — „политическая экономія“. Но онъ не ограничился однимъ этимъ выраженіемъ, а счелъ необходимымъ, какъ до него Стѣартъ, пояснить подробнѣе это новое для того времени наименованіе нашей науки; поэтому слова „политическая экономія“ онъ поясняетъ: „или простое измѣненіе того способа, при посредствѣ котораго образуются, распредѣляются и потребляются богатства“. (*Traité d'économie politique, ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses*, 2 тома, Paris, 1803—переведенной уже тогда почти на всѣ европейскіе языки).

Наименованіе „политическая экономія“ получаетъ себѣ скоро самое широкое распространеніе даже на родинѣ Смита. Ближайшій и одинъ изъ крупнѣйшихъ его учениковъ *Давидъ Рикардо* (*David Ricardo* 1778—1823) беретъ это наименованіе, и озаглавливаетъ имъ сборникъ своихъ статей („*On the principles of political economy and taxation*, London, 1817), давшихъ сильный стимулъ къ углубленію и выясненію нѣкоторыхъ основныхъ началъ, выдвинутыхъ Смитомъ въ его „Богатствѣ народовъ“.

Это наименование окончательно устанавливается и получает полное право гражданства на родинѣ Смита со времени знаменитаго популяризатора и систематика въ области экономической науки *Дж. Ст. Милля* (*John Stuart Mill* 1806—1873), выпустившаго свой чрезвычайно популярный курсъ или руководство (хотя какъ большинство англійскихъ изслѣдователей онъ не былъ профессоромъ)—„Основанія политической экономіи съ нѣкоторымъ приложеніемъ ихъ къ соціальной философіи“—много разъ переиздававшіяся и переведенныя на всѣ языки,—у насъ дважды: съ примѣчаніями Н. Г. Чернышевскаго и подъ ред. проф. Остроградскаго.

То обстоятельство, что Милль не удовлетворился однимъ общимъ наименованіемъ,—„основанія политической экономіи“, а прибавилъ къ нему указаніе на дополненіе „съ нѣкоторымъ ихъ приложеніемъ къ соціальной философіи“ знаменуетъ собою новый поворотъ въ развитіи нашей науки (объ этомъ дальше).

Курсы Сэя и Милля послужили освоеніемъ для всѣхъ тѣхъмногочисленныхъ учебниковъ и руководствъ, которые появлялись на свѣтъ Божій въ связи съ тѣмъ фактомъ, что новая наука нашла себѣ мѣсто въ качествѣ обязательной дисциплины въ общемъ циклѣ университетскаго преподаванія.

Но что собственно значить это наименование? Филологически, т. е. по своему словообразованію выраженіе „политическая экономія“ происходитъ изъ трехъ греческихъ словъ: *Πολιτεία* (*Політикѳн*), *οἶκος* и *νομος*.

Первое изъ этихъ словъ означаетъ городъ—государство и все то, что присуще ему; второе слово означаетъ—домъ и присущее всякому дому хозяйство (*fr. ménage*), домохозяйство; откуда уже греческій писатель *Ксенофонтъ* произвелъ сложное слово *οἰκονομία*—все, что регулируетъ (*νομος*—законъ) домашній бытъ, домохозяйство,—наше „домостройство“; отсюда позднѣйшее латинское слово „*oeconomicus*“, французское „*économie*“, англійское „*economy*“, нѣмецкое „*Oekonomie*“, русское „экономія“,—какъ общій терминъ, какъ общее выраженіе, но подчасъ охватывающее весьма разнородное содержаніе.

Исторически наименованіе „политическая экономія“ зародилось въ ту эпоху, когда понятіе „государство“ охватывало собою все содержаніе, всѣ формы человѣческаго общенія и потому „политическая экономія“ должна была выражать хозяйственныя явленія и хозяйственныя отношенія между людьми, объединенными въ государственныя, или политическіе союзы.

Но постепенно общее выраженіе „политическій“ начинаетъ видоизмѣняться; по мѣрѣ того, какъ развиваются формы общенія людей, все больше и больше этотъ терминъ начинаетъ не соответствовать новымъ теченіямъ и стремленіямъ въ области человѣческаго общенія.

III.

„Национальный“ и „соціальный“ элементы въ исторіи XIX вѣка и ихъ вліяніе на характеръ, объемъ и наименованіе экономической науки.

Государство и связанное съ нимъ понятіе „политическій“ (союзъ) становится часто въ рѣзкое противорѣчіе съ болѣе старымъ, болѣе первичнымъ понятіемъ націи, національности или народа и народности. Въстѣ съ пробужденіемъ національныхъ движеній въ серединѣ 19-го вѣка и экономическія явленія и отношенія начинаютъ все болѣе окрашиваться въ особыя національныя цвѣта.

Всего сильнѣе національное чувство и національныя стремленія въ 19 вѣкѣ пробудились въ народностяхъ, представлявшихъ до этого времени, разрозненными, обособленными другъ отъ друга и вслѣдствіе того легко поддававшія въ разные времена различнымъ политическимъ воздѣйствіямъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса (1815), когда впервые было выдвинуто начало національности, на ряду съ другими народностями начали объединяться и нѣмцы, впрочемъ не достигшіе въ этомъ отношеніи окончательнаго результата и до настоящаго времени, т. к. старое начало—политическій союзъ—оказался все же сильнѣе, чѣмъ возродившееся начало національности (ср. Австрія, съ одной стороны и на-

сильственное присоединеніе земель французскихъ, датскихъ и польскихъ, съ другой стороны).

Тѣмъ не менѣе, какъ выраженіе этого національнаго стремленія терминъ „политическій“ нѣмцы въ лицѣ крупнаго своего изслѣдователя *Листа*, начали замѣнять терминомъ „національный“ (*Fr. List*, „Das nationale System der politischen Oekonomie“, 1840) или народный, въ частности народно-хозяйственный, откуда и самая наука получила у нѣмцевъ весьма распространенное наименованіе національной экономіи, или науки о народномъ хозяйствѣ (*National-ökonomie* и *Volkswirtschaftslehre*).

Этого рода наименованія удерживаются нѣмцами и въ настоящее время на ряду съ вышеуказаннымъ наименованіемъ „*Politische Oekonomie*“; но каждому изъ этихъ наименованій въ настоящее время придается особый смыслъ (о чемъ дальше).

Надо замѣтить, что выраженіе „народное хозяйство“ перешло и къ намъ, хотя для наименованія общихъ курсовъ у насъ больше распространено выраженіе „политическая экономія“.

Однако указанными сейчасъ названіями не ограничивается спорная область наименованія насъ интересующей научной дисциплины. Наряду съ ними существуютъ еще нѣкоторыя другія названія, которыя также имѣютъ не только историческій интересъ, но и интересъ по существу, по сколько за ними скрываются свои особыя стремленія расширить или сѣзуть область явленій, фактовъ и отношеній, образующихъ собою предметъ данной науки.

Дѣло въ томъ, что понятіе государства и опредѣляемый его содержаніемъ терминъ „политическій“ въ 19 вѣкѣ встрѣтились не только съ явленіями и стремленіями „національности“: на ряду съ національнымъ движеніемъ, какъ со стремленіемъ одной народности ограничиться во внѣ отъ другой, въ 19 вѣкѣ происходятъ очень сильныя измѣненія и во внутреннихъ отношеніяхъ самихъ народностей. Новая форма политической жизни, выражавшаяся въ привлеченіи къ государственной жизни и къ отправленію ея задачъ широкихъ слоевъ населенія, создала новыя явленія

и связанныя съ ними новыя интересы, новыя стремленія. Всему тому, что связано съ моментомъ власти, какъ организованнаго и покоющагося на официальномъ правѣ принужденія, начали противопоставлять все то, что хотя и касается всѣхъ въ одинаковой степени, но что осуществляется всѣми не въ силу принужденія или права, а свободно, въ силу сознанія общности интересовъ. Этого рода явленія и получили себѣ наименованіе общественныхъ, или соціальныхъ, какъ явленій, вытекающихъ изъ особой, новой формы общенія людей, объединенныхъ не только въ политическіе союзы, въ государства, но и въ естественныя, свободныя общества.

Самое выраженіе „естественный“ въ смыслѣ свободной отъ всего искусственно созданнаго человѣкомъ уже въ XVIII вѣкѣ сочеталось съ понятіемъ „порядокъ“, устанавливающимся въ результатѣ свободной игры и столкновеній интересовъ внѣ всякаго вмѣшательства государственной власти.

Призывъ къ изученію живой природы, а не мертвой средневѣковой схоластики, протестъ противъ цивилизаціи и возвращеніе къ первобытнымъ болѣе простымъ и счастливымъ условіямъ жизни, требованіе свободныхъ общественныхъ отношеній на мѣсто государственно-феодалныхъ установленій,—вотъ, что выдвинулъ XVIII вѣкъ и что черезъ Великую французскую Революцію, установившую своего рода революціонную „традицію“ и для послѣдующихъ временъ, выступило во второй половинѣ XIX вѣка на мѣсто понятій государственной (политической) и національной.

Все это, разумѣется, не могло не отразиться и на нашей наукѣ, по скольку хозяйственныя явленія уже не умѣщались въ предѣлы политическаго или національнаго союзомъ. Образовался новый терминъ—общество, общественный, соціальный, а съ нимъ начали говорить о соціальной экономіи.

Это новое названіе создано во Франціи и по преимуществу тамъ получило себѣ признаніе. Но оно употребляется (хотя рѣже) и нѣмецкими экономистами.

Въ настоящее время и этому наименованію придаютъ особый отпечатокъ въ цѣляхъ подчеркнуть особую точку зрѣнія на подлежащее изслѣдованію факты, явленія и отношенія. Этотъ отпечатокъ мы находимъ опредѣленно выраженнымъ уже у Дж. Ст. Милля въ подчеркнутомъ нами приращеніи къ общему наименованію его „Основаній“— „съ нѣкоторымъ ихъ приложеніемъ къ соціальной философіи“ (with some of their application to social philosophy). Этимъ какъ бы указывается на расширеніе собственной области политической экономіи въ цѣляхъ приложенія общихъ политико-экономическихъ началъ къ явленіямъ и отношеніямъ, опредѣляемымъ общественной жизнью.

Въ такой связи съ установленнымъ пониманіемъ области „приложенія“ экономическихъ истинъ или положеній къ явленіямъ и отношеніямъ политическимъ, народнымъ (національнымъ) или общественнымъ явилась мысль выдѣлить область „чисто“ экономическихъ явленій или отношеній, внѣ связи ихъ съ той или иной формой человѣческаго общенія. Эта попытка нашла себѣ дѣйствительно мѣсто въ нашей наукѣ и на этомъ основаніи пытаются различать въ ней двѣ стороны:

а) одну сторону, историческую, касающуюся экономическихъ фактовъ, явленій и отношеній, обусловленныхъ не только той или другой наличной формой общенія или наличностью всѣхъ этихъ трехъ формъ, но и всѣмъ конкретно-историческимъ содержаніемъ человѣческой жизни на землѣ и

б) другую сторону— абстрактно-догматическую, имѣющую въ виду выясненіе сущности экономическихъ явленій или отношеній внѣ ихъ конкретныхъ условій существованія, т. е. въ ихъ отлученномъ представленіи, какъ понятій или общихъ сужденій, являющихся въ результатѣ особыхъ умственныхъ процессовъ научнаго анализа и научнаго синтеза, или обобщенія.

Для выдѣленія и изслѣдованія этой послѣдней стороны экономическихъ явленій и отношеній и было предложено новое наименованіе, если не для всей экономической науки во всемъ ея цѣломъ, то для опредѣленной ея части. Это

наименованіе — „экономика“, безъ всякаго прилагательнаго и съ окончаніемъ „ика“, напоминающимъ такія отвлеченныя, „чистыя“ науки какъ „логика“, „математика“, „физика“ и т. д.

Однако эта попытка еще не получила себѣ широкаго признанія среди экономистовъ и потому самое наименованіе „экономика“ встрѣчается пока значительно рѣже другихъ установленныхъ названій нашей науки.

Однако какое же изъ всѣхъ вышеприведенныхъ наименованій интересующей насъ науки слѣдовало бы принять какъ наиболѣе правильное? Если даже и признать, что всякое наименованіе условно и относительно, то во всѣхъ перечисленныхъ выраженіяхъ на ряду съ условностью и относительностью имѣются свои болѣе или менѣе существенныя недочеты.

Выраженіе „политическая экономія“ — недостаточно своимъ моментомъ государственности (напоминающее старое нѣмецкое *Staatenkunde*, съ которымъ часто нѣмцы смѣшиваютъ ее и въ настоящее время).

Выраженіе „національная экономія“, какъ и „ученіе о народномъ хозяйствѣ“ подчеркиваетъ, по преимуществу, ту часть экономической науки, которую мы раньше отмѣтили, какъ „историческую“. И дѣйствительно, это наименованіе наиболѣе часто встрѣчается у сторонниковъ, такъ наз., „исторической школы“ (Листъ, Рошеръ, Книсъ и Шмоллеръ).

„Соціальная экономія“ могла бы быть наиболѣе удачнымъ наименованіемъ, если бѣ она въ лицѣ такихъ представителей, какъ французскій изслѣдователь Шарль Жидъ (*Ch. Gide*) не имѣла на себѣ отпечатка вѣяній, вызываемыхъ вопросами и явленіями т. наз. „соціальной политики“.

„Экономика“ отмѣчаетъ, какъ было сказано, лишь одну сторону — абстрактно-догматическую, въ противоположность исторической.

Наиболѣе общимъ и, можно сказать, наименѣе притязательнымъ является наименованіе нашей науки „экономической“.

Если какое нибудь выраженіе не можетъ съ достаточной полнотой и точностью передать все огромное своеобразное содержаніе скрывающейся за нимъ дѣйствительности, то это выраженіе по крайней мѣрѣ должно быть достаточно широко, чтобы не стѣснять насъ своими узкими и условными предѣлами.

„Экономическая наука“ сама по себѣ еще ничего не говоритъ о томъ, что за этимъ выраженіемъ скрывается—это ея недостатокъ; но она ничѣмъ насъ не стѣсняетъ, предоставляя широкой просторъ для включенія всего того, что мы считаемъ необходимымъ въ нее вмѣстить—въ этомъ ея преимущество.

Независимо отъ того, какъ понимать надлежащій объемъ и характеръ экономической науки, для насъ остается безспорнымъ одно, а именно; что, знакомясь съ явленіями экономической жизни, мы будемъ имѣть въ виду прежде всего матеріальныя, хозяйственныя блага человѣка.

Если такъ, то не можетъ ли у насъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, не слишкомъ ли это будничныи и пошлый предметъ для науки? Соответствуютъ ли заботы о нашемъ матеріальномъ благополучіи достоинству и нашему высокому пониманію научнаго познанаія? И даже въ такія тяжелыя минуты лишеній и заботъ, какія мы сейчасъ переживаемъ, не является ли все это скорѣе предметомъ практической дѣятельности—торговцевъ, промышленниковъ и домохозяекъ? Зачѣмъ намъ оставлять священный храмъ чистой науки для торжищъ и базаровъ?

Всѣ эти сомнѣнія и вопросы разрѣшатся сами собой, если мы усвоимъ истинныя задачи экономической науки, и выяснимъ себѣ, при какихъ условіяхъ самые будничные, матеріальные интересы и заботы могутъ стать предметомъ глубокаго научнаго познанаія.

Для науки важно не то, что она изучаетъ, а какъ она изучаетъ, т. е. какіе задачи она себѣ ставитъ и какими началами, или требованіями она руководится въ достиженіи этихъ задачъ.

Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ не только

объемъ и характеръ данной науки, но и ея истинное значеніе для культурнаго развитія человѣчества.

Какovy же эти задачи экономической науки?

IV.

Наука, какъ творческая сила. Научная истина и установленіе „должнаго“. Отличіе воли отъ произвола и своеволія.— Воспріятіе и оцѣнка, какъ двѣ стороны научнаго познанія.

Всякая историческая эпоха вкладываетъ свое собственное особое содержаніе въ понятіе того, что мы называемъ наукой, а съ этимъ диктуетъ ей свои особенные задачи.

Въ переживаемую нами эпоху наука не является для насъ только однимъ отраженіемъ жизни, какъ думали раньше. Наука со всѣми устанавливаемыми ею научными положеніями должна представляться намъ какъ единая, живая, творческая сила.

Наука не только должна расширять наше пониманіе міра, но и углублять наши чувства и укрѣплять нашу волю.

Правда, въ этихъ цѣляхъ наука дѣйствуетъ не какъ единственная живая творческая сила: на ряду съ ней и въ тѣсной связи съ нею дѣйствуютъ въ тѣхъ же общихъ цѣляхъ еще и такія высшія творческія силы, какъ религія и искусство.

Но напрасно бы было пытаться установить какое-либо существенное и безусловное разграниченіе между этими тремя сторонами человѣческаго духа. Только считаясь съ нашими весьма ограниченными способностями постигать самое существенное, мы вынуждаемся всѣкій разъ это „самое существенное“ дробить, расчленять на части и воспринимать вмѣсто единаго цѣлаго одну изъ микроскопическихъ его долей. И только при условіи такой ограниченности мы можемъ говорить о наукѣ, какъ о чемъ то болѣе или менѣе самостоятельномъ, о научныхъ задачахъ, какъ о чемъ то, само по себѣ существующемъ. Но въ самой глубинѣ нашего познанія наука неразрывна съ такими сторонами нашего духа, какъ религія и искусство.

Въ этомъ легко убѣдиться на примѣрѣ того цикла знанія, къ которому относится интересующая насъ сейчасъ экономическая наука.

Обыкновенно говорятъ — задача науки: раскрытіе истины. Но что такое истина? это прежде всего тождество между тѣмъ, что мы высказываемъ, и тѣмъ, что реально въ дѣйствительности. О реальномъ въ дѣйствительности мы можемъ говорить или какъ о настоящемъ, или какъ о существовавшемъ въ прошломъ. Отсюда, задача науки является прежде всего установленіе чего-либо фактическаго, реально существовавшаго или реально существующаго. Таковы, дѣйствительно, задачи наукъ естественныхъ (о природѣ) и наукъ историческихъ (о прошлой жизни человѣка).

Но есть циклъ наукъ, самый смыслъ существованія которыхъ заключается не только въ раскрытіи того, что было или что есть, но и въ установленіи того, что должно быть.

Это — тѣ науки, которыя изслѣдуютъ человѣка въ данной окружающей его общественной средѣ, предполагая, что человѣкъ не есть слѣпое орудіе этой среды (общества), а выступаетъ по отношенію къ ней — къ средѣ, какъ ея активный членъ, т. е. прежде всего чувствующій свою связь съ тѣмъ обществомъ, въ которое онъ входитъ сознательно и по отношенію къ которому онъ проявляетъ свою твердую, цѣлеполагаемую волю.

Самое понятіе воли тутъ слѣдуетъ рѣзко противопоставить понятію произвола или своеволія.

Своеволіе или произволь предполагаетъ отказъ отъ какихъ бы то ни было общихъ руководящихъ началъ, или правилъ, въ поведеніи человѣка: всякій поступаетъ не такъ, какъ повелѣваетъ ему его совѣсть, или долгъ, или какое-нибудь иное высшее нравственное начало, а какъ случайно захочется тому мелкому, низменному чувству, съ которымъ человѣкъ часто носится при сознаніи и любованіи своего ограниченно-личнаго „я“.

Природу „своеволія“ художественно раскрылъ передъ нами Достоевскій, указавъ на такихъ лицъ, какъ

Кириллова въ романѣ „Бѣсы“. И мы знаемъ, что своеволие не только не расширяетъ нашего духовнаго начала, которое всегда подымается высоко надъ нашимъ узкимъ и мелкимъ „я“, связаннаго съ такими мелкими чувствами, какъ зависть, тщеславіе, эгоизмъ, обидчивость, сомнѣніе и т. д.; не только не расширяетъ, но убиваетъ его,—это высшее начало—а съ нимъ и самую личность, какъ его носителя.

...„Самый полный пунктъ моего своеволія—это убить себя самому“. (Кирилловъ).

Воля только тогда является истинно свободнымъ выраженіемъ высшаго духовнаго существа въ человѣкѣ, когда руководится высшими нравственными правилами, какъ на-примѣръ, завѣты Христа, или какъ „категорическій императивъ“ Канта—„поступать такъ, чтобы правило которымъ мы руководимся, могло бы стать всеобщимъ правиломъ поведенія, закономъ“.

Именно въ этомъ смыслѣ говорить и Пушкинъ о волѣ, какъ о свободномъ проявленіи души: „Свободною душой законъ боготворить“.

Истинное усвоеніе сущности „воли“ чрезвычайно важно для насъ именно въ переживаемый нами моментъ, когда такъ часто подъ свободой мы понимаемъ не истинную свободу воли, а свободу произвола и своеволія, въ принятомъ мною смыслѣ.

Но выясненіе того, что мы называемъ волей, и что неразрывно связано съ ясностью сознанія и глубиной чувства—необходимо еще и для того, чтобы уяснить себѣ тѣ особенныя задачи, которыя ставитъ себѣ современная наука объ обществѣ,—общественныя или социальныя науки, къ которымъ принадлежитъ и наука экономическая.

Раньше мною была указана одна задача науки—раскрытіе или установленіе истины; при этомъ мною было выяснено, что истинное, какъ тождество между высказываемымъ и существующимъ, имѣетъ въ виду только фактическое; и что въ противоположность другимъ научнымъ дисциплинамъ науки общественныя не удовлетворяются одной этой задачей, а пытаются раскрыть не только фактическое, но и должное. Другими словами мы имѣемъ двѣ

основныя задачи общественныхъ наукъ, а съ нимъ и науки экономической: воспріятіе и оцѣнку.

Подъ воспріятіемъ мы понимаемъ усвоеніе раскрывающихся передъ нашимъ сознаніемъ фактовъ, событій и явленій хозяйственной жизни народовъ, какъ въ прошломъ ихъ развитіи, такъ и въ настоящемъ ихъ состояніи.

Но на ряду съ воспріятіемъ мы ставимъ себѣ вопросъ о значеніи или о цѣнности для насъ такихъ фактовъ, событій и явленій; а оцѣнка предполагаетъ прежде всего противопоставленіе того, что есть, тому, къ чему мы стремимся. Что—согласно нашему убѣжденію, нашей увѣренности или нашимъ желаніямъ—должно быть. Однако въ научной области мы не можемъ полагаться только на наши личныя чувства, сознаніе и волю, и научная оцѣнка рѣзко отличается отъ оцѣнки, которую мы производимъ въ нашей обычной, практической жизни тѣмъ, что научная оцѣнка стремится опереться на нѣкоторое болѣе общее и незыблемое основаніе.

Такимъ основаніемъ для насъ является идеаль, или высшій общеобязательный критерій нравственности, прилагаемый нами къ общественнымъ, намъ современнымъ, отношеніямъ.

V.

Рѣшеніе „соціального вопроса“, какъ основная задача современной экономической науки въ связи съ особенностями соціальныхъ наукъ вообще.—Субъективизмъ.

Выяснивъ такимъ образомъ двѣ основныя стороны научнаго познания—воспріятіе съ т. зр. истины и оцѣнку съ т. зр. идеала, мы теперь можемъ ближе подойти къ вопросу о задачахъ современной экономической науки.

Всѣ эти задачи можно для краткости свести къ одной самой общей, а именно: къ рѣшенію того, что называется въ настоящее время „соціальнымъ вопросомъ“.

Но что такое „соціальный вопросъ“?

Въ своемъ широко-научномъ пониманіи „соціальный вопросъ“ означаетъ, что въ пробудившемся общественномъ

самосознаніи родилось сомнѣніе, или противорѣчіе между тѣмъ, что существуетъ и тѣмъ, къ чему призываетъ насъ нашъ идеаль, противорѣчіе между сущимъ и должнымъ.

Въ чемъ заключаются тѣ противорѣчія, что образуютъ современный для насъ „соціальный вопросъ“, это и составляетъ самый предметъ экономической науки.

Необходимо при этомъ замѣтить, что на ряду съ частными противорѣчіями, которыми характеризуются такія важныя современныя явленія хозяйственной жизни, какъ современное состояніе трудящихся массъ, что образуетъ, такъ называемый, „рабочій вопросъ“, или какъ отношеніе трудового населенія къ землѣ, какъ къ источнику своихъ средствъ существованія, что образуетъ такъ называемый „земельный (аграрный) вопросъ“, или какъ современное состояніе денегъ, когда при ихъ обилии все такъ дорого стѣитъ, что жить становится значительно труднѣе, чѣмъ въ то время, когда денегъ у каждого было меньше; наряду съ этими, повторяю, „частными“ противорѣчіями современныхъ главнѣйшихъ хозяйственныхъ явленій экономическая наука отмѣчаетъ и болѣе общія противорѣчія, присущія всему современному общественно-хозяйственному строю, называемому нами „капиталистическимъ“ строемъ, или „системой капитализма“.

Въ силу такихъ, присущихъ всему современному соціально-экономическому укладу жизни, внутреннихъ, чрезвычайно острыхъ противорѣчій и выдвигается въ качествѣ насущной задачи современной экономической науки не только выясненіе сущности этихъ противорѣчій, неотъемлемыхъ отъ современнаго общественнаго строя, но и установленіе основъ будущаго общественнаго уклада жизни, болѣе соответствующаго нашему общественному идеалу.

Ссылка на идеаль, также какъ указанная мною раньше начала оцѣнки, сознанія и воли, обыкновенно, вызываютъ большое смущеніе въ умахъ лицъ, приступающихъ къ знакомству съ общественными науками; на этомъ основаніи я считаю необходимымъ подробнѣе выяснить относящіяся сюда особенности соціальныхъ наукъ, вообще, и примыкающей къ нимъ экономической науки, въ частности.

Въ особенности я бы хотѣлъ подчеркнуть здѣсь не получившее еще пока достаточнаго освѣщенія въ современномъ знаніи соотношеніе между теоріей, политикой и идеаломъ въ экономической наукѣ.

Первая и, быть можетъ, наиболѣе существенная особенность социальныхъ наукъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ имѣютъ дѣло непосредственно съ „вопросами жизни“, съ вопросами—какъ по самому содержанію, такъ и по способу ихъ изслѣдованій—въ значительной степени субъективныи. Въ этомъ отношеніи, напр., принципы частной или коллективной собственности, начала свободы выбора профессіи или занятій, вопросы о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ народа и т. д. являются прежде всего вопросами, которые въ конечномъ счетѣ имѣютъ въ виду самыя основныя условія существованія каждаго изъ насъ; въ этихъ вопросахъ самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются наши общія представленія о правѣ, морали и экономіи, и потому вполне понятно, что этого рода проблемы ставятся и разрѣшаются каждымъ изъ насъ въ тѣсной связи съ его личнымъ міропониманіемъ.

Факторъ личнаго сознанія, вообще, играетъ чрезвычайно значительную роль въ возникновеніи и установленіи социальныхъ проблемъ.

Такъ напримѣръ, „рабочій вопросъ“, какъ социальная проблема, возникъ только въ XIX вѣкѣ, именно въ моментъ, когда принципъ демократіи былъ признанъ основнымъ началомъ социальной политики, т. е. въ тотъ моментъ, когда впервые за трудящимися массами было признано право на ихъ социальное самоопредѣленіе. Несомнѣнно, отдѣльные элементы этого рода признанія зародились уже задолго въ умахъ отдѣльныхъ единичныхъ мыслителей, но только со временемъ эти начала могли стать господствующими идеями.

„Чѣмъ шире проблема, говоритъ Максъ Веберъ, т. е. чѣмъ больше она имѣетъ обще-культурное значеніе, тѣмъ меньше можетъ ее удовлетворять одинъ общій отвѣтъ изъ объективнаго познанія опыта, и тѣмъ больше играетъ въ ней роль личная аксіома вѣры и идейной оцѣнки“. Отсюда понятна тѣсная связь социальной науки съ господству-

ющими идеями, съ одной стороны, и съ субъективными воззрѣніями ея изслѣдователей, съ другой.

Рядомъ съ этимъ, соціальныя проблемы и, въ особенности, опредѣленно выраженныя попытки къ ихъ разрѣшенію дѣйствуютъ направляющимъ образомъ на волевою дѣятельность каждаго изъ насъ. Это положеніе не требуетъ особыхъ доказательствъ; достаточно оглянуться вокругъ и всякому станетъ понятно, почему въ настоящее время такъ сильно волнуютъ русское общество не только общіе вопросы государственнаго устройства, но и такія болѣе частныя чисто экономическія проблемы, какъ вопросъ аграрный, рабочій и др. подобные соціальныя вопросы. Сейчасъ мы всѣ свидѣтели того, какъ эти „вопросы“ отражаются на направленіи волевой дѣятельности какъ отдѣльныхъ, единичныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ политическихъ партій...

Если, такимъ образомъ, то или иное установленіе или рѣшеніе соціальныхъ проблемъ находится въ тѣсной зависимости отъ широты нашихъ общихъ воззрѣній, отъ стѣпени чуткости пониманія нами дѣйствительности, наконецъ, отъ присущей намъ способности предвидѣть болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ будущія послѣдствія,—то, съ другой стороны, всякое наше стремленіе выразить наше пониманіе и наше отношеніе къ вновь народившейся соціальной проблемѣ прежде всего влечетъ за собой опредѣленное направленіе нашей воли и дѣятельности.

Такимъ образомъ, первая особенность экономической науки и выдвигаемыхъ ею соціальныхъ проблемъ—это глубоко проникающій ихъ элементъ субъективизма.

Этотъ субъективизмъ соціальныхъ наукъ, какъ я сейчасъ указалъ, находитъ себѣ выраженіе и въ самомъ предметѣ ихъ изслѣдованій, и въ нашемъ отношеніи къ нимъ.

Кромѣ элемента субъективизма, политической экономіи, какъ соціальной наукъ, присущи еще и другія особенности.

VI.

„Сущее“ и „должное“; вытекающее отсюда расчлененіе экономической науки на теорію, политику и идеаль.

Всякая соціальная наука, а слѣдовательно, и полити-

ческая экономія, какъ мною указывалось уже выше, изучаетъ не только то, „что есть“, но и то, „что должно быть“.

Это приводитъ къ расчлененію экономической науки на экономическую теорію и экономическую политику. Такого рода противопоставленіе теоріи и политики нельзя смѣшивать съ тѣмъ соотношеніемъ, какое встрѣчается въ нашихъ наукахъ при расчлененіи ихъ на „чистыя“ и „прикладныя“. Въ виду того, что этотъ вопросъ въ области социальныхъ наукъ, на мой взглядъ, еще недостаточно опредѣленно установленъ, я позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Въ широкомъ смыслѣ слова всякое научное знаніе есть теорія. Въ этомъ отношеніи ему можно противопоставить или просто знаніе, какъ часть того сырого матеріала, изъ котораго лишь со временемъ при помощи особыхъ приѣмовъ образуется знаніе научное, или такое знаніе, смыслъ и цѣль котораго опредѣляются исключительно возможностью его непосредственнаго приложенія къ предмету весьма далекому отъ научнаго познанія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть научный матеріалъ, въ послѣднемъ случаѣ,—такъ называемое, „прикладное знаніе“, какъ техника, медицина.

Научная теорія, или наука, занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ условіяхъ образованія нашего міропониманія. Она является необходимымъ—хотя сама по себѣ и недостаточнымъ—условіемъ развитія въ человѣкѣ духовной личности, отличающей его отъ другихъ живыхъ существъ на землѣ.

Развивается теоретическое, или научное, знаніе, обыкновенно, весьма медленно и требуетъ для себя огромной затраты силъ многихъ поколѣній. Правда, мы знаемъ, что были эпохи, когда теорія распускалась пышнымъ цвѣтомъ и служила лучшимъ украшеніемъ своего времени. Но такія эпохи наступали и исчезали. Наука начинала чуть ли не сызнова свой медленный путь и опять не разъ обрывалась.

Этотъ постоянно прерывающійся процессъ развитія научнаго знанія обусловленъ цѣлымъ множествомъ обстоятельствъ. Сейчасъ я бы хотѣлъ остановиться на тѣхъ изъ нихъ, устраненіе которыхъ по преимуществу въ силахъ чело-

вѣка, въ его волѣ и научномъ пониманіи. Такого рода условіями, препятствующими непрерывному прогрессу научнаго знанія, по отношенію къ соціальнымъ наукамъ, я считаю научную обособленность, оторванность соціальной теоріи отъ другихъ ей родственныхъ сторонъ нашего интеллектуально-волевого міропониманія и міросозданія.

Стороны эти—соціальная политика и соціальныи идеаль.

Идеаль и политика! Въ чемъ ихъ содержаніе и каково ихъ значеніе для науки? Вотъ вопросы, которые выдвигаются нашимъ временемъ все болѣе настойчиво и которые особенно важны для всякаго, интересующагося соціальными проблемами.

Экономическая наука, есть прежде всего экономическая теорія. Въ широкомъ смыслѣ слова всякая теорія, а слѣдствительно, и экономическая наука, считаетъ своей ближайшей задачей установленіе научныхъ идей при помощи процессовъ отвлеченія и обобщенія наблюдаемыхъ нами явленій.

Всякое научное наблюденіе отличается отъ простаго наблюденія—какъ обыкновеннаго процесса нашихъ чувственныхъ воспріятій—систематичностью и планомѣрностью. Въ этомъ смыслѣ въ естественныхъ наукахъ широко практикуется методъ экспериментированія.

Какъ извѣстно, науки соціальныя этого метода не имѣютъ. Но въ этихъ наукахъ все же наблюденіе рѣзко отличается отъ простаго процесса чувственныхъ воспріятій и носитъ свой особый характеръ.

Научность наблюденія въ области соціальныхъ явленій выражается въ рядѣ требованій, предъявляемыхъ къ наблюденію, какъ къ одному изъ весьма важныхъ методовъ соціальныхъ наукъ. Эти требованія, обыкновенно, указываются въ общихъ курсахъ политической экономіи; теперь я бы хотѣлъ только остановиться на особенномъ характерѣ наблюденія въ соціальныхъ наукахъ по сравненію съ естественно-научнымъ наблюденіемъ. Этотъ особенный характеръ соціально-научнаго наблюденія обусловленъ отличительными свойствами, присущими какъ предмету, или

объекту наблюдёнія, такъ и самому процессу наблюдёнія.

Въ первомъ случаѣ надо замѣтить, что социальное явленіе, какъ объектъ наблюдёнія, стоитъ передъ нами не изолированно и не въ неизмѣнномъ видѣ; напротивъ, всякое социальное явленіе находится постоянно въ процессѣ своего историческаго развитія: оно эволюционируетъ; съ другой стороны, оно неразрывно связано со всѣмъ окружающимъ его міромъ социальныхъ отношеній. Отсюда такъ широко распространена въ социальныхъ наукахъ необходимость въ особомъ методѣ абстрагированія, — отвлеченія идеи или „сущности“ отъ конкретныхъ условій видимой реальной дѣйствительности.

Что касается особенностей, присущихъ самому процессу наблюдёнія, то онѣ выражаются въ томъ, что всякое наше наблюдёніе въ области социальныхъ явленій находится въ тѣсной связи съ оцѣнкой данныхъ явленій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности (полезности) и съ точки зрѣнія соответствія или несоответствія этихъ явленій съ нашимъ общимъ міровоззрѣніемъ или идеаломъ. Отсюда всякій социальный вопросъ получаетъ свое разрѣшеніе прежде всего въ результатѣ изслѣдованія его съ двухъ сторонъ: „что есть“ и „что должно быть“. Отсюда же и обычное уже указанное дѣленіе экономической науки на экономическую теорію и экономическую политику. Но болѣе глубокой анализъ въ области изслѣдованій социальныхъ проблемъ приводитъ насъ къ признанію недостаточности этого расчлененія. Для изслѣдованія социальныхъ вопросовъ не достаточно только констатировать фактъ и указать на его желательное разрѣшеніе. Дѣло въ томъ, что вопросъ, „что должно быть“ предполагаетъ возможность отвѣта двоякаго рода: или указаніе на ближайшія задачи и желанія, или стремленіе къ болѣе отдаленнымъ идеальнымъ цѣлямъ. Слѣдовательно, этотъ вопросъ требуетъ болѣе детальнаго расчлененія и прежде всего болѣе опредѣленнаго отдѣленія ближайшихъ задачъ отъ дальней цѣли. Вопросъ о ближайшихъ задачахъ по самому своему существу имѣетъ дѣло съ принципами цѣлесообразности и потому долженъ содержать въ себѣ указанія не только на

самыя эти задачи, но и на способъ или средства возможнаго ихъ осуществленія. Вопросъ же „что должно быть?“ съ точки зрѣнія болѣе далекой цѣли приходитъ въ соприкосновеніе съ нашими общими воззрѣніями въ области социальныхъ явленій, и потому его чисто теоретическое разрѣшеніе обусловлено всецѣло нашимъ социальнымъ идеаломъ.

Такимъ образомъ, по моему убѣжденію, всякая социальная наука, а слѣдовательно, и экономическая наука отвѣчаетъ на вопросы троякаго рода:

„Что есть?“—въ смыслѣ констатированія существующаго, „что и какъ должно быть измѣнено, чтобъ достигнуть лучшаго будущаго?“—въ смыслѣ указанія ближайшихъ достижимыхъ задачъ, и „каковъ конечный идеаль?“—въ смыслѣ указанія конечной общей идеи данной проблемы въ связи съ общимъ нашимъ міровоззрѣніемъ.

Отсюда всю область социальнo-экономическихъ изслѣдованій можно расчлениить на три группы: экономическую теорію, экономическую политику и экономической идеаль. Эти три основные отдѣла экономической науки имѣютъ каждый болѣе или менѣе свой особый предметъ изслѣдованія и свои особыя методологическія требованія.

Но раньше, чѣмъ пойти далѣе, я сейчасъ же долженъ сдѣлать оговорку, что устанавливаемое мною расчлененіе имѣетъ чисто условный, формальный характеръ; цѣнность подобнаго расчлененія опредѣляется тѣмъ, поскольку оно раскрываетъ передъ нами нѣкоторыя отдѣльныя стороны данной науки. По существу экономическая наука представляется мнѣ неразрывно единой и цѣльной съ собственнымъ строго опредѣленнымъ предметомъ содержанія и съ собственной методологіей, т. е. способомъ его изслѣдованія.

Только съ этой оговоркой я приступаю къ анализу различныхъ сторонъ социальной, въ частности, экономической науки.

VII.

Экономическая теорія, ея задачи и методологическія особенности.

Задача экономической теоріи, въ узкомъ, специаль-

номъ значеніи этого слова, сводится къ установленію экономическихъ идей и понятій въ смыслѣ систематически обобщенныхъ положеній по отношенію къ наблюдаемымъ явлениямъ.

Что касается до средствъ и приемовъ, при помощи которыхъ она ихъ достигаетъ, то методологическіе принципы экономической теоріи въ этомъ отношеніи по существу тѣ же, какія логика устанавливаетъ для всякаго научнаго обобщенія, т. е. научное обобщеніе и въ экономической теоріи должно удовлетворять требованіямъ тряскаго рода: обусловленности, точности и цѣнности.

Подъ обусловленностью я понимаю не только требованіе считаться съ относительностью и условностью нашихъ чувственныхъ воспріятій, но кромѣ того, извѣстное ограниченіе научнаго обобщенія въ томъ смыслѣ, что необходимо постоянно помнить условія, при которыхъ наблюдалось устанавливаемое обобщеніе. Такимъ образомъ, нельзя упускать изъ вида, что наблюденіе сдѣлано надъ явлениями или фактами одной опредѣленной области, и что только для этой области явленій и установлено данное обобщеніе.

Въ этомъ смыслѣ „обусловленность“ — необходимый признакъ всякаго научнаго обобщенія. Такъ, законъ всемірнаго тяготѣнія обусловленъ нашей планетной системой, и мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что для другихъ міровыхъ системъ обобщеніе Ньютона не подойдетъ. Или на примѣръ, законъ сохраненія энергіи. Какъ извѣстно, онъ явился результатомъ наблюденій надъ физической матеріей, и распространять это обобщеніе на міръ психическихъ явленій пока мы не имѣемъ никакихъ твердыхъ основаній.

То же можно сказать и относительно соціально-экономическихъ обобщеній. Такъ, на примѣръ, законъ концентраціи промышленности, т. е. поглощенія мелкихъ предприятий крупными. Этотъ процессъ былъ установленъ изъ наблюденій и изслѣдованій въ области обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности, и распространеніе его въ настоящее время также и на область сельскаго хозяйства не правильно и влечетъ за собой крупныя ошибки.

Подъ точностью научных обобщеній я понимаю требованія двоякаго рода. Съ одной стороны, необходимо, чтобы данное обобщеніе находилось въ возможно полномъ соотвѣтствіи со всей совокупностью изслѣдуемыхъ явленій; съ другой стороны, — чтобы не было никакихъ противорѣчій между наблюденными явленіями и другими однородными фактами, на которые мы распространяемъ наше обобщеніе.

Этого рода требованія сами по себѣ настолько элементарны и всеобщы, что болѣе подробно на нихъ можно и не останавливаться.

Что касается, наконецъ, до третьей категоріи требованій — цѣнности устанавливаемыхъ нами научныхъ обобщеній — то они сводятся къ слѣдующему:

Во-1-хъ, безъ обобщеній немыслимо само научное знаніе, такъ какъ научное знаніе есть прежде всего обобщенное знаніе.

Во-2-хъ, кромѣ этой общей цѣнности научныхъ обобщеній всякое изъ нихъ предварительно подвергается нашей оцѣнкѣ съ болѣе спеціальной — методологической — точки зрѣнія: общепознавательной и логической.

Оцѣнка перваго рода сводится къ тому, чтобы устанавливаемое нами обобщеніе раскрывало передъ нами рядъ новыхъ, до того неизвѣстныхъ намъ явленій и объясняло явленія уже намъ знакомыя, т. е. только такое обобщеніе — съ точки зрѣнія познавательной — заслуживаетъ названія научнаго обобщенія, которое открываетъ намъ путь къ изслѣдованію общей связи между наблюдаемыми явленіями.

„Факты сами по себѣ, — говоритъ современный англійскій экономистъ Л. Маршалъ, — безгласны, они насъ ничему не учатъ, пока не объяснены нашимъ разумомъ“.

Цѣнность теоретическаго обобщенія съ точки зрѣнія логической опредѣляется тѣмъ, поскольку обобщеніе расширяетъ задачи и приемы общей научной методологіи. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Эрнстъ Махъ:

„Изолированные факты являются только въ результатѣ ограниченности нашихъ чувствъ и орудій нашего познанія“.

Таковы въ общихъ чертахъ основныя требованія, какія выдвигаетъ экономическая теорія при установленіи ею на-

учныхъ идей, въ смыслѣ систематическихъ научныхъ обобщеній.

Теперь перейдемъ къ разбору той стороны экономической науки, которую я называю экономической политикой.

VIII.

Экономическая политика. Примѣры социально-политическихъ движеній въ XIX вѣкѣ.

Общая задача экономической политики, какъ я уже сказалъ, сводится къ установленію ближайшихъ задачъ и указанію на условія возможнаго ихъ осуществленія.

Относительно ея методологическихъ требованій я долженъ замѣтить, что логика для этой части социальной науки еще не выработала опредѣленной методологіи.

Какъ общее правило, слѣдуетъ указать, что тутъ мы входимъ въ область телеологіи—принципа цѣлесообразности и полезности.

Въ частности, методологическія требованія экономической политики опредѣляются возможно болѣе тщательнымъ наблюденіемъ и изученіемъ не столько общихъ свойствъ явленія, сколько частныхъ особенностей конкретныхъ явленій данной реальной дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи въ экономической наукѣ особенное мѣсто занимаютъ методы исторической и статистической. Общимъ руководящимъ принципомъ для экономической политики служить требованіе считаться съ тѣмъ, что принято называть „реальнымъ соотношеніемъ силъ“.

Что это значитъ? я лучше всего покажу на примѣрѣ, который въ то же время лучше уяснитъ намъ ту тѣсную связь и зависимость, какую мы постоянно замѣчаемъ между теоріей и политикой въ социальныхъ наукахъ.

Исходя изъ общихъ философскихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ, фізіократы во Франціи А. Смитъ въ Англіи—установили принципъ экономической свободы, понимая подъ нимъ отрицаніе какой бы то ни было

правительственной регламентации въ міръ экономическихъ явленій и отношеній.

Этотъ принципъ, какъ чисто теоретическое начало, послужилъ исходнымъ основаніемъ для двухъ наиболѣе значительныхъ социальнo-политическихъ движеній въ XIX вѣкѣ.

Подъ сильнымъ давленіемъ доктрины экономической свободы въ началѣ протекшаго столѣтія въ Англіи зародилось знаменитое движеніе въ пользу отмѣны такъ наз. „хлѣбныхъ законовъ“, по которымъ ввозъ хлѣба въ страну сильно затруднялся, и потому цѣна хлѣба стояла чрезвычайно высокая. „Anti-corn law movement“, какъ это движеніе называется въ экономической исторіи Англіи, къ серединѣ столѣтія нашло для себя почву въ широкихъ массахъ народа, и подъ напоромъ дѣйствительнаго соотношенія реальныхъ силъ оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: въ 1846 г. хлѣбные законы въ Англіи были уничтожены, несмотря на огромное сопротивленіе со стороны аграрнаго класса, весьма сильнаго въ Соединенномъ Королевствѣ.

Совсѣмъ иная судьба другого социальнo-политическаго движенія. Оно тоже исходило изъ принципа экономической свободы и провозгласило политику невмѣшательства государственной власти въ области промышленныхъ отношеній, въ частности въ установленіи условій труда при договорѣ между рабочими и предпринимателями. Странники этого движенія отрицали право рабочихъ союзовъ, и такимъ образомъ открывалась широкая возможность эксплуатаціи труда со стороны капиталистовъ. Эта политика получила свое крайнее выраженіе въ такъ наз. манчестерствѣ,—въ формулѣ: *laissez faire, laissez passer*. Оно скоро потерпѣло полное пораженіе, такъ какъ не приняло въ расчетъ вновь народившуюся силу трудящихся классовъ. Возникшее со стороны послѣднихъ противоположное теченіе, въ формѣ „трэдъ-юніонизма“ т. е. первыхъ профессиональныхъ союзовъ, исходило все изъ того же теоретическаго начала экономической свободы, но дало этому началу совершенно иное направленіе. Опираясь всецѣло на собственную силу и самостоятельность, трэдъ-юніонизмъ потребовалъ отъ государственной власти защиты и охраны лишь въ тѣхъ предѣлахъ,

за которыми уже начинается область преступления, преступной эксплоатации. Въ этомъ отношеніи фабричное законодательство и широко развитое коалиціонное право дали рабочимъ дѣйствительное средство бороться и отстаивать принципъ экономической свободы.

Сказанное достаточно ясно обнаруживаетъ, какъ различно можетъ быть использованъ со стороны экономической политики одинъ и тотъ же чисто теоретическій принципъ, и какъ побѣда остается лишь за той политикой, которая считается съ реальнымъ соотношеніемъ борющихся силъ. И такихъ примѣровъ въ экономической исторіи легко найти цѣлое множество.

Въ общемъ, какъ мы видимъ, въ области экономической политики представляется широкой просторъ индивидуальнымъ качествамъ изслѣдователя: его уму, чувству и волѣ.

Элементъ субъективизма въ этой части социальныхъ наукъ можетъ находить себѣ только одно ограниченіе—въ общихъ требованіяхъ логики.

IX.

„Соціальная утопія“, какъ выраженіе протеста противъ сущаго съ т. зр. должнаго,—въ связи съ особенностями художественно-научнаго творчества.

Третья сторона экономической науки—экономическій идеаль.

Свое внѣшнее выраженіе экономической идеаль находятъ въ такъ называемой „соціальной утопіи“.

Уже съ глубокихъ временъ чувство и мысль человѣка не мирятся съ признаніемъ окружающей его дѣйствительной жизни за желательную и конечную ступень социальнаго развитія человечества, и съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ человѣкъ стремится въ своей творческой фантазіи представить себѣ иной міръ болѣе совершенныхъ социальныхъ отношеній.

Начиная съ Платона, социальная наука знаетъ цѣлый рядъ „утопистовъ“, стремящихся указать намъ идеальное

общество или государство. Долгое время этого рода соціальныя утопіи оставались внѣ области научныхъ изслѣдованій. Только въ послѣднее время начинаютъ за ними признавать все болѣе и болѣе значительную положительную цѣнность.

Признаніе это получаетъ особенное значеніе теперь, когда ученіе объ общественномъ идеалѣ начинаетъ раздаться съ высоты университетскихъ кафедръ. Вѣроятно, многимъ изъ читателей знакомо имя Антона Менгера, нынѣ покойнаго профессора вѣнскаго университета, автора столь извѣстнаго „Новаго ученія о государствѣ“, въ которомъ онъ детально разбираетъ основныя положенія будущаго социалистическаго строя.

Особенность этой третьей стороны экономической науки заключается въ томъ, что тутъ мы подходимъ къ самой границѣ того, что принято называть научнымъ изслѣдованіемъ или наукой, и вступаемъ въ область художественнаго творчества, или искусства.

Соціальная утопія есть прежде всего актъ творчества, такъ сказать, художественно-научной фантазіи. Извѣстно, что эта область человѣческаго духа выходитъ далеко за предѣлы обычныхъ требованій логическаго мышленія, и если можеть найти себѣ научное обоснованіе, то только въ общихъ положеніяхъ психологіи творчества, психологіи искусства.

Я не буду сейчасъ останавливаться на вопросѣ о значеніи эстетическаго элемента въ области научнаго творчества. Скажу только, что на необходимость этого элемента указалъ еще философъ Шопенгауэръ въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній.

Что касается элемента фантазіи, то огромное значеніе этого элемента для науки и научныхъ изслѣдованій легко видѣть изъ исторіи великихъ открытій и изобрѣтеній. Болѣе частнымъ образомъ элементъ научной фантазіи во всемъ своемъ огромномъ значеніи обнаруживается въ области созданія научныхъ гипотезъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одна научная отрасль.

Болѣе подробный разборъ входящихъ сюда вопросовъ выходитъ за предѣлы намѣченной мною темы.

Сейчасъ я бы хотѣлъ остановиться только на общемъ значеніи соціальныхъ утопій, какъ соціальныхъ идеаловъ, являющихся въ результатѣ научно-творческой фантазіи.

Изъ данныхъ соціальной исторіи мы приходимъ къ тому несомнѣнному выводу, что соціальныя утопіи возникали въ представленіи ихъ творцовъ въ моменты ихъ сильнѣйшихъ внутреннихъ переживаній отъ сознанія и чувства невозможности примиренія съ условіями современнаго имъ соціального строя. Извѣстно, что „Государство“ и „Законы“ Платона явились въ результатѣ сильнаго потрясенія, пережитаго учениками Сократа отъ непонятной для нихъ коллизіи между государствомъ, какимъ они его себѣ представляли, и тѣмъ государствомъ, которое вынесло смертный приговоръ ихъ безупречному учителю—философу. Надо вспомнить, какой огромной этической цѣнностью представлялось государство въ умѣ античнаго грека, чтобы понять всю силу этого потрясенія. И вотъ, неудовлетворенное чувство ищетъ себѣ разрѣшенія не въ отрицаніи государства, внѣ котораго, по воззрѣніямъ того времени, не могла существовать нравственная жизнь человѣка,—а въ установленіи будущаго идеальнаго государственнаго строя.

Приблизительно, при тѣхъ же общихъ условіяхъ возникли творенія другихъ утопистовъ.

Такъ, напр., трудъ Томаса Мора „О лучшемъ устройствѣ государства и новомъ островѣ Утопіи“—откуда подобнаго рода изслѣдованія и получили свое названіе „утопій“—написанъ въ 1516 г. и возникъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ тяжелыхъ соціальныхъ условій, среди которыхъ жилъ тогда англійскій народъ, и которыя хорошо были извѣстны канцлеру Генриха VII.

Почти сто лѣтъ спустя въ неаполитанской тюрьмѣ изъ подъ пера доминиканскаго монаха Томаса Кампанеллы выходитъ новая попытка нарисовать идеальное государство—„Государство Солнце“. Самнадцатый вѣкъ на Западѣ ознаменованъ бурной эпохой реформаціи и крестьянскихъ войнъ; низшіе классы населенія разорялись и впадали въ безысходную нужду; нравственное чувство громко вопіяло противъ существовавшихъ соціальныхъ отношеній и, естественно,

стремилось найти выходъ въ представленіи о будущиъ идеальныхъ общественныхъ условіяхъ.

Соціальные идеалы Сень-Симона, Оуена, Фурье и другихъ социалистическихъ утопистовъ XIX вѣка являются также не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ чувства протеста противъ ужасныхъ условій, въ которыхъ находились и находятся нуждающіеся классы современного общества.

Вообще, можно сказать, что всѣ эти исканія будущаго идеальнаго общества возникали въ моменты наиболѣе острыхъ коллизій между дѣйствительностью и тѣмъ, что подсказывали чувство и умъ „великихъ“ утопистовъ.

Х.

Соціальный идеаль; его особенности и требованія.

Что такое утопія? Этотъ вопросъ до послѣдняго времени мало привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей социальныхъ проблемъ. Нѣкоторое мѣсто ему иногда отводилось въ исторіи социальныхъ ученій, гдѣ на ряду съ біографіей „утописта“ излагалось въ краткихъ чертахъ и его ученіе. Общей оцѣнки социальной утопіи, ея значенія для социальной науки и, въ особенности, для социальной политики мы почти нигдѣ не встрѣчаемъ.

Въ этомъ отношеніи особенно цѣнно отмѣтитъ мнѣніе нѣмецкаго проф. Фогта о значеніи социальныхъ утопій.

На вопросъ: „что такое утопія?“ онъ отвѣчаетъ: „Это—идеальное изображеніе другихъ міровъ, существованіе которыхъ научно не доказано, и въ которые мы можемъ только вѣрить. Тѣмъ не менѣе, всякая утопія стремится быть научно-обоснованной. Вѣра въ осуществленіе идеаловъ на землѣ, которая создаетъ эти утопіи, можетъ быть очень сильна. Она можетъ стать достояніемъ большого количества людей, вліять на ихъ политическія стремленія, такъ что вслѣдствіе этого утопіи могутъ приобрѣтать реальное значеніе, играть крупную политическую роль и характеризовать извѣстныя эпохи. Утопіи существовали во всѣ времена“.

Говоря словами того же Фогта, социальныя утопіи

являются произведеніями, въ которыхъ „сердце преобладаетъ надъ умомъ, а желаніе надъ разсудкомъ“.

Вѣрно замѣчаетъ онъ далѣе, что въ своей „всечеловѣческой любви и самопожертвованіи утопизмъ приходитъ въ соприкосновеніе съ религиознымъ міровоззрѣніемъ“.

Этимъ опредѣляется цѣнность соціального утопизма.

Но какъ отъ всякаго художественнаго творчества и фантазіи, такъ и отъ соціальной утопіи—для тѣго, чтобы она могла получить все свое огромное значеніе—мы въ правѣ требовать одного: искренности и глубины переживаемаго чувства.

Изъ исторіи соціальныхъ утопій мы видѣли, когда и какъ онъ зарождались. Въ нихъ искало себѣ разрѣшенія высшее этическое начало въ человѣкѣ; начало, которое не терпитъ противорѣчій между своими требованіями къ жизни и окружающими условіями дѣйствительности.

Поэтому, во всякой утопіи для насъ долженъ стоять на первой очереди вопросъ не о содержаніи ея, не тѣ или инныя частныя условія, представлявшіяся въ умѣ творца этой утопіи идеальными и желательными (необходимо помнить: по сравненію съ окружавшими его современными условіями). Насъ прежде всего должны заражать искренность чувства и глубина переживаній, создавшихъ данную утопію.

И въ этомъ отношеніи мы можемъ пережить содержаніе утопій, отражавшее на себѣ общественныя условія античнаго міра или средневѣковья. Для насъ могутъ казаться странными деспотизмъ олигархій философовъ, стоящихъ во главѣ платоновскаго государства, или духовная іерархія Кампанеллы и коммунистическія начала болѣе новыхъ утопій. Все это частныя условія—дань своему времени; они могутъ быть для насъ теперь чужды, и мы ихъ можемъ не раздѣлять. Но основное чувство, проникающее въ эти утопіи, основныя идеи, одухотворяющія эти начала, какъ, напр., требованія идеальной справедливости у Платона, высшей разумности отъ лицъ, становящихся во главѣ управленія народомъ, идеального равенства, въ смыслѣ отрицанія матеріальной зависимости и эксплуатаціи—эти идеаль-

няя требованія или принципы соціальної утопії не можуть стати для насъ никогда чуждыми, а ими и должна опредѣляться цѣнность соціального утопизма.

Общее значеніе утопії для соціальной науки заключается въ томъ, что можно назвать „критическимъ идеализмомъ“.

Видя передъ собою идеаль, мы получаемъ твердую основу не только для критики отрицательной и разрушительной, но и для критики положительной, творческой.

Таковой должна быть, по моему убѣжденію, третья сторона соціальной, въ частности, экономической науки.

Нѣсколько раньше я уже указалъ на то, что до настоящаго времени почти совершенно еще отсутствуютъ научныя изслѣдованія въ области соціальныхъ утопій. А потому въ настоящее время трудно указать для нихъ ту область въ экономической системѣ, гдѣ эта сторона экономической науки находила бы по преимуществу себѣ приложеніе.

Въ этомъ отношеніи пока можно установить только одно: экономической идеаль долженъ проникать черезъ всю экономическую систему и служить намъ свѣточемъ при всякомъ изслѣдованіи—будетъ ли то отвлеченная экономическая идея, или данный конкретный экономическій фактъ, безразлично. Во всякомъ анализѣ даже самыхъ мелкихъ и незначительныхъ явленій экономической жизни, благодаря разѣ поставленному себѣ идеалу, мы постоянно будемъ отдавать себѣ отчетъ въ конечной цѣли нашихъ изысканій и ихъ общей для насъ цѣнности.

Въ нашихъ стремленіяхъ къ этимъ цѣлямъ, въ борьбѣ за ихъ осуществленіе мы должны на нашемъ знамени начертать девизъ идеала. И этотъ идеаль будетъ служить для насъ лучшимъ стимуломъ къ непрерывному движенію впередъ.

XI.

Оцѣнка научнаго познанаія, какъ самоцѣли.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться еще на одномъ вопросѣ принципиального характера.

Расчленивъ экономическую науку на экономическую теорію и экономическую политику, я противопоставилъ это расчлененіе обычному различенію „чистой“ науки и прикладного знанія. Подъ послѣднимъ, т. е. прикладнымъ знаніемъ, какъ я сказалъ, надо понимать знаніе, цѣнность котораго обусловлена исключительно или преимущественно его непосредственнымъ приложеніемъ для практическихъ цѣлей.

Какъ бы ни было велико само по себѣ значеніе этихъ цѣлей, я легко допускаю, что безъ ихъ достиженія не могло бы существовать и развиваться и самое высшее научное познаніе—все таки, по моему глубокому убѣжденію, ближайшая цѣль всякой науки: открытіе истины и установленіе критерія для оцѣнки, или принципа, въ смыслѣ удовлетворенія совершенно самостоятельной и глубоко намъ присущей потребности познанія и оцѣнки.

Еще О. Контъ, открывая свой „Курсъ положительной философіи“, счелъ необходимымъ подчеркнуть это чрезвычайно важное условіе успѣха въ прохожденіи самого курса. Въ этомъ отношеніи его указаніе, какъ мнѣ представляется, сохранило полную цѣнность и до настоящаго времени. Поэтому я позволю себѣ привести его собственныя слова.

Отмѣчая „благородные и истинные взгляды на важность и назначеніе наукъ“, Контъ говоритъ:

„Если бы главная сила нашего организма не исправляла въ умахъ ученыхъ, иногда произвольно, неполноту и узость общаго направленія нашего вѣка, то человѣческой умъ, ограничиваясь изслѣдованіями, имѣющими немедленное практическое примѣненіе, благодаря одному этому... остановился бы въ своемъ прогрессѣ даже по отношенію къ тѣмъ практическимъ примѣненіямъ, ради которыхъ такъ неразумно пожертвовали бы чисто теоретическими работами, ибо самыя важныя приложенія постоянно вытекаютъ изъ теорій, созданныхъ съ чисто научными цѣлями и существовавшихъ иногда по цѣлымъ вѣкамъ безъ всякихъ практическихъ результатовъ“...

„Очевидно, что, признавъ... изученіе природы за рациональную основу воздѣйствія на нее, человѣкъ долженъ приступить къ теоретическимъ изслѣдованіямъ совершенно не

задаваясь какими бы то ни было практическими цѣлями, ибо наши средства для открытія истины такъ слабы, что если мы не сосредоточимъ ихъ исключительно на одной цѣли и при отысканіи истины будемъ еще задаваться и посторонними вопросами о немедленной практической пользѣ, то почти никогда не будемъ въ состояніи найти самую истину“.

„Кабъ бы ни были велики услуги, которыя научныя теоріи оказали промышленности, хотя бы даже наше могущество... и было пропорціонально нашимъ познаніямъ, мы все же не должны забывать, что науки прежде всего имѣютъ болѣе прямое и возвышенное назначеніе: удовлетворять нашъ разумъ въ его основной потребности познавать законъ явленій“.

Прилагая сказанное къ той отрасли научнаго знанія, которая носитъ названіе экономической науки, это значитъ: какъ ни огромно само по себѣ значеніе и вліяніе изслѣдованій въ области экономическихъ вопросовъ для устраненія существующихъ у насъ неурядковъ, все же, въ экономической наукѣ, какъ таковой, мы не должны искать готовыхъ рецептовъ для залечиванія нашихъ соціальныхъ язвъ. Ближайшая цѣль экономической науки, какъ предмета изученія, должна быть и есть отысканіе истины и установленіе принциповъ—остальное можетъ и должно вытекать изъ нихъ само собой.

Міровое хозяйство, какъ предметъ экономической науки.

I.

Экономическая наука и ея подраздѣленіе на спеціальныя учебныя дисциплины. Экономическая географія, какъ наука о міровомъ хозяйствѣ.

Въ наше время постепенно складывается новая своеобразная отрасль знанія, стоящая какъ бы на грани двухъ категорій наукъ—наукъ о природѣ и наукъ о человѣкѣ, или, точнѣе сказать,—наукъ о человѣческомъ обществѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду „экономическую географію“, составляющую своего рода переходъ отъ наукъ естественныхъ къ наукамъ социальнымъ, въ частности къ наукѣ экономической.

Извѣстно, что хозяйственныя явленія и процессы уже съ давнихъ поръ образуютъ собою единую, вполне самостоятельную научную дисциплину, по методу и содержанию рѣзко отличную отъ прочихъ отраслей научнаго знанія.

При этомъ экономическая наука (политическая, національная, или социальная экономія) въ цѣляхъ педагогическихъ, обыкновенно, расчленяется на рядъ спеціальныхъ предметовъ преподаванія, или на рядъ учебныхъ дисциплинъ, входящихъ въ качествѣ обязательныхъ или факультативныхъ предметовъ преподаванія въ ту или иную учебную систему, или въ учебный планъ.

Такими учебными дисциплинами, являющимися отдѣльными частями экономической науки, какъ единой научной дисциплины, въ настоящее время признаются слѣдующія:

1. Экономическая теорія (теоретическая экономика), ставящая себѣ задачей усвоеніе общихъ конструктивныхъ

положеній, опредѣляющихъ собою формальную и матеріальную стороны (т. е. методъ и содержаніе) экономической науки, какъ особой научной дисциплины. Въ системѣ университетскаго преподаванія (не только на юридическомъ факультетѣ, но и на историко-филологическомъ) она могла бы имѣть значеніе пропедевтическаго курса для подготовки къ занятіямъ по нижеслѣдующимъ отдѣламъ экономической науки.

2. Экономическая исторія, трактующая спеціально о постепенномъ развитіи хозяйственной жизни отдѣльныхъ народовъ и связанныхъ съ этой жизнью экономическихъ идей. Исходя изъ болѣе частныхъ соображеній педагогическаго характера (и прежде всего изъ наличности соотвѣтствующихъ вполнѣ компетентныхъ педагогическихъ силъ), экономическую исторію въ свою очередь еще расчленяють на „исторію хозяйства“ (хозяйственнаго быта) и на „исторію экономическихъ ученій“.

3. Экономическая политика; вслѣдствіе чрезвычайной общности экономическихъ явленій и ихъ тѣсной связи съ другими многочисленными явленіями общественной жизни эту учебную дисциплину часто называютъ „соціальной“ политикой; она имѣетъ своей задачей уяснить характеръ и объемъ вмѣшательства государственной власти въ хозяйственныя отношенія отдѣльныхъ личныхъ или коллективныхъ хозяйствующихъ субъектовъ съ точки зрѣнія общественной (или государственной) цѣлесообразности. Въ цѣляхъ большей спеціализаціи уже издавна изъ общей области экономической политики выдѣлилась въ самостоятельный предметъ преподаванія наука о „государственномъ хозяйствѣ“ или о „финансахъ“ („финансовое право“)*. Въ послѣднее время, съ той же цѣлью болѣе детальнаго изученія нѣкоторыхъ особенныхъ явленій современной хозяйственной жизни,

*) Задача этой экономической дисциплины сводится къ изученію характера и объема того публично-правового воздѣйствія государственной власти на отдѣльныя частныя хозяйства, которое опредѣляетъ собою государство въ качествѣ самостоятельнаго субъекта, хозяйствующаго въ своихъ собственныхъ интересахъ (т. е. въ интересахъ поступленія и расходванія финансовъ).

образуются и другія сюда относящіяся учебныя дисциплины, какъ-то: „экономія торговли и промышленности“ (торговая и промышленная политика), „политика труда“ („рабочій вопросъ“) и цѣлый рядъ еще болѣе частныхъ специальностей, необходимо входящихъ въ планъ высшей профессиональной школы (политехническихъ, сельско-хозяйственныхъ, коммерческихъ и иныхъ институтовъ).

4. Экономическая статистика ставитъ своей спеціальной задачей анализъ такихъ хозяйственныхъ явленій, которыя доступны нашему изслѣдованію только въ массовомъ исчисленіи; въ отличіе отъ статистики въ общемъ ея содержаніи („теоріи статистики“ и „соціальной статистики“) сейчасъ указанная сторона экономической науки ограничивается приложеніемъ общихъ положеній экономики и статистики къ нѣкоторымъ вполне конкретнымъ хозяйственнымъ явленіямъ и процессамъ, знакомя какъ съ техникой собиранія и обработки соответствующихъ данныхъ, такъ и съ анализомъ самаго ихъ содержанія, ведущимъ къ соответствующимъ научнымъ построеніямъ.

Къ перечисленнымъ четыремъ главнѣйшимъ частямъ экономической науки въ настоящее время слѣдуетъ отнести еще, въ качествѣ самостоятельнаго предмета преподаванія, и

5. Экономическую географію. Экономическая географія, какъ спеціальная учебная дисциплина въ общемъ циклѣ экономического знанія, выступила еще недавно и до настоящаго времени представляется еще скорѣй проектируемой, чѣмъ уже осуществленной учебной дисциплиной. Отсюда, какъ ея методика, такъ и самый объемъ изучаемыхъ ею явленій представляются еще далеко не установленными.

Согласно нашему общему пониманію экономической науки, какъ самостоятельной научной дисциплины, и отдѣльныхъ ея частей, какъ особыхъ учебныхъ дисциплинъ, наше отношеніе къ экономической географіи опредѣляется слѣдующими двумя положеніями:

во-первыхъ, за экономической географіей мы отнюдь не признаемъ значенія вполне сложившейся самостоятельной научной дисциплины, а видимъ въ ней прежде всего вы-

раженіе стремленія (вполнѣ положительнаго) къ детализированной спеціализаці въ изученіи современной экономической жизни;

во вторыхъ, являясь пока скорѣе только учебной, а не научной (въ строгомъ значеніи) дисциплиной, экономическая географія будетъ нами разсматриваться, далѣе, со стороны ея метода и содержанія, какъ часть не географической науки (общей географіи), а науки о хозяйствѣ.

Этими положеніями слѣдующимъ образомъ опредѣляется общій характеръ и объемъ данной учебной дисциплины: экономическая географія имѣетъ своей задачей изученіе современнаго состоянія хозяйства народовъ земного шара, или мірового хозяйства, какъ во всемъ его цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ хозяйственно-географическимъ его районамъ. Отсюда, основной задачей экономической географіи является, во-первыхъ, построеніе мірового хозяйства, какъ одного цѣлаго (общая часть), и, во-вторыхъ, установленіе взаимоотношеній между отдѣльными хозяйственными районами, какъ его составными частями, и описаніе ихъ (спеціальная часть).

Для достиженія указанной задачи экономическая географія должна прежде всего исходить изъ нѣкоторыхъ общихъ научно-конструктивныхъ построеній экономической теоріи, а затѣмъ, въ качествѣ вспомогательнаго матеріала, въ болѣе или менѣе значительномъ объемѣ она должна пользоваться:

а) результатами естественно-научнаго (географическаго) изслѣдованія нашей планеты, прежде всего съ точки зрѣнія взаимоотношеній между хозяйствующимъ субъектомъ и природой;

б) историческими данными о преемственной связи отдѣльныхъ странъ, выступающихъ нынѣ участниками одного общаго хозяйственно-культурнаго процесса; и

в) статистическихъ анализомъ массовыхъ явленій, образующихъ въ своей совокупности одно общее понятіе мірового хозяйства.

Эти методологическія требованія вытекаютъ изъ исто-

рическаго хода развитія самой идеи мірового хозяйства, преемственно перешедшей въ экономическую науку (въ частности образуя основное содержаніе интересующей насъ дисциплины, экономической географіи) изъ научныхъ дисциплинъ, соотвѣтствующихъ сейчасъ перечисленнымъ тремъ категориямъ методологическихъ предпосылокъ.

Въ виду того существеннаго значенія, какое имѣетъ идея мірового хозяйства для пониманія сущности экономической науки, а также въ виду малой разработанности этого вопроса, я позволю себѣ подробнѣе остановиться на указанной сейчасъ преемственности идеи мірового хозяйства отъ трехъ родственныхъ ей идей: всемірной исторіи, всеобщей (міровой) географіи и статистическаго описанія всѣхъ странъ міра (міровой статистики).

II.

Развитіе идеи хозяйственно-мірового единства у историковъ.

Содержаніе экономической науки самымъ тѣснымъ образомъ опредѣляется богатствомъ явленій и сложностью окружающей насъ общественной среды.

Въ исторіи человѣчества хозяйственные интересы и заботы людей долгое время ограничиваются относительно довольно тѣснымъ кругомъ явленій, вытекавшимъ изъ примитивныхъ условій замкнутыхъ, почти независимыхъ другъ отъ друга, отдѣльныхъ, самостоятельныхъ—коллективныхъ или единоличныхъ—„домохозяйствъ“. Такое положеніе вещей мы находимъ господствующимъ не только въ античномъ мірѣ, но и въ позднѣйшую эпоху европейскаго феодализма. Соотвѣтственно условіямъ окружающей народной жизни, и первые зачатки экономической науки по преимуществу ограничивались лишь тѣмъ, что содержало въ себѣ „ойкосное“ хозяйство грековъ или натуральное хозяйство сначала римскихъ, а позже феодальныхъ помѣщиковъ въ средніе вѣка.

До образованія въ Европѣ обширныхъ монархій экономическая наука была въ значительной степени наукой о частномъ хозяйствѣ (домашнемъ, помѣщичьемъ, мо-

настырскомъ, княжескомъ и т. д.). Но съ образованіемъ абсолютныхъ монархій, а затѣмъ съ пробужденіемъ національныхъ идей и стремленій частное хозяйство, какъ предметъ экономическихъ изслѣдованій и разсужденій, естественно, должно было уступить новому болѣе сложному понятію государственнаго (полицейскаго), а позже національнаго или народнаго хозяйства.

Въ настоящее время и это послѣднее понятіе уже является недостаточнымъ для опредѣленія всего содержания экономической науки; и въ этой послѣдней все съ большей опредѣленностью начинаетъ требовать себѣ признанія новое, еще болѣе широкое понятіе мірового хозяйства.

Идея хозяйственно-мірового единства является отраженіемъ прежде всего идеи культурно-историческаго единства всѣхъ народовъ, населявшихъ и населяющихъ поверхность земнаго шара. Эта послѣдняя идея, въ формѣ „всеобщей“ или „всемирной“ исторіи, намѣчается уже съ очень давняго времени. Такъ, уже современникъ великихъ завоеваній Рима, грекъ *Поллибій* (ум. около 120 г. до Р. Хр.) намѣревался составить связное повѣствованіе исторіи всѣхъ народовъ его времени, соприкасающихся между собою.

„Съ дальнѣйшими успѣхами римской объединительной политики, особенно со времени основанія имперіи, утвержденія системы уравненія въ правахъ жителей ея обширныхъ областей и распространенія повсюду эллино-римской культуры,—явилась еще лучшая почва для рожденія идеи о единствѣ рода человѣческаго и для убѣжденія въ необходимости строить повѣствованіе о прошломъ, какъ всеобщую исторію“ (проф. И. М. Гревсъ). Несомнѣнно, что широко-объединительная политика императоровъ не оставалась безъ вліянія и на возникавшія международныя хозяйственныя отношенія, какъ, на примѣръ, на развитіе международной торговли, извѣстной еще болѣе древнѣйшимъ народамъ (финикійская торговля), хотя и не отразившейся въ дошедшихъ до насъ экономическихъ трактатахъ.

Съ другой стороны, о культурно-историческомъ единеніи говорятъ и религіозныя системы, въ особенности христіанство, подъ вліяніемъ котораго ученикомъ бл. Августина *Павломъ*

Орозіемъ была сдѣлана новая попытка построить „всемирную хронику“ на пониманіи исторіи, какъ повѣствованія о прошломъ всѣхъ народовъ (отъ сотворенія міра и до совершенія искупленія), чѣмъ устанавливался впервые универсальный провиденціализмъ, господствовавшій въ теченіе многихъ послѣдующихъ вѣковъ и уступившій мѣсто новому пониманію идеи всемирной исторіи лишь въ новѣйшее время.

Въ этомъ отношеніи достаточно указать на отвлеченныя системы всемирной исторіи Гегеля, Конта, Спенсера и др., поставившихъ свои построенія въ связь съ проблемою обоснованія тезиса о прогрессѣ человѣчества. Извѣстно, что на этомъ же тезисѣ строилъ свое экономическое пониманіе исторіи и ученикъ Гегеля К. Марксъ.

III.

Идея мірового хозяйства въ статистикѣ.

Если идея мірового хозяйства съ одной стороны и является отраженіемъ концепціи всемирной исторіи, то своимъ содержаніемъ, какъ отрасль экономическаго знанія, міровое хозяйство стоитъ въ связи еще и съ другой научной дисциплиной—статистикой.

Такъ называемая, „университетская“ описательная статистика Конрингъ-Ахенвалевскаго направленія зародилась на почвѣ составленія особыхъ историко-географическихъ сборниковъ, одинъ изъ которыхъ включалъ въ себѣ даже и самое наименованіе „статистики“: *Helena Politanus, Microscopium statisticum quo status imperii Romano-Germanici repraesentatur*, т. е. Статистическое обозрѣніе міра, представляющее состояніе Священно-Римской имперіи Германской націи. Этотъ сборникъ вышелъ въ 1672 году и хотя вводитъ новое наименованіе (*statisticum*), получившее, правда, себѣ признаніе лишь столѣтіемъ позже, однако, по содержанію не отличается отъ описательныхъ политико-географическихъ сборниковъ болѣе ранняго времени, какъ на примѣръ, сборникъ *Дж. Вотеро* (1569 г.), *де-Лэта* („Эльзевирскія республики“), *П. д'Авити* и др., выходящихъ во множествѣ, уже начиная съ XVI-го вѣка.

Основная идея описательной статистики заимствована ею, несомнѣнно, изъ міровой (всеобщей) исторіи и отличается отъ этой послѣдней лишь тѣмъ, что тотъ же самый предметъ—міръ, какъ цѣлое, изслѣдуется не въ динамическомъ, а въ статическомъ состояніи,—не какъ процессъ, а какъ результатъ.

Давая богатый фактическо-описательный матеріалъ, „университетская“ статистика не оставила сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ конструктивномъ построеніи своихъ методологическихъ основаній. Теоретическіе методы *Конринга*, *Ахенвалля*, *Бозіуса*, *Паули* и др. сводятся къ установленію предѣловъ новой „науки о государствахъ земного шара“ и ограничиваются формальной систематизаціей относящагося сюда описательно-числового матеріала. Современная теоретическая статистика, какъ извѣстно, не имѣетъ непосредственной преемственной связи (по крайней мѣрѣ въ своей теоретико-методологической части) съ „описательной“ статистикой разбираемаго нами направленія. Но отдѣльныя части прикладной статистики, къ каковымъ, между прочимъ, относится современная экономическая статистика, необходимо должны признать свою связь съ *Конрингъ-Ахенвалевской* школой. Такая связь очень опредѣленно обнаруживается хотя бы въ томъ фактѣ, что указанные выше статистическіе сборники, на содержаніе которыхъ опиралась старая „университетская“ статистика, служатъ прототипами для цѣлага ряда подобныхъ же новѣйшихъ изданій, которыми въ широкихъ предѣлахъ пользуется современная прикладная статистика, въ томъ числѣ и экономическая статистика. Достаточно, на примѣръ, указать очень популярный періодическій сборникъ „*Geographisch Statistische Tabellen aller Länder der Erde*“, основанный *Оттономъ Гюбнеромъ* въ 1850 году, а послѣ смерти его перешедшій въ руки извѣстнаго австрійскаго статистика *Фр. Юрашека*, умершаго въ 1910 г. Въ настоящее время это изданіе, такимъ образомъ, перешло уже въ третьи руки, но не подверглось никакимъ измѣненіямъ. Такъ же, какъ и раньше, мы находимъ въ немъ два основныхъ отдѣла, въ которыхъ относительно каждаго государства даются указанія о формѣ правленія, главѣ государ-

ства (съ данными о годѣ рожденія и занятія престола), объ общемъ пространствѣ, численности населенія и его распредѣленіи по національностямъ и исповѣданію, о состояніи государственныхъ доходовъ, расходовъ, долговъ, имѣющихся въ оборотѣ денежныхъ знаковъ, о численности войска и флота, о ввозѣ и вывозѣ, длинѣ желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ линий, о главныхъ продуктахъ производства, о мѣрахъ длины, объема и вѣса и нѣк. др.

Изъ приведеннаго перечня данныхъ видно, что современные сборники по своему содержанію точно слѣдуютъ сборникамъ „описательной“ статистики. Въ отличіе отъ старыхъ новѣйшіе сборники, по крайней мѣрѣ того типа, къ которому принадлежатъ „таблицы Юрашека“, отличаются лишь бѣльшей точностью и, что въ особенности цѣнно для изслѣдователей,—очень тщательно составленнымъ указателемъ всѣхъ главнѣйшихъ источниковъ официальной статистики.

Вліяніе „описательной“ статистики на интересующую насъ дисциплину, „экономическую географію“, не ограничивается одной только преемственностью идеи мірового хозяйства. Вслѣдствіе полной неразработанности у насъ (какъ и на западѣ) конструктивно-методологической стороны этой дисциплины, обычные школьные курсы, такъ назыв. „коммерческой“ географіи продолжаютъ и до настоящаго времени заимствовать свое содержаніе почти исключительно изъ различныхъ отдѣловъ разнаго рода статистическихъ сборниковъ; при этомъ на долю такихъ составителей ходячихъ у насъ школьныхъ учебниковъ остается лишь забота о географическомъ распредѣленіи статистическихъ данныхъ по отдѣльнымъ странамъ или по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйственной жизни, не считаясь совершенно, что этимъ путемъ въ представленіи учащагося не возникаетъ и мысли о томъ, что всѣ этого рода разрозненныя и единичныя данныя могутъ имѣть смыслъ и значеніе только тогда, когда они объединяются одной общей идеей и именно идеей мірового хозяйства, какъ единаго цѣлаго.

IV.

Вліяніе всеобщей географіи на образование идеи мірового хозяйства.

На ряду со всеобщей исторіей и описательной статистикой, на развитие идеи мірового хозяйства, а съ ней и на создание особой дисциплины—экономической географіи, большое вліяніе оказаль еще цѣлый рядъ отраслей научнаго знанія, объединяемыхъ, обыкновенно, подъ однимъ общимъ наименованіемъ „всеобщей географіи“.

Однимъ изъ первыхъ научно-систематическихъ опытовъ этого рода представляется всеобщая географія *Варениуса* (V. Varenius, *Geographia generalis*, 1650), въ которой на ряду съ общей идеей единства міровой жизни мы находимъ и частное описаніе отдѣльныхъ странъ, между прочимъ также и со стороны ихъ матеріальнаго благосостоянія и военной мощи. Вообще; надо замѣтить, что до начала XIX вѣка этнографическія и, въ особенности, статистико-политическія свѣдѣнія во всеобщей географіи значительно преобладали надъ свѣдѣніями естественно-научнаго характера. Данныя перваго рода составляли, обычно, болѣе обширный „политическій“ отдѣлъ, по отношенію къ которому естественно-научныя данныя образовывали только краткое „физико-географическое“ введене. Съ конца XVIII в., однако, дѣло рѣзко измѣнилось, и подъ вліяніемъ чрезвычайнаго развитія естественныхъ наукъ всеобщая географія становилась все болѣе естественно-научной дисциплиной, скоро подвергшейся дальнѣйшему процессу расчлененія на цѣлый рядъ отраслей, уже чисто естественно-научнаго характера.

Въ развитіи „всеобщей географіи“, какъ науки, особенное мѣсто принадлежитъ *К. Риттеру*, создателю всеобщей географіи въ нашемъ современномъ пониманіи (см. его *Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie*, 1 e изд. 1817—1818 г.). Тотъ же универсальный характеръ имѣетъ и болѣе поздній трудъ *Ф. фонъ-Рихтгофена* (1833—1905), который въ своемъ „Описаніи земной поверхности“ (*Erdoberflächenkunde*) включаетъ данныя не только

о сушѣ, морѣ и атмосферѣ, но и о флорѣ, фаунѣ и чело-
вѣкѣ въ ихъ тѣснѣйшихъ взаимоотношеніяхъ. Однако, самое
полное для себя выраженіе идея всеобщей географіи полу-
чила въ классическомъ трудѣ *Эл. Реклю* (1830—1905)— „Géographie universelle. La terre et les hommes“.

Географія, какъ общее ученіе о землевѣдѣніи, посте-
пенно обогащаясь все новымъ и новымъ содержаніемъ, подъ
напоромъ научной спеціализаціи, естественно, не могла не
подчиняться общему процессу научной дифференціаціи и
начала постепенно создавать свои спеціальныя отрасли.

Такая спеціализація нашла себѣ мѣсто раньше всего
въ тѣхъ отдѣлахъ всеобщей географіи, которые питались
науками естественными.

Такъ, уже относительно рано выдѣлилась особо геогра-
фія растений (или фитогеографія, со времени *А. Гумбольд-
та* и первыхъ трудовъ *Окау* въ 1822 г. и *А. Декондоля* въ
1855 г.) и географія животныхъ (или зоогеографія, со вре-
мени работъ *Склеттера* въ 1857 г. и *Уоллеса* въ 1876 г.). По своему
содержанію объ эти научныя дисциплины могутъ входить въ
составъ общей географіи, поскольку въ нихъ изучается роль
отдѣльныхъ факторовъ (растений, животныхъ) въ общемъ
развитіи свойствъ и особенностей земной поверхности. Но
съ другой стороны, каждая изъ этихъ дисциплинъ въ настоя-
щее время образуетъ особую отрасль знанія, примыкающую
къ соответствующимъ спеціальнымъ научнымъ дисципли-
намъ—ботаникѣ (фитогеографія) и зоологіи (зоогеографія).

Въ недавнее время выдѣлилась изъ всеобщей геогра-
фіи еще одна самостоятельная ея вѣтвь и превратилась въ
болѣе или менѣе самостоятельную, хотя, правда, еще окон-
чательно не сложившуюся отрасль знанія; мы имѣемъ въ
виду „географію челоуѣка“ (Géographie humaine, по *Vign-
phes'у*), или „антропогеографію“ по выраженію *Фр. Ратцеля*,
не только давшаго имя, но и систематическую обработку
самого содержанія новой научной дисциплины. Ея двухтом-
ная „Антропогеографія“ вышла въ 1882 году и съ тѣхъ поръ
много разъ переиздавалась.

Отъ антропогеографіи, естественно, оставалось сдѣлать

еще только одинъ шагъ къ географіи человѣческихъ хозяйствъ, или къ экономической географіи.

Такъ же, какъ и всѣ предшествующія ей отрасли общей географіи, новая научная дисциплина можетъ принадлежать одновременно къ двумъ болѣе общимъ отраслямъ знанія. Съ точки зрѣнія особаго фактора хозяйство отдѣльныхъ племенъ и народовъ не можетъ не интересовать географа; и въ общихъ своихъ построенияхъ современное землевѣдѣніе, по необходимости, на ряду съ растениями и животными включаетъ въ свое изслѣдованіе не только человѣка, вообще, но и хозяйствующаго человѣка, т. е. хозяйственный бытъ, господствующій въ отдѣльныхъ странахъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обще-географическихъ условій. Въ этомъ смыслѣ хозяйственная, или экономическая географія входитъ составной частью въ общую географію.

Съ другой стороны, подъ напоромъ развитія экономической науки, уже выдѣлившей изъ себя, какъ мы видѣли, въ качествѣ самостоятельныхъ учебныхъ дисциплинъ, на ряду съ экономической теоріей,—исторію хозяйствъ и экономическихъ идей, экономическую политику и экономическую статистику, само собою становилось необходимымъ выдѣлить въ предметъ самостоятельнаго спеціального изученія современное состояніе и развитіе мірового хозяйства, какъ выраженіе хозяйственной жизни человѣчества, складывающейся подъ вліяніемъ географическихъ факторовъ. Но этимъ самымъ экономическая географія становилась уже не частью общей географіи, а болѣе или менѣе самостоятельной отраслью экономической науки.

Вліяніе общей географіи на интересующую насъ дисциплину, такимъ образомъ, было двоякимъ: съ одной стороны, расширяя и углубляя идею „универсальности“ не только природы, но и человѣческаго рода, всеобщая географія такъ же какъ и всемірная исторія и описательная статистика, въ свою очередь, сильно повліяла на образованіе самого понятія „мірового хозяйства“; съ другой стороны, подвергшись научной спеціализации, общая географія выдѣлила изъ себя цѣлый рядъ спеціальныхъ отраслей и тѣмъ самымъ дала вполне естественный стимулъ выдѣлить и „экономическую“ геогра-

фію, въ качествѣ особой научной или хотя бы учебной дисциплины.

V.

Міровое хозяйство въ представленіи экономистовъ.

Поскольку идея мірового хозяйства преемственно перешла въ экономическую науку изъ другихъ научныхъ дисциплинъ (исторіи, статистики и географіи), постольку признание и развитіе самого понятія „мірового хозяйства“ объяснены въ послѣднемъ счетѣ чрезвычайно расширившемуся содержанію обще-экономической научной дисциплины.

Современный кильскій проф. *Бернгардъ Гармъ* въ своей обширной монографіи „Проблемы мірового хозяйства“ (Bernh. Harms, Probleme der Weltwirtschaft, 1912) даетъ очень полный обзоръ экономической литературы съ указаніемъ на постепенное образование самого понятія „мірового“ хозяйства на ряду съ понятіемъ „народнаго“ хозяйства.

Отдѣльные моменты мірового хозяйства, какъ и самое это понятіе, зарождаются уже на самой зарѣ экономической науки—какъ въ космополитическихъ воззрѣніяхъ классиковъ (съ ихъ лозунгомъ свободы торговли), такъ и въ историко-націоналистическихъ концепціяхъ нѣмецкой исторической школы. Однако, долгое время „міровое хозяйство“ не выдѣляется въ самостоятельную вѣтвь экономическаго знанія, и его проблемы сливаются неразрывно съ содержаніемъ отдѣльныхъ системъ „національныхъ экономій“.

Какъ предметъ экономической науки, „міровое хозяйство“ наиболѣе отчетливо выступаетъ въ связи съ вопросами соціальной политики. Успѣшное осуществленіе соціальныхъ реформъ въ одной какой либо странѣ, естественно, обуславливалось положеніемъ вещей въ другихъ странахъ, соприкасающихся съ нею въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Отсюда, уже давно зародилось стремленіе со стороны отдѣльныхъ странъ къ международнымъ соглашениямъ по такимъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ выходило за предѣлы единичныхъ государствъ. Съ развитіемъ международного общенія связь между отдѣльными странами стано-

вилась все болѣе тѣсной, и взаимное вліяніе ихъ въ области даже внутреннихъ дѣлъ становилось все сильнѣй. Наконецъ, капиталистическій имперіализмъ съ его стремленіемъ къ захвату колоній и къ расширенію сферъ экономического вліянія уже окончательно показалъ, что никакое народное хозяйство не можетъ сохранить своей былой изолированности и независимости и должно по необходимости отражать на себѣ вліяніе цѣлаго множества странъ, образующихъ въ своей совокупности, какъ бы одно цѣлое,—хозяйство земного шара, или міровое хозяйство, съ его особыми ему присущими требованіями мірового оборота (мірового рынка), диктующаго свои условія міровому производству и міровому распределенію.

На этой почвѣ и зародились такіе труды, какъ „Обзоръ мірового хозяйства въ 19-мъ вѣкѣ“ статистика *Рих. Кальвера* и совершенно переработанная (съ указанной выше точки зрѣнія) знаменитая „Географія міровой торговли“ *Карла Андреса* (подъ редакціей Фр. Гейдериха и Роб. Сигера). Соціально-политическій характеръ носить и изслѣдованіе русскаго экономиста *А. А. Исаева* „Міровое хозяйство“, въ предисловіи къ которому авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свою задачу: „выдвинуть главныя формы экономическихъ отношеній между народами, связать рядъ фактовъ, которые особенно вліяютъ на развитіе этихъ отношеній, и уяснить значеніе мірового хозяйства для общественной жизни отдѣльныхъ странъ“.

Однако, имѣя одинъ общій соціально-политическій характеръ, всѣ этого рода изслѣдованія мірового хозяйства не связываютъ это послѣднее съ какой либо научной или учебной дисциплиной, и авторы ихъ не предпосылаютъ своимъ изысканіямъ никакихъ методологическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ можно было бы заключить объ особенной природѣ ученія о міровомъ хозяйствѣ, какъ болѣе или менѣе самостоятельной отрасли научнаго знанія.

Съ другой стороны, и составители общихъ курсовъ по экономической географіи (*Эрн. Фридрихъ, В. Э. День* и др.) обходятъ почти совершенно молчаніемъ идею о міровомъ хозяйствѣ, какъ о предметѣ хозяйственно-географическаго изученія, хотя и пользуются въ своемъ содержаніи отдѣльными

явленіями и фактами міроваго производства и міроваго оборота.

Съ точки зрѣнія включенія въ экономическую географію ученія о міровомъ хозяйствѣ въ полномъ его объемѣ разбираемая нами научная дисциплина переживаетъ всецѣло еще стадію формирующагося знанія, въ которомъ лишь намѣчается свое особое содержаніе и своя особая методика.

Это обстоятельство дѣлаетъ особенно необходимой болѣе тщательную обработку сюда относящихся данныхъ, и прежде всего со стороны строго систематическаго построенія схемы, или плана общаго ученія о міровомъ хозяйствѣ, какъ самостоятельной отрасли экономическаго науки.

Чтобы ближе уяснить себѣ сущность міроваго хозяйства, какъ явленія и тѣмъ самымъ опредѣлить мѣсто, какое ученіе о міровомъ хозяйствѣ должно занять въ общей системѣ экономическаго знанія, мы нѣсколько ближе остановимся на анализѣ интересующаго насъ здѣсь вопроса.

VI.

Три основныхъ вида хозяйствъ. Элементы хозяйства: хозяйствующій субъектъ.

Экономическая наука, т. е. научное изслѣдованіе явленій и фактовъ хозяйственной жизни человѣка во всемъ ея цѣломъ, въ настоящее время можетъ быть подвергнута болѣе или менѣе строгому расчлененію на три рода экономическаго знанія, соотвѣтственно тремъ основнымъ видамъ хозяйства—частнаго, общественнаго и міроваго—и вытекающимъ изъ нихъ тремъ различнымъ „точкамъ зрѣнія“: частно-хозяйственной, социальнo-экономической и хозяйственно-міровой.

Для того, чтобы отчетливѣе представить себѣ область явленій и процессовъ, характеризующихъ собою каждый изъ указанныхъ сейчасъ видовъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ этимъ—чтобы уяснить себѣ нѣкоторые главнѣйшіе элементы ученія о міровомъ хозяйствѣ, мы должны прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ въ самомъ понятіи „хозяйства“.

Понятіе „хозяйства“, хотя и является въ настоящее

время опредѣляющимъ для всей области экономическаго знанія, не получило, однако, одинаго всеобщаго толкованія и, обыкновенно, въ общихъ экономическихъ трактатахъ и курсахъ или не дается вовсе опредѣленій этого понятія, или это послѣднее смѣшивается съ понятіемъ „хозяйствованія“, подъ которымъ понимаютъ „хозяйственную дѣятельность“, или „совокупность хозяйственныхъ дѣйствій“. Между тѣмъ, „хозяйство“ отнюдь не покрывается понятіемъ хозяйственной дѣятельности, и эта послѣдняя должна разсматриваться лишь какъ часть или какъ элементъ, входящій въ составъ болѣе сложнаго понятія „хозяйства“, какъ такового.

Въ своемъ простѣйшемъ и самомъ общемъ выраженіи хозяйство, какъ таковое, представляетъ собою прежде всего процессъ поступленія и расходованія благъ, какъ средствъ удовлетворенія потребностей тѣхъ, кто причастенъ къ данному хозяйству, т. е. является его носителемъ. Въ зависимости именно отъ этого послѣдняго признака, т. е. отъ того, кто является носителемъ или субъектомъ хозяйства, мы и различаемъ частное хозяйство, общественное (народное) и міровое.

Субъектомъ, или выразителемъ идеи частнаго хозяйства можетъ являться отдѣльное лицо или семья (домашнее хозяйство или „домохозяйство“), отдѣльное учрежденіе, союзъ и даже государство (казна) черезъ посредство своихъ органовъ, какъ юридическое лицо, или какъ субъектъ имущественныхъ правъ.

Субъектомъ, или выразителемъ идеи общественнаго или народнаго хозяйства является общество, народъ, племя,—какъ объединенная самосознаніемъ и общностью интересовъ совокупность отдѣльныхъ лицъ и учреждений, стоящихъ во главѣ своихъ частныхъ хозяйствъ.

Наконецъ, субъектомъ или выразителемъ идеи міроваго хозяйства является совокупность отдѣльныхъ народовъ, или другими словами все населеніе земнаго шара, поскольку оно вовлекается въ одинъ общій міровой оборотъ хозяйственныхъ благъ, въ качествѣ выразителя совокупности отдѣльныхъ общественныхъ (національных) или частныхъ хозяйствъ.

Общее учение о хозяйствующемъ лицѣ, или о субъектѣ должно составлять предметъ теоретической экономіи, и только отдѣльныя стороны вопроса, или нѣкоторые его элементы, могутъ являться предметомъ спеціального изученія со стороны отдѣльныхъ экономическихъ дисциплинъ. Такъ, на примѣръ, наука о міровомъ хозяйствѣ, должна болѣе подробно останавливаться на тѣхъ условіяхъ разселенія людей по поверхности земного шара, согласно которымъ все человѣчество въ силу естественно-географическихъ и историко-культурныхъ особенностей отдѣльныхъ расъ, племенъ и народовъ, можетъ быть расчленено на рядъ рѣзко отличныхъ „районовъ потребленія“ (пшеницы, ржи, желѣза), иногда даже далеко отстоящихъ отъ соотвѣтствующихъ „районовъ производства“. Это создаетъ особый процессъ мірового общенія между отдѣльными частями населенія земного шара; эти отдѣльныя части населенія могутъ выступать или въ роли чистыхъ производителей и притомъ такихъ продуктовъ, которые на мѣстѣ вовсе не потребляются или потребляются лишь въ незначительной части (типъ капиталистическаго хозяйства); или выступающими въ роли чистыхъ потребителей предметовъ собственнаго производства (типъ примитивнаго натурального хозяйства); между этими крайними типами хозяйствъ существуетъ по необходимости множество промежуточныхъ ступеней, характеризующихся той или иной степенью развитія хозяйствующаго субъекта (данной части населенія земного шара).

Тутъ передъ нами выступаютъ во всемъ своемъ огромномъ значеніи расовыя, племенные, національныя особенности и свойства, характеризующія субъекта хозяйства какъ отдѣльныхъ естественно-географическихъ районовъ, такъ и всего мірового хозяйства въ его цѣломъ.

VII.

Два другихъ элемента мірового хозяйства: его объектъ и взаимоотношеніе между субъектомъ и объектомъ.

Установленные сейчасъ три рода хозяйствъ—частное, народное и міровое—различаются между собою еще и по

двумь другимъ основнымъ элементамъ всякаго хозяйства, т. е. по объекту и по взаимоотношенію субъекта и объекта.

Блага или цѣнности, образующія собою объектъ частнаго хозяйства, обыкновенно, представляютъ собою, такъ называемое, „реальное имущество“, т. е. совокупность предметовъ, служащихъ средствами нашего потребленія, или совокупность правоприязаній на таковыя предметы (деньги, обязательства). Относительная особенность „реальнаго имущества“, какъ объекта частнаго хозяйства, заключается въ томъ, что оно фактически является или можетъ являться предметомъ мѣноваго оборота, купли-продажи, т. е. товаромъ.

Значительно шире область цѣнностей, составляющихъ объектъ общественнаго или народнаго хозяйства: на ряду съ „реальнымъ имуществомъ“ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, или „товаровъ“, сюда слѣдуетъ отнести еще цѣлое множество цѣнностей общественнаго или публичнаго характера, неотчуждаемыхъ въ частную собственность и потому не являющихся предметомъ торговыхъ сдѣлокъ (общественные парки, зданія, памятники). Такимъ образомъ, объектомъ общественнаго или народнаго хозяйства является болѣе сложное понятіе „національнаго состоянія“, или „народное богатство“ въ собственномъ смыслѣ слова.

Еще шире объектъ мирового хозяйства. Содержаніемъ его служить не только вся совокупность „реальныхъ имуществъ“ отдѣльныхъ хозяйствъ и „богатство“ отдѣльныхъ народовъ, но еще и вся та масса благъ, которая не составляетъ ничьей частной или національной собственности, а является предметомъ общаго международнаго владѣнія (открытое море, океаны и связанныя съ ними естественныя богатства), стоящимъ лишь подъ охраной отдѣльныхъ культурныхъ странъ (международное право).

Если общее ученіе объ объектѣ хозяйства, такъ же, какъ и о субъектѣ его, составляетъ предметъ теоретической экономіи, то на долю отдѣльныхъ экономическихъ дисциплинъ остается только болѣе детальное знакомство съ нѣко-

торыми отдѣльными сторонами общаго вопроса или съ нѣкоторыми болѣе спеціальными его частями. Въ данномъ случаѣ спеціальной задачей науки о міровомъ хозяйствѣ, или экономической географіи является знакомство съ тѣми естественно-географическими и культурно-историческими условіями, которыя опредѣляютъ собою возникновеніе благъ, являющихся не только предметами товарнаго обмѣна, выражающими частное или національное богатство отдѣльныхъ странъ, но и такихъ благъ, которыя обусловливаютъ собою культурное развитіе всего современнаго человѣчества. Изъ входящихъ сюда цѣлаго множества отдѣльныхъ вопросовъ экономическая географія останавливается прежде всего съ особенной подробностью на современномъ состояніи земного шара, какъ общей сферы взаимоотношеній между человекомъ и природой съ точки зрѣнія хозяйственныхъ цѣнностей. Другими словами, со стороны объекта, задачей науки о міровомъ хозяйствѣ въ данномъ случаѣ является указаніе на естественныя и историко-культурныя условія хозяйственной жизни на землѣ.

Пользуясь данными физической географіи и геогграфіи растений и животныхъ (біогеографіи), экономическая географія въ общей своей части ученія о міровомъ хозяйствѣ должна знакомить насъ не только съ картиной распредѣленія главнѣйшихъ видовъ естественныхъ благъ, имѣющихъ огромное значеніе въ современномъ хозяйствѣ культурныхъ народовъ, но и съ тѣми основными факторами, въ силу которыхъ такое распредѣленіе имѣетъ мѣсто въ настоящее время, и подъ дальнѣйшимъ вліяніемъ которыхъ данное состояніе окружающей насъ природы можетъ и должно измениться.

Наконецъ, что касается третьяго основнаго элемента всякаго хозяйства—взаимоотношенія между хозяйствующимъ лицомъ, или субъектомъ и хозяйственнымъ предметомъ, или объектомъ, то по отношенію къ установленнымъ выше тремъ главнѣйшимъ родамъ хозяйства необходимо отмѣтить слѣдующее:

Въ частномъ хозяйствѣ взаимоотношеніе между его субъектомъ и объектомъ опредѣляется прежде всего лич-

ными интересами, волей и способностью хозяйствующаго субъекта къ отправленію имъ данныхъ хозяйственныхъ задачъ, направленныхъ въ конечномъ счетѣ къ такому балансированію итоговъ его хозяйственной дѣятельности, въ которомъ поступленіе благъ, если не всегда превышало бы, то никогда не было бы ниже расходованія ихъ. Хозяйственно-техническимъ моментомъ при этомъ выступаетъ принципъ достиженія съ наименьшей затратой силъ наибольшихъ результатовъ.

Взаимоотношеніе между субъектомъ и объектомъ общественнаго (народнаго) хозяйства находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе въ стремленіи къ развитію національныхъ производительныхъ силъ въ цѣляхъ національнаго или общественнаго прогресса. На ряду съ процессами, которымъ присваиваютъ наименованіе „стихийныхъ“, тутъ передъ нами выступаетъ широкая область мѣропріятій государственнаго и общественнаго характера, направляемыхъ къ регулированію какъ этихъ „стихийныхъ“ процессовъ, такъ и частныхъ интересовъ, въ виду одной общей вышеуказанной цѣли—развитія національныхъ производительныхъ силъ.

Наконецъ, по отношенію къ мировому хозяйству, взаимоотношеніе между субъектомъ и объектомъ выражается въ процессѣ мирового производства, обуславливающего собою матеріальную сторону культурнаго подъема всего человѣчества; однимъ изъ весьма яркихъ выраженій такого вліянія мирового производства на культурный подъемъ человѣчества можетъ служить вся совокупность современныхъ международныхъ сношеній и соглашеній, образующихъ одинъ общій процессъ все болѣе тѣснаго мирового общенія. Самыя столкновенія различныхъ народовъ одного съ другимъ, какіе ни стояли бы за ними узко-националистическіе интересы захвата и подчиненія, спѣшатъ и на своемъ знамени начертать лозунгъ всечеловѣческаго прогресса во имя всенароднаго братства и международнаго мирнаго преуспѣянія всего человѣчества.

Такъ отражаются на мировомъ хозяйствѣ тѣ три основные элемента, которые образуютъ собою понятіе всякаго

хозяйства, какъ такового, а слѣдовательно и хозяйства мірового, какъ предмета экономической науки.

VIII.

Способъ воздѣйствія человѣка на природу, какъ опредѣляющій моментъ мірового хозяйственнаго общенія.

Соотвѣтственно выше намѣченнымъ тремъ основнымъ элементамъ мірового хозяйства опредѣляются и самыя проблемы, образующія собою содержание экономической географіи.

Но раньше, чѣмъ перейти къ этому вопросу, отмѣтимъ здѣсь же, что изъ трехъ сейчасъ указанныхъ элементовъ, образующихъ въ своей совокупности міровое хозяйство—поверхность земного шара, или природа вообще (какъ объектъ мірового хозяйства), населеніе земли, или человѣчество (какъ субъектъ мірового хозяйства) и способъ воздѣйствія человѣка на природу (міровое производство) путемъ международнаго общенія (какъ взаимоотношеніе между субъектомъ и объектомъ мірового хозяйства)—этому послѣднему элементу удѣлялось до послѣдняго времени наименьшее вниманіе.

Это обстоятельство обусловлено тѣмъ, что изученіе первыхъ двухъ элементовъ уже давно нашло себѣ мѣсто въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ—физической географіи (въ связи съ геологіей) и въ демографической статистикѣ. Между тѣмъ третьему элементу—міровому производству въ связи съ міровымъ общеніемъ еще до сихъ поръ не удалось занять сколько нибудь самостоятельнаго мѣста въ общей системѣ человѣческаго знанія; а между тѣмъ, по существу, этотъ элементъ, т. е. способъ воздѣйствія человѣка на природу, является опредѣляющимъ моментомъ человѣческаго общенія, вообще, образующаго собою въ частности и основные процессы мірового хозяйства.

Эта сторона ученія о міровомъ хозяйствѣ только въ новѣйшее время начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, изъ которыхъ нѣкоторые считаютъ даже

возможнымъ ограничить самую область относящихся сюда явленій однимъ только торговымъ общеніемъ (коммерческимъ оборотомъ), согласно чему и называютъ соотвѣтственную учебную дисциплину „коммерческой“ географіей.

Однако такое ограниченіе предмета интересующей насъ отрасли знанія не можетъ быть пріемлемо ни съ точки зрѣнія научнаго построенія, ни съ точки зрѣнія современнаго преподаванія.

Полнота научнаго построенія міроваго хозяйства, какъ основнаго предмета „экономической географіи“, признаваемой нынѣ въ качествѣ учебнаго систематическаго курса, дѣлаетъ необходимымъ изслѣдованіе и первыхъ двухъ указанныхъ выше элементовъ, т. е. изученіе земной поверхности (природы), какъ объекта міроваго хозяйства, и населенія земли, какъ субъекта міроваго хозяйства. При этомъ нельзя не отмѣтить, что при изслѣдованіи природы съ экономической точки зрѣнія, даже и общеизвѣстныя географическія данныя могутъ получить своеобразное освѣщеніе, поскольку природа, какъ предметъ хозяйственнаго воздѣйствія человѣка, ограничивается для него не только предѣлами нашей планеты, но даже нѣкоторой, относительно весьма небольшой части одной ея поверхности. А потому, опредѣленіе того, какая именно часть земной поверхности? почему? и какъ? подлежить воздѣйствію воли хозяйствующаго субъекта—можетъ значительно расширить предѣлы какъ географическаго, такъ и экономическаго знанія, поскольку общеизвѣстные факты въ ихъ особомъ соотношеніи получаютъ для себя новое освѣщеніе и соотвѣтствующую оцѣнку. Но кромѣ чисто-научнаго значенія и педагогической интересъ вынуждаетъ экономиста-географа подробнѣе останавливаться на вопросахъ объ образованіи нашей планеты, величинѣ ея, поверхности, конфигураціи, нѣдрахъ земли и почвѣ, климатѣ, біогеографическихъ факторахъ—поскольку относящіеся сюда факты и явленія или вовсе неизвѣстны приступающему къ изученію экономической географіи или, если извѣстны, то съ иной—не экономической точки зрѣнія. Между тѣмъ, именно съ этой точки зрѣнія всѣ перечисленные сейчасъ вопросы получаютъ особенное значеніе для пониманія

не только сущности современнаго мірового хозяйства, но и условий его возникновенія и развитія.

Столь же велико и научное, и педагогическое значеніе тѣхъ вопросовъ, которые рождаются въ области изслѣдованія субъекта мірового хозяйства. Съ одной стороны, демографическая статистика принадлежитъ еще къ далеко не завершившимся частямъ общей научной статистики, и потому сама еще нуждается въ обширномъ матеріалѣ, который отчасти ей можетъ давать и экономическая географія (если эта послѣдняя будетъ поставлена на строго научныхъ основаніяхъ). Съ другой стороны, отъ приступающихъ къ знакомству съ предметомъ экономической географіи, въ частности съ вопросами мірового хозяйства, трудно ожидать сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній о численности населенія земного шара и объ условіяхъ его размѣщенія.

Намѣчаемое такимъ образомъ содержаніе ученія о міровомъ хозяйствѣ, какъ предмета возникающей нынѣ новой научно-педагогической дисциплины, „экономической географіи“, требуетъ прежде всего строгаго разъясненія и систематизаціи всѣхъ относящихся сюда данныхъ, большею частью заимствуемыхъ изъ другихъ смежныхъ научныхъ дисциплинъ, въ частности экономической науки, а затѣмъ также всемірной исторіи, всеобщей географіи и прикладной (экономической) статистики. Такое разнообразіе данныхъ необходимо требуетъ строгой систематизаціи съ точки зрѣнія единства содержанія и метода данной отрасли научнаго знанія.

Къ этому вопросу мы и перейдемъ.

IX.

Два основныхъ метода въ ученіи о міровомъ хозяйствѣ:
аналитическій и синтетическій.

Въ цѣляхъ научнаго анализа всякое сложное понятіе мы можемъ расчленивать на рядъ простѣйшихъ элементовъ, изъ которыхъ данное понятіе образуется.

Въ этомъ отношеніи, частное хозяйство состоитъ изъ ряда простѣйшихъ дѣйствій или хозяйственныхъ актовъ и мѣропріятій, общественное или народное хозяйство—изъ

совокупности различныхъ взаимодействующихъ группъ или категорій интересовъ, а міровое хозяйство—изъ нвличности различныхъ взаимообусловленныхъ хозяйственно-территоріальныхъ районовъ (съ торгово-промышленными или производительными центрами).

Отсюда, при группировкѣ соотвѣтствующаго матеріала въ экономической географіи можно пользоваться двумя способами, или методами: аналитическимъ и синтетическимъ.

Аналитическимъ методомъ мы называемъ такое распредѣленіе относящихся къ нашему изученію данныхъ, при которомъ исходнымъ началомъ является родъ хозяйственной дѣятельности, напр. производство какого либо продукта, добыча сырья, торговая операція, или вообще тотъ или иной видъ хозяйственнаго общенія,—и этотъ родъ хозяйственной дѣятельности расчленяется въ связи съ распредѣленіемъ его на отдѣльные пункты или районы. Такъ, аналитическимъ методомъ мы изслѣдуемъ производство хлѣбовъ и хлѣбную торговлю на земномъ шарѣ по отношенію къ нѣкоторымъ главнѣйшимъ хлѣбопромышленнымъ пунктамъ или по отдѣльнымъ рынкамъ, районамъ; вмѣстѣ съ этимъ мы изслѣдуемъ и пути слѣдованія хлѣбныхъ грузовъ и главнѣйшіе порты ввоза и вывоза хлѣба. Такимъ же способомъ мы можемъ изслѣдовать міровое производство и распредѣленіе всякаго продукта—желѣза, угля, драгоценныхъ металловъ (мѣста ихъ добычи и общее количество его), нефти, хлопка, шерсти и т. д.

Именно этимъ путемъ идутъ почти всѣ современные экономисты географы, и какъ въ курсахъ экономической географіи, предназначенныхъ для высшей школы, такъ и для обычныхъ учебниковъ, такъ называемой „коммерческой географіи“ этотъ способъ изложенія представляется для составителей этихъ курсовъ и учебниковъ, видимо, наиболѣе легкимъ. Но съ точки зрѣнія рациональной постановки преподаванія одинъ этотъ способъ изложенія предмета самъ по себѣ еще врядъ ли можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ, такъ какъ при немъ общая картина мірового хозяйства искусственно разбивается на рядъ отдѣльныхъ элемен-

товъ его, представляющихся въ умѣ учащагося въ концѣ концовъ лишь перечнемъ голыхъ названій и цифръ. Аналитическій методъ тѣмъ не менѣ имѣетъ большое научное значеніе и особенно является умѣстнымъ въ такихъ изданіяхъ научно-справочнаго характера, какъ вышеперечисленныя таблицы Юрашека, обзоры Кальвера и др; къ нимъ можно отнести и болѣе обстоятельный коллективный трудъ, вышедшій подъ ред. *Alb. Scobel*'я (*Geographisches Handbuch*, см. II Bd. глава C. *Weltproduktion, Welthandel und Weltverkehr*). И для цѣлей преподаванія этотъ—аналитическій—методъ можетъ имѣть значеніе, какъ будетъ подробнѣе указано дальше, если только не ограничиваться имъ однимъ, а пользоваться имъ на ряду съ тѣмъ методомъ, который я назвалъ синтетическимъ.

Подъ синтетическимъ методомъ я разумѣю такой способъ изслѣдованія мірового хозяйства, когда это послѣднее представляется въ рядѣ картинъ, характеризующихъ всю сложную хозяйственную жизнь міра или хотя бы отдѣльныхъ хозяйственно-территориальныхъ его частей, или районовъ. Отъ изслѣдователя или преподавателя зависитъ воспользоваться этимъ методомъ такъ, чтобы въ представленіи учащагося рисовалась живая картина силъ природы и дѣйствующаго среди нихъ и при содѣйствіи ихъ хозяйствующаго чело-вѣка. Блестящіе примѣры приложенія этого синтетическаго метода мы имѣемъ въ изслѣдованіяхъ проф. *А. Филиппсона*, Средиземье (область Средиземнаго моря), и нашего знаменитаго ученаго *А. И. Воейкова*, изслѣдовавшаго экономическое значеніе бассейновъ Великаго и Атлантическаго океановъ (см. его брошюру „Будетъ ли Тихій океанъ главнымъ торговымъ путемъ земного шара?“). Въ той же брошюрѣ, а также и въ другомъ своемъ специальномъ изслѣдованіи (см. „Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности чело-вѣка“) тотъ же талантливый ученый показалъ дѣйствительно цѣнное приложеніе также и аналитическаго метода въ экономической географіи.

Удачное сочетаніе указанныхъ двухъ методовъ мы находимъ и въ обширномъ столь извѣстномъ изданіи *В. П. Семенова-Тянь-Шанскаго*, предпринявшаго географическое изслѣ-

дованіе Россіи по отдѣльнымъ хозяйственно-территориальнымъ районамъ нашего отечества.

Пользуясь обоими сейчасъ указанными методами для попытки построения новой дисциплины—ученія о міровомъ хозяйствѣ, мы приходимъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ.

Х.

Главнѣйшіе отдѣлы экономической географіи, какъ науки о міровомъ хозяйствѣ.

Все содержаніе экономической географіи, какъ науки о міровомъ хозяйствѣ, въ систематическихъ цѣляхъ можетъ быть распредѣлено прежде всего на два основныхъ отдѣла—на общій и спеціальныи.

Предметомъ общей части является міровое хозяйство, какъ одно цѣлое, опредѣляемое естественно-географическими условіями нашей планеты.

Общая часть въ свою очередь можетъ быть расчленена на три главныхъ отдѣла:

Первый изъ этихъ отдѣловъ можетъ быть посвященъ изученію элементовъ мірового хозяйства: во-1-хъ, природы, какъ объекта мірового хозяйства (описание поверхности земного шара и ея образованія, почва, климатъ и біогеографическіе факторы мірового хозяйства); во-2-хъ, населенія, какъ субъекта мірового хозяйства, т. е. численности населенія земного шара и распредѣленіе его по густо-населеннымъ пунктамъ или районамъ (центрамъ); сюда же можетъ войти опытъ анализа качественныхъ свойствъ и особенностей различныхъ расъ или народностей по отношенію къ ихъ роли въ міровомъ хозяйствѣ; въ-3-хъ, наконецъ, мірового производства, какъ выраженія взаимоотношенія между населеніемъ земного шара и природой, каковое находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе въ условіяхъ возникновенія и развитія мірового оборота; въ частности сюда относится анализъ первоначальнаго накопленія съ переходомъ къ процессамъ производства средствъ производства (капиталистическое накопленіе), въ связи съ историко-географиче-

скими стадіями хозяйственнаго развитія народовъ различныхъ странъ свѣта.

Какъ указывалось выше, вопросы мірового общенія представляются для экономиста особенно важными, въ виду чего болѣе подробное ихъ изученіе могло бы быть достигнуто выдѣленіемъ относящихся сюда явленій въ особый отдѣлъ. Отсюда, вторымъ обширнымъ отдѣломъ общей части курса экономической географіи является изученіе „основныхъ условій мірового оборота“, куда входятъ слѣдующіе вопросы: во-1-хъ, процессъ образованія міровой торговли и размѣры ея оборотовъ по отдѣльнымъ странамъ и по отдѣльнымъ предметамъ международнаго обмѣна; во-2-хъ, исторія и современное состояніе средствъ и путей сообщенія въ связи съ главнѣйшими торговыми путями и условіями ихъ оборудованности; въ-3-хъ, вопросы таможенной и тарифной политики, какъ условій, содѣйствующихъ или, напротивъ, препятствующихъ развитію мірового оборота; въ-4-хъ, основныя начала колониальной политики, съ точки зрѣнія образованія рынковъ и сферъ торговыхъ вліяній; въ-5-хъ, наконецъ, вопросъ организаціи международнаго общенія: въ частности, экономическое значеніе постоянныхъ международныхъ союзовъ и періодическихъ конгрессовъ, консулатовъ, выставокъ, музеевъ, торговыхъ палатъ, кредитныхъ учрежденій и биржъ.

Кромѣ сейчасъ указанныхъ двухъ основныхъ отдѣловъ общей части, къ этой послѣдней слѣдуетъ отнести еще одинъ, третій, въ которомъ должна быть представлена попытка „расчлененія мірового хозяйства на хозяйственно-географическіе районы“ по вышеозначенному синтетическому методу. Въ частности, сюда могла бы быть отнесена попытка *Гербертсона* („Человѣкъ и его трудъ“) установленія типическихъ хозяйственно-географическихъ поясовъ земнаго шара; затѣмъ, могли бы быть даны указанія на хозяйственно-географическое значеніе какъ отдѣльныхъ материковъ и ихъ частей, такъ и океановъ и ихъ частей, по по примѣру указанныхъ выше работъ *Филлипсона* и *Воейкова*.

Наиболѣе значительные изъ хозяйственно-территориальныхъ районовъ и прежде всего детальное изученіе хозяйственной жизни основныхъ районовъ собственного отечества необходимо выдѣлить изъ общей части и образовать изъ соответствующаго матеріала спеціальную часть курса.

Такимъ образомъ, содержаніемъ второй, спеціальной, части экономической географіи должно являться описаніе естественно-географическихъ условій отдѣльныхъ болѣе обширныхъ хозяйственныхъ районовъ. Съ точки зрѣнія непосредственной заинтересованности и практической цѣлесообразности, разумѣется, тутъ имѣютъ исключительное значеніе для изучающаго хозяйственно-географическія особенности его собственного отечества, что лишь отчасти достигается спеціальными курсами „отечествовѣдѣнія“.

Для построенія научно-поставленнаго курса „экономической географіи Россіи“ (какъ спеціальной части общаго курса по экономической географіи для высшей школы) богатый матеріалъ (хотя и значительно устарѣлый въ фактической своей части) даетъ офиціальное изданіе „Торговля и Промышленность Европейской Россіи“, въ которой подробно изслѣдуются 12 полосъ и 1.065 отдѣльныхъ хозяйственныхъ районовъ. Дополненіемъ къ нему можетъ служить другое офиціальное изданіе по обслѣдованію экономического состоянія нашихъ окраинъ (см. „Азіатская Россія“, въ 2-хъ большихъ томахъ съ атласомъ и указателемъ, изд. Переселенческимъ Правленіемъ Мин. Земл.). Наконецъ, хорошо можетъ быть использовано для спеціальной части содержаніе вышеуказаннаго многотомнаго изданія *В. П. Семенова-Тянь-Шанскаго*, („Россія“).

Такова та общая схема, по которой могло бы быть расположено содержаніе зарождающейся въ наше время самостоятельной научно-педагогической дисциплины, которой присваиваютъ наименованіе „экономической географіи“. Какъ объ обще-образовательномъ, такъ и о технико-профессиональномъ значеніи этой дисциплины въ настоящее время говорить не приходится, на столько это значеніе самоочевидно, хотя бы уже изъ самого факта существованія такихъ курсовъ въ современной системѣ высшаго образованія

правда, пока еще только одного профессиональнаго; но вопросъ о введеніи этого курса въ наши университеты, въ сущности, представляетъ собою также только вопросъ времени. Гораздо важнѣе, чѣмъ обсуждать вопросъ о значеніи, какое можетъ имѣть курсъ экономической географіи въ общей системѣ преподаванія, представляютъ, по нашему мнѣнію, вопросы о самомъ характерѣ, объемѣ и соотвѣтствующемъ содержаніи этого курса, такъ какъ только отъ удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ будетъ зависѣть и самый вопросъ о томъ, на сколько вообще желательна дальнѣйшее распространеніе этого рода знаній и въ какомъ именно объемѣ.

Трудъ, какъ основа народнаго хозяйства.

I.

Предметъ настоящаго изслѣдованія: опытъ рѣшенія вопроса о наиболѣе рациональномъ использованіи народомъ своихъ рабочихъ силъ, съ т. зр. достиженія труда „высшаго качества“ (квалифицированнаго). Отличіе труда отъ работы и игры. Народный трудъ.

Деятнадцатый вѣкъ имѣеть, безспорно, очень много заслугъ, въ силу которыхъ онъ долженъ будетъ занять совершенно особое мѣсто въ исторіи человѣчества. Но одной изъ наибольшихъ, быть можетъ, его заслугъ слѣдуетъ признать то, что именно въ протекшемъ столѣтіи создалось совершенно новое идеалистическое пониманіе труда и за рабочимъ классомъ, какъ выразителемъ идеи труда, было впервые признано значеніе борца за лучшее будущее, за культуру и прогрессъ.

Въ связи съ этимъ и передъ общественнымъ сознаніемъ только въ 19-мъ вѣкѣ впервые всталъ, такъ называемый, „рабочій вопросъ“ во всемъ своемъ современномъ глубокомъ смыслѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю въ виду изслѣдовать эго „рабочій вопросъ“ во всей исчерпывающей его полнотѣ. Поэтому, я не буду здѣсь касаться „рабочаго движенія“, т. е. того, какъ рабочій классъ добивался свободы и улучшенія своего матеріальнаго положенія; не буду касаться и того, какъ произошелъ самый переломъ въ общественномъ самосознаніи, когда рабочій, отождествляемый еще въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ съ рабомъ, крѣпостнымъ и преступникомъ,—вдругъ, получилъ вышеуказанное мною идеалистическое пониманіе; наконецъ я оставляю въ сторонѣ и вопросъ о томъ, какъ рабочій классъ живетъ въ настоящее время и какъ постепенно черезъ него получаютъ себѣ осуществленіе великіе

завѣты идеалистовъ Сень-Симона, Роб. Овэна, Фурье, Маркса, Крапоткина и др. теоретиковъ социализма,—творцовъ идеи социальнаго идеала.

Все это—вопросы захватывающаго интереса и огромнѣйшаго значенія для всѣхъ тѣхъ, кто бы захотѣлъ серьезно углубиться въ сущность сейчасъ совершающагося и за видимостью уразумѣть скрывающуюся за ней высшую идею и призваніе нашего времени.

Но въ такомъ своемъ широкомъ пониманіи „рабочій вопросъ“ выходитъ далеко за предѣлы намѣченнаго мною предмета изслѣдованія.

Сейчасъ моя задача направлена на иную сторону вопроса: я бы хотѣлъ дать нѣкоторое общее ученіе о трудѣ, которое имѣло бы въ виду установить рядъ общихъ положеній, имѣющихъ огромное, на мой взглядъ, значеніе сами по себѣ, независимо отъ того, каково было фактическое прошлое рабочаго класса, каково было пониманіе труда раньше и на сколько успѣшно мы сейчасъ приближаемся къ завѣтамъ великихъ идеалистовъ. Моя попытка—раскрыть дѣйствительную сущность труда и установить само собой вытекающія изъ этой сущности необходимыя слѣдствія и требованія, или принципы.

Имѣя въ виду, что трудъ представляетъ собою полезную силу, мы, естественно, задаемся вопросомъ,—какъ т. е. при какихъ условіяхъ населеніе какой либо страны можетъ наилучшимъ образомъ использовать эту силу? Рядомъ съ этимъ возникаетъ еще и другой вопросъ. О трудѣ можно говорить со стороны количественной: сколько? или какъ велика „масса труда“, напр. распредѣленіе населенія по рабочему возрасту, количество времени, въ теченіе котораго былъ затраченъ трудъ и т. д. Но о трудѣ можно говорить еще и съ качественной стороны: какой трудъ? и тутъ мы прежде всего различаемъ разныя степени качества труда—отъ простаго чернорабочаго, поденщика, до труда мастера, механика, инженера и т. д. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ говорятъ о трудѣ самой высокой степени, или о трудѣ „высшаго качества“ или по ино-

странному — о „квалифицированномъ“ (латинское слово *qualitas* = качество) трудѣ.

Выраженіе: „квалифицированный рабочий“ въ отличіе отъ „простого рабочаго“ часто встрѣчается въ смыслѣ обученнаго или подготовленнаго къ какой либо профессіи работника. Но передъ нами должно будетъ выясниться болѣе глубокое и болѣе богатое содержаніе этого выраженія, какъ предмета научнаго изслѣдованія.

Начнемъ съ установленія нашего пониманія труда, но не всякаго труда, а только труда хозяйственнаго, т. е. направленнаго на обезпеченіе насъ матеріальными благами, какъ напр., производство предметовъ пропитанія, одежды, жилища и т. д.

По скольку всѣ эти матеріальныя блага мы черпаемъ изъ условій насъ окружающей матеріальной природы, по столько подъ хозяйственнымъ трудомъ необходимо понимать опредѣленнаго рода воздѣйствіе человѣка на природу. Но на природу могутъ дѣйствовать и стихійныя, механическія силы; въ отличіе отъ нихъ въ дальнѣйшемъ будетъ итти рѣчь о такомъ воздѣйствіи, которое обусловлено сознаніемъ и волей человѣка; это предполагаетъ—разумную цѣль и такую цѣлью въ данномъ случаѣ является достиженіе матеріальныхъ выгодъ, или матеріальныхъ, хозяйственныхъ благъ.

Соединяя всѣ сейчасъ указанные признаки въ одно общее опредѣленіе, мы можемъ сказать, что хозяйственный трудъ это—сознательно-волевое воздѣйствіе человѣка на природу въ цѣляхъ полученія матеріальныхъ выгодъ.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ строго различать трудъ и работу: первое необходимо предполагаетъ сознаніе, волю и разумную цѣль; работа же можетъ производиться и неразумнымъ существомъ—работа вола,—или даже механизмомъ—работа паровика, какого-нибудь, вообще, двигателя. Трудъ мы постоянно связываемъ съ представленіемъ о какомъ-ниб. высшемъ нравственномъ началѣ (разумности!), тогда какъ работа связывается у насъ съ чѣмъ то безличнымъ, механическимъ; не даромъ самое слово „работа“

имѣть одинъ общій корень со словомъ рабъ, рабство и вызываетъ у насъ представленіе о невольномъ трудѣ.

Изъ установленнаго мною пониманія хозяйственнаго труда вытекаетъ еще одна особенность его, какъ воздѣйствія на природу: я имѣю въ виду рѣзкое отличіе хозяйственнаго труда, или труда, вообще, отъ игры или спорта. Всякая игра, спортъ, гимнастическое упражненіе тоже можетъ представлять преодолѣніе силъ природы и, слѣдовательно, воздѣйствіе на природу: когда вы гребете, бросаете мячъ, стрѣляете въ цѣль и т. д., то внѣшнимъ образомъ ваши дѣйствія ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ труда, который воздѣйствуя на природу, тоже стремится прежде всего къ преодолѣнію силъ природы. Съ внѣшней стороны, поэтому, трудно установить, является ли гребля, метаніе, стрѣльба выраженіями труда или игры, спорта. Но по своему общему значенію въ жизни человѣка, конечно, никто не усомнится, что существуетъ огромное различіе между игрой и трудомъ. И дѣло, конечно, не въ такихъ случайныхъ отличіяхъ, какъ чувство удовольствія, свободы при спортѣ и чувство тягости и необходимости при трудѣ. Дѣло въ болѣе существенномъ отличіи: оно заключается въ указанномъ мною признакѣ цѣли: игра, спортъ заключаютъ въ себѣ самоцѣль, а трудъ, именно хозяйственный трудъ имѣетъ своей цѣлью достиженіе матеріальной выгоды.

Между тѣмъ, мы ни на мгновеніе не усомнимся, что высшее назначеніе человѣка, конечно, заключается не въ томъ, чтобы онъ всѣ свои силы напрягалъ на достиженіе однихъ только матеріальныхъ благъ. Назначеніе человѣка на землѣ—его духовное совершенствованіе; и матеріальныя блага, въ чѣмъ бы они не заключались, не могутъ имѣть иного значенія для насъ, какъ только внѣшнихъ средствъ—и никогда какъ самоцѣли.

Отсюда всякій хозяйственный трудъ по самой своей природѣ всегда имѣетъ въ себѣ „корыстный“ моментъ: ожиданіе матеріальной выгоды. И чѣмъ трудъ ниже по степени своего качества, тѣмъ этотъ „корыстный“ моментъ въ немъ сильнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что улучшая качество

труда мы все болѣе очищаемъ его отъ матеріальнаго момента и вкладываемъ въ него начала высшей духовности.

Изъ этого вытекаетъ цѣлый рядъ слѣдствій огромной важности, изъ которыхъ я отмѣчу здѣсь лишь нѣкоторыя, на мой взглядъ главнѣйшія, въ принципиальномъ отношеніи.

Но раньше необходимо условиться въ пониманіи еще одного научнаго выраженія: въ экономической наукѣ, обыкновенно, говорятъ не просто о трудѣ, а о народномъ трудѣ.

Не останавливаясь на подробностяхъ, слѣдуетъ только отмѣтить, что народный трудъ—это проявленіе національной культуры въ общемъ процессѣ развитія человѣчества. А потому народный трудъ представляется ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ процессомъ народной жизни.

Пусть жизнь cadaго изъ насъ такъ недолговѣчна—мы живемъ и трудимся для цѣлаго своего народа; пусть и жизнь націй—не вѣчна, отдѣльные народы живутъ и трудятся для всего человѣчества!

Изъ сближенія труда съ понятіемъ жизни, будемъ ли мы говорить объ отдѣльномъ человѣкѣ, о народѣ или о человѣчествѣ—безразлично—вытекаетъ одно очень важное слѣдствіе. Это—что трудъ не есть что-либо, находящееся въ состояніи покоя; не есть нѣчто, какъ говорятъ въ физикѣ—„статическое“.

Наоборотъ, трудъ—понятіе „динамическое“; это—живой процессъ, который не только стремится воздѣйствовать на матеріальную природу, но и самъ въ свою очередь безпрестанно подвергается дѣйствию силъ природы. Въ виду этого трудъ требуетъ къ себѣ очень бережнаго отношенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ, какъ и сама жизнь человѣческая, онъ можетъ легко подвергнуться разрушенію и смерти.

Какъ живой процессъ, народный трудъ въ своемъ развитіи знаетъ три момента:

въ 1-хъ, моментъ самаго образованія труда, его возникновеніе, какъ рабочей силы, и его подготовку къ намѣченной цѣли;

въ 2-хъ, моментъ приложенія труда для полученія ожидаемыхъ результатовъ; и

въ 3-хъ, моментъ организаціи труда для объединенія всѣхъ отдѣльныхъ усилій въ общихъ цѣляхъ развитія культуры, какъ отдѣльныхъ націй, такъ и культуры всего человѣчества.

Остановимся подробнѣе на этихъ трехъ моментахъ процесса труда.

II.

Подготовка къ труду „высшаго качества“: дѣтскій возрастъ, какъ подготовительный періодъ въ жизни человѣка. Идея здороваго поколѣнія со стороны физической, духовной и общественной.

Основнымъ условіемъ достиженія труда высшаго качества, или труда квалифицированнаго, какъ уже мною указывалось, является надлежащая подготовка къ нему, или соответствующее обученіе ему.

Въ самой жизни человѣка есть моментъ, который уже какъ бы самой природой предназначенъ именно для того, чтобы служить подготовительной стороною для самой человѣческой жизни, Это—дѣтство. Дѣтскій возрастъ, безусловно, служитъ подготовительнымъ періодомъ въ жизни человѣка.

Это положеніе въ общей системѣ развиваемаго мною ученія о трудѣ получаетъ совершенно особенный смыслъ, если связать его съ идеей созданія здороваго поколѣнія.

Эта идея уже давно стала предметомъ заботъ правительствъ всѣхъ культурныхъ странъ. Но въ различное время идея грядущаго поколѣнія находила себѣ различное толкованіе. Правительства XVII и XVIII вѣковъ въ ростѣ населенія видѣли условія роста государственнаго благосостоянія; и потому во всѣхъ странахъ принимались самыя разнообразныя мѣры къ тому, что-бы или содѣйствовать размноженію населенія (ранніе браки, вознагражденіе за большое количество дѣтей, въ особенности мальчиковъ и др.); или правительства оказывали всяческое поощреніе къ переселенію

иностранныхъ подданныхъ (надѣленіе земель, представленіе мѣсть всякаго рода).

Однако уже въ концѣ XVIII вѣка и въ особенности въ началѣ XIX-го стали раздаваться опасенія, что слишкомъ быстрое размноженіе человѣческаго рода не поспѣваетъ за ростомъ производительности человѣческаго труда и что потому оказывается всегда нѣкоторое число лицъ, которымъ не находится мѣста на пиру жизни; т. е. другими словами создавшееся въ XIX в. ученіе, получившее названіе „мальтузіанства“ (по имени его создателя Роб. Мальтуса) чрезмѣрнымъ размноженіемъ пыталось объяснить причину бѣдности, лишеній и нищеты (пауперизма).

Въ мою задачу не входитъ разборъ и критика правильности того или иного теченія въ ученіи о населеніи. Достаточно только отмѣтить тотъ фактъ, что какъ одно теченіе, такъ и другое исходятъ въ своихъ мѣропріятіяхъ лишь изъ одной стороны вопроса: и то и другое считаются только съ количественной стороной. Между тѣмъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что не количество, а качество людей опредѣляетъ собой дѣйствительно успѣшное человѣческое развитіе.

Посмотримъ на дѣло именно съ этой качественной стороны и попытаемся установить нѣкоторыя общія положенія съ трехъ основныхъ точекъ зрѣнія на развитіе человѣчества: физической, духовной и соціальной.

Говоря о физическомъ развитіи человѣка, мы прежде всего сталкиваемся съ очень сложнымъ въ наше время вопросомъ—съ вопросомъ о бракѣ. Изъ всѣхъ существующихъ очень различныхъ пониманій брака мнѣ представляется наиболѣе правильнымъ пониманіе одного крупнаго философа (Ничше), согласно которому подъ бракомъ слѣдуетъ понимать „обусловленный взаимнымъ уваженіемъ союзъ двухъ лицъ въ цѣляхъ созданія третьяго, больше создавшихъ его“.

Какъ слабо развито такое пониманіе брака среди людей, показываютъ попадающіяся намъ на всякомъ шагѣ раздрающія душу картины сознательнаго или безсознательнаго, вольнаго или невольнаго калеченія дѣтей, какъ въ физи-

ческомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. И до настоящаго времени ни одно правительство,—даже самыхъ культурныхъ странъ—не въ состояніи окончательно оградить подрастающее поколѣніе отъ рахитизма, идеотизма и всякихъ другихъ послѣдствій современныхъ условій фабрично-заводской или запущенной, безпросвѣтно-темной сельской жизни. Если бы не существовало никакихъ другихъ ужасовъ и противорѣчій въ современномъ общественномъ строѣ, то уже вслѣдствіе этого одного факта, влекущаго за собою опредѣленное „вырожденіе“ человѣчества, мы не могли бы не послать проклятія этому строю и не стремиться всею душою къ его разрушенію во имя лучшаго будущаго, болѣе достойнаго истиннаго произванія человѣка на землѣ.

Нельзя сказать, чтобы правительства современныхъ культурныхъ странъ ничего не предпринимали бы для охраны населенія отъ угрожающаго ему вырожденія. Напротивъ, въ рѣчахъ представителей власти и въ многочисленныхъ законодательныхъ актахъ разсыпано множество благихъ пожеланій о защитѣ дѣтей, объ охранѣ материнства и т. д. Постепенно создалось повсюду даже очень сложное рабочее законодательство. Но и благія пожеланія и законы—лишь жалкіе палліативы и для предотвращенія указанной мною угрозы вырожденія, конечно, должны быть приняты иныя, болѣе радикальныя мѣры. направленные не противъ внѣшнихъ проявленій, или симптомовъ, а противъ самого зараженнаго организма, какимъ является нашъ современный строй, называемый „капитализмомъ“.

Если такъ обстоитъ дѣло съ обезпеченіемъ физической стороны развитія современнаго человѣка, то не лучше обстоитъ дѣло и со стороны духовной и соціальной.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сейчасъ мы находимъ пока лишь одни опыты или попытки, еще очень далекіе отъ какихъ либо общихъ рѣшительныхъ мѣропріятій.

Сюда прежде всего относятся довольно многочисленныя соображенія не только объ обязательной грамотности, но и о широкомъ насажденіи спеціальнаго профессиональнаго образованія. Особенное вниманіе при этомъ привле-

каеть къ себѣ новѣйшая идея о трудовомъ воспитаніи; идея, полное осуществленіе которой всецѣло принадлежитъ уже будущему строю, когда трудовое начало, вообще, должно будетъ найти себѣ болѣе соотвѣтствующее приложеніе.

Со стороны социальной, говоря о современныхъ условіяхъ подготовки къ квалифицированному труду, нельзя пройти мимо тѣхъ очень интересныхъ опытовъ, которые въ настоящее время производятся въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Я имѣю въ виду вопросъ о „выборѣ профессій“ подростками при самомъ непосредственномъ участіи народныхъ учителей. При существующей въ этихъ странахъ системѣ обязательнаго начального обученія дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ народному учителю, слѣдующему за развитіемъ ребенка въ теченіе 8 лѣтъ, естественно, должно принадлежать первое мѣсто при сужденіяхъ о склонностяхъ подростка и его способностяхъ къ тому или другому роду занятій. На ряду съ этимъ народный учитель хорошо знаетъ мѣстныя условія производства и заранѣе можетъ легко предвидѣть то будущее, что ожидаетъ его воспитанниковъ при опредѣленіи ихъ на мѣста для службы или для дальнѣйшей профессиональной подготовки.

Здѣсь рациональныя задачи социальнаго попеченія о дѣтяхъ имѣютъ въ виду особенно то явленіе, которое въ широко развитыхъ промышленныхъ странахъ находитъ себѣ выраженіе въ, такъ называемомъ, „профессиональномъ тупикѣ“. Это выраженіе создано прежде всего на англійской почвѣ. „Тупикъ“, или blind-alley (бляйнд-элей) означаетъ такое положеніе рабочаго, когда онъ не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ перспективъ къ улучшенію или измѣненію своего положенія, своей профессіи. Основной задачей всякой дѣятельности англичане считаютъ преуспѣяніе и дальнѣйшее продвиженіе въ жизни—постепенный подъемъ по ея лѣстницѣ, съ одной ступени, болѣе низшей, на другую, дающую большую возможность пріобщаться къ благамъ современной культуры.

Между тѣмъ, не только полное отсутствіе профессиональной подготовки обрекаетъ влачить тяжелую и безпросвѣтную жизнь поденщика и чернорабочаго, но и слишкомъ

узкая и недостаточная подготовка может приводить къ „профессиональному тупику“. Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе Англїи было одно время чрезвычайно озабочено судьбой тѣхъ подростковъ, которыхъ набирало прямо со школьной скамьи почтовое вѣдомство, чтобы пользуясь дешевымъ трудомъ сократить расходы по доставкѣ писемъ. Когда эти подростки становились старше, то нѣкоторая часть ихъ по сдачѣ спеціального экзамена оставалась на службѣ въ почтовомъ же вѣдомствѣ въ качествѣ болѣе квалифицированныхъ служащихъ, какъ, напримѣръ, телеграфистовъ, чиновниковъ и т. д. Но значительно бѣльшая часть этихъ подростковъ, не сдавшихъ требуемаго экзамена, — а подготовиться къ нему не легко, если принять во вниманіе продолжительность труда по разноскѣ писемъ или телеграммъ и его утомляемость — оставляли свои мѣста; это вынуждалось самымъ положеніемъ вещей: ставши старше, подростокъ требовалъ себѣ, естественно, увеличенія содержанія, на что почтовое вѣдомство не соглашалось, имѣя возможность вербовать новый штатъ подростковъ за соотвѣтствующую дешевую плату. Подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія въ настоящее время этотъ способъ вовлеченія подростковъ въ „профессиональный тупикъ“ былъ пресѣченъ; но, разумѣется, съ ростомъ спеціализаціи остается множество видовъ труда, иногда очень привлекательныхъ для подростковъ, но въ дальнѣйшемъ не дающихъ выхода на широкую дорогу культурной жизни, загоняя эту категорію работниковъ въ безисходный „тупикъ“.

Въ связи съ этимъ въ Англїи существуетъ широкая сеть государственныхъ бюро по посредничеству въ прїисканіи занятій. При такихъ бюро, называемыхъ „биржами труда“, обыкновенно, устраиваются спеціальныя отдѣленія для подростковъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ. Эти отдѣленія входятъ въ самыя тѣсныя сношенія съ народными учителями и пользуются взаимными услугами.

Таковы, въ общихъ чертахъ, современныя условія подготовки къ труду высшаго качества.

III.

Приложеніе труда. Продолжительность труда. Производительность труда и ея необходимыя условія: напряженность, оборудованность и планомѣрность.

Раньше, чѣмъ говорить объ условіяхъ надлежащаго приложенія труда, намъ необходимо принять за исходное начало нашихъ сужденій уже установленное ранѣе положеніе, согласно которому трудъ человѣка представляетъ собою живой жизненный процессъ, т. е. онъ никогда не пребываетъ въ состояніи покоя, а подвергается, какъ все живое, постояннымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій. Для насъ особенно важно отмѣтить то обстоятельство, что трудъ, достигнувъ опредѣленной ступени своего качественного развитія, можетъ подвергаться измѣненіямъ двоякаго рода: или онъ можетъ еще далѣе улучшаться и тогда мы говоримъ о прогрессѣ труда, или, наоборотъ, онъ можетъ понижаться по отношенію къ достигнутой ранѣе ступени своего развитія, ухудшаться, или какъ говорятъ, „деградироваться“ (понижаться въ степени).

Это—общій законъ жизни, одинаково приложимый ко всякой сторонѣ нашего физическаго и духовнаго развитія: наша природа не знаетъ состоянія покоя, кромѣ окончательнаго покоя—небытія, смерти. Если же мы чувствуемъ, что остановились въ своемъ умственномъ или вообще въ духовномъ развитіи, то это уже вѣрный признакъ того, что мы идемъ назадъ, т. е. деградированъ, а съ этимъ само собой понижается разъ достигнутая степень качества нашего труда, будетъ ли то трудъ физическій или умственный—безразлично.

Зная это, мы, естественно, должны всемѣрно избѣгать всего того, что можетъ остановить или хотя бы только ослабить наше развитіе, т. е. наше стремленіе достичь все болѣе и болѣе высокой ступени качества нашего труда.

Но есть въ жизни человѣка моментъ, когда въ силу особенности, присущей самой человѣческой природѣ, мы не въ правѣ говорить о повышеніи качественной стороны труда,

да и о примѣненіи труда, вообще. Это—преклонный старческій возрастъ.

Какъ дѣтство является начальнымъ, подготовительнымъ моментомъ къ жизни и къ труду, такъ старчество является, вполнѣ естественно, моментомъ, завершающимъ собою наше земное существованіе. Старость—это моментъ спокойнаго, созерцательнаго самоуглубленія, по отношенію къ которому протекшая трудовая жизнь является необходимой предварительной ступеню, какъ образованіе и воспитаніе въ дѣтскомъ возрастѣ является предварительной ступеню къ интересующему сейчасъ насъ трудовому періоду въ жизни чело-вѣка.

И такъ, этотъ трудовой періодъ въ человѣческой жизни оказывается очень опредѣленно ограниченнымъ: онъ образуетъ собою тотъ остатокъ, который получится, если мы изъ всей продолжительности человѣческой жизни вычтемъ опредѣленное количество лѣтъ (отъ 14 до 20—25 лѣтъ), идущихъ на подготовку къ труду, и нѣкоторое количество лѣтъ, когда чело-вѣкъ долженъ быть свободенъ отъ какого-бы то ни было труда, связаннаго съ заботами о своемъ материальномъ благополучіи; когда вполнѣ обеспеченный всѣмъ необходимымъ въ жизни, онъ весь остатокъ своихъ силъ долженъ направлять на свою духовную природу, готовясь во всякую минуту оставить здѣшній бренный міръ для міровыхъ...

Опредѣленіе продолжительности сейчасъ указаннаго трудового періода представляетъ очень важную задачу для всякаго государственнаго дѣятеля, такъ какъ именно отъ продолжительности этого періода въ значительной степени зависитъ развитіе народнаго богатства, а съ нимъ и преуспѣяніе государства.

Въ связи съ этимъ передъ нами встаетъ чрезвычайно важный вопросъ о продолжительности труда, какъ вопросъ о рабочемъ времени. Продолжительность труда, или рабочее время имѣетъ для насъ два діаметрально-противоположныхъ значенія (еще одинъ случай вопіющаго противорѣчія, обусловленнаго современнымъ хозяйственнымъ строемъ). А именно: съ одной стороны,—хозяйственной—

мы знаемъ, что все, что мы имѣемъ вокругъ—результатъ человеческого труда; и если всего этого для насъ недостаточно,—а въ этомъ мы убѣждаемся на всякомъ шагу—то виною тому служить прежде всего недостаточная его затрата. Отсюда, казалось, слѣдовало бы стремиться къ возможно большому удлинению рабочаго времени. Но съ другой—культурной—стороны противъ этого рѣзко протестуетъ не только наша совѣсть, но и сознание и даже сознание выгоды, полезности, расчета. Въ самомъ дѣлѣ, всякому не трудно убѣдиться въ томъ, что болѣе обученный, болѣе подготовленный къ своей специальности трудъ во много разъ будетъ и болѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ недостаточно подготовленный. Т. е. трудъ квалифицированный не только съ т. зр. духовнаго развитія, но и съ т. зр. хозяйственной выгоды, имѣетъ преимущество передъ неквалифицированнымъ.

Но раньше нами было принято положеніе, что трудъ, достигшій разъ опредѣленной ступени своего качественного развитія, необходимо нуждается въ своемъ дальнѣйшемъ непрерывномъ совершенствованіи, а для этого необходимо время, свободное отъ непосредственнаго приложенія труда въ данномъ дѣлѣ, или какъ мы говоримъ, необходимо досугъ.

(Замѣчу въ скобкахъ, что какъ искусство не есть забава, такъ и досугъ не есть праздность: и искусство, и досугъ одинаково являются необходимѣйшими условіями не только личнаго совершенствованія, но и прогресса всего человѣчества).

А если все это такъ, то передъ нами, какъ будто, совершенно не разрѣшимая коллизія двухъ стремленій: чтобы создать высокую матеріальную культуру, безъ которой не можетъ быть и культуры духовной,—необходимо какъ можно больше труда и слѣдовательно рабочаго времени; но чтобы личность могла совершенствоваться свой квалифицированный трудъ ей необходимо возможно большій досугъ, т. е. возможно меньшая затрата труда и, слѣдовательно, меньше рабочаго времени.

Эту коллизію современная экономическая наука пыта-

ется разрѣшить установленіемъ ряда условій, при которыхъ за счетъ сокращенія продолжительности труда увеличилась бы его производительность.

Первымъ такимъ условіемъ является повышение степени напряженности труда. Трудъ человѣка—весьма эластиченъ и при наличности извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, особенный интересъ, желаніе, соревнованіе, сознаніе долга и т. д. можетъ достигать изумительнѣйшей напряженности, или, какъ говорятъ, „интенсивности“. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій изъ своего непосредственнаго житейскаго опыта; это подтверждаетъ и экономическая наука цѣлымъ рядомъ сюда относящихся данныхъ.

Но, разумѣется, одного повышения напряженности—недостаточно. Если всѣ прочія условія приложенія труда остаются прежними, то чрезмѣрная напряженность труда легко и неминуемо влечетъ за собой то, что можно бы было назвать „изнашиваемостью“ рабочихъ силъ, т. е., къ деградации труда, а въ концѣ концовъ и къ полной потери рабочимъ его силъ.

Поэтому высшая степень напряженности должна влечь за собою не только значительное сокращеніе продолжительности труда, но и соответствующее измѣненіе въ самой обстановки труда.

Сюда прежде всего относится наличность возможно лучшей оборудованности, т. е. необходимо, чтобы между работникомъ и тѣмъ предметомъ природы, на который онъ воздѣйствуетъ, становилось, какъ посредствующее звено въ производствѣ, искусственное орудіе, или машина, увеличивающія силу воздѣйствія труда на природу. Не трудно себѣ представить что чѣмъ лучше оборудованъ трудъ, чѣмъ лучше орудія (болѣе совершенны въ техническомъ отношеніи), чѣмъ лучше, вообще, внѣшняя обстановка, среди которой приходится квалифицированному рабочему прилагать свой трудъ,—тѣмъ лучшіе будутъ получаться результаты, т. е. тѣмъ производительнѣе становится трудъ. Блестящія примѣры этого даютъ намъ хорошо обо-

рудованные крупныя заводы на Западѣ и въ Сѣв. Ам. Соед. Штатахъ.

Сюда же слѣдуетъ отнести еще и третье существенное условіе, отъ котораго зависитъ бѣльшая степень и напряженности, и успѣшности труда. Это — наличность плана работъ, строгой, заранѣе хорошо обдуманной и цѣлесообразной планомѣрности въ распредѣленіи отдѣльных частей, ступеней, или стадій, изъ которыхъ послѣдовательно складывается единый и цѣльный процессъ производства.

Указанныя мною сейчасъ три основныхъ условія наибольшей производительности квалифицированнаго труда, т. е. напряженность, оборудованность и планомѣрность находятся между собой въ самой тѣсной, неразрывной связи, такъ что всякое измѣненіе въ одномъ изъ нихъ неминуемо должно влечь за собой соотвѣтствующія измѣненія и въ двухъ другихъ. Высшее развитіе всѣхъ этихъ условій, разумѣется, предполагаетъ очень высокую степень и промышленной техники, и общей культуры; степень, при которой особенно высоко цѣнится трудъ чело-вѣка и гдѣ потому принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы этотъ трудъ могъ достичь высшаго качества, т. е. былъ бы наивозможно болѣе производителенъ, но вмѣстѣ съ этимъ не подвергался бы риску ни деградироваться, ни изнашиваться. Вотъ, почему дѣйствительно высоко квалифицированный трудъ мы находимъ въ такихъ странахъ, какъ Сѣверная Америка, гдѣ такъ особенно высоко цѣнятъ хорошаго работника и гдѣ самый рабочій классъ является наиболѣе матеріально обеспеченнымъ и духовно развитымъ.

Какъ бы ни были, однако, благоприятны условія для созданія и приложенія квалифицированнаго труда, но даже въ самой культурной изъ странъ современнаго міра, мы не находимъ сколько-нибудь полнаго и надлежащаго рѣшенія изслѣдуемой нами экономической проблемы. Для такого рѣшенія ей недостаетъ третьяго момента, опредѣляющаго собою сущность квалифицированнаго труда. Я имѣю въ виду моментъ организаціи труда. На этомъ моментѣ намъ также надлежитъ нѣсколько остановить свое вниманіе.

IV.

Организація труда. Стихійность современнаго народнаго хозяйства. Соціализмъ, какъ выраженіе необходимости рациональной системы организованнаго труда.

Когда характеризуютъ современное состояніе народнаго хозяйства въ странахъ западно-европейской культуры, то, обыкновенно, подчеркиваютъ то обстоятельство, что современное хозяйство свободно отъ воздѣйствія какой бы то ни было стоящей надъ нимъ высшей государственной власти въ видѣ какого-либо общаго, центрального органа. Правда, настоящая война внесла и въ этомъ отношеніи большія измѣненія въ такой „свободной“ организаціи народно-хозяйственной жизни, подчинивъ ее требованіямъ цѣлесообразности по отношенію къ интересамъ всего населенія, какъ единаго государственно-національнаго цѣлага. И если даже допустить, что такое государственное „вмѣшательство“ въ свободную игру экономическихъ интересовъ останется въ той или иной формѣ и послѣ войны, тѣмъ не менѣе, надо думать, поскольку мы будемъ имѣть передъ собою современный „капиталистическій“ строй, всѣ главнѣйшія хозяйственныя отношенія по прежнему останутся совершенно свободны, какъ и раньше, напоминая собою дѣйствіе свободныхъ стихійныхъ силъ, какъ вѣтеръ, гроза, буря и т. д. Эта стихійность современнаго народнаго хозяйства находитъ себѣ особенно яркое выраженіе въ томъ, что всѣ хозяйственныя дѣйствія, т. е. дѣйствія, направленные къ достиженію матеріальныхъ благъ, покоются не на какихъ либо высшихъ соображеніяхъ о справедливости, человѣколюбіи, всеобщемъ благѣ, а напротивъ, на очень низменномъ по существу расчетѣ, выгодѣ и интересѣ. Отсюда, вполне понятно, что интересы этого рода приходятъ между собою въ столкновенія и чтобы лучше обезпечить свои матеріальныя выгоды, люди, имѣющія одинаковыя стремленія постепенно ближе сходятся другъ съ другомъ, образуютъ одинаковыя группы, союзы, общества, но не съ тѣмъ конечно, чтобы выступать на защиту слабыхъ, а какъ разъ наоборотъ, чтобы вступить въ борьбу и успѣш-

нѣе достигъ своихъ узко-эгоистическихъ, матеріальныхъ выгодъ.

На этой почвѣ современное общество постепенно все болѣе и болѣе раскалывается на двѣ части, или какъ говорятъ, на два „класса“: одинъ классъ, или одну часть современнаго общества, образуютъ представители голаго физическаго труда, который они не могутъ прилагать къ производству необходимыхъ для человѣка матеріальныхъ благъ, потому что не имѣютъ ни необходимаго въ производствѣ сырья, какъ на-примѣръ, желѣзо, хлопокъ, дерево, уголь и т. д., ни соотвѣтствующихъ инструментовъ, орудій и машинъ, безъ которыхъ при современныхъ условіяхъ промышленности рабочій оказывается безпомощнѣе ребенка. Этотъ классъ вслѣдствіе своей полной матеріальной необезпеченности носитъ древнеримское наименованіе „пролетаріата“.

Другой классъ образуютъ собой тѣ, кто является собственникомъ необходимаго для производства сырья, какъ желѣзо, хлопокъ, дерево, уголь и т. д. куда относится, конечно, и земля, какъ почва, такъ и нѣдра; или собственникомъ инструментовъ, орудій производства, машинъ и т. д., куда относятся и денежныя средства. Этотъ классъ собственниковъ орудій производства (въ широкомъ смыслѣ слова), носитъ наименованіе, заимствованное изъ французскаго языка — „буржуазіи“, что въ старину означало просто горожанъ.

Не останавливаясь на характеристикѣ этихъ двухъ современныхъ общественныхъ классовъ (чрезвычайно характерныя черты того и другого класса далъ Достоевскій въ своихъ этюдахъ о Лондонѣ и Парижѣ, въ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“), необходимо только отмѣтить, что весь современный хозяйственный строй насквозь проникнутъ борьбой какъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ и указанныхъ сейчасъ общественныхъ классовъ, — борьбой, какъ говорятъ труда съ капиталомъ.

Этой борьбой классовъ обуславливаются всѣ тѣ многочисленныя мѣропріятія, которыя выдвигаются какъ представителями труда, такъ и представителями капитала для укрѣпленія своихъ позицій. Эти мѣропріятія охватываются однимъ

общимъ понятіемъ „политики“, хотя имѣютъ въ виду не только одну политическую борьбу, т. е. борьбу за власть, за господствующее положеніе въ государствѣ, но и другія стороны современной социальнo-экономической жизни. Такъ, на примѣръ, сюда относятся тѣ мѣропріятія, которыя направляются противъ современнаго бича рабочихъ—безработицы. На этой почвѣ уже давно былъ выдвинутъ рабочимъ классомъ справедливый лозунгъ „право на трудъ“, которое само собою вытекаетъ изъ „права на жизнь“ всѣхъ родившихся и живущихъ на землѣ. Въ новѣйшее время выдвигается другой, пожалуй, еще болѣе широкой лозунгъ, согласно которому всякій не только имѣетъ право на трудъ, но онъ даже обязанъ трудиться, т. е. устанавливается obligation рода „трудоваго повинности“ по примѣру существующей вездѣ воинской повинности, но на болѣе широкомъ основаніи, такъ какъ къ трудовой повинности должны привлекаться оба пола и не на короткое время, какъ при воинской повинности, а на весь свой трудовой періодъ, о которомъ я говорилъ уже раньше.

Какъ въ лозунгъ „право на трудъ“, такъ и въ этомъ лозунгъ „трудоваго повинности“ нельзя не видѣть начала чисто идеалистическаго характера, такъ какъ эти лозунги выдвинуты не какими-либо корыстными частными групповыми или даже „классовыми“ интересами, а являются высшими руководящими принципами, знаменующими собою приближеніе къ опредѣленному социальнoму идеалу, который уже съ давнихъ поръ получилъ себѣ выраженіе въ ученіи о социализмѣ.

Разборъ этого ученія не входитъ въ задачу настоящаго бѣглаго очерка. Мнѣ важно было только указать на то, что рационально построенная система квалифицированнаго труда, т. е. рациональная подготовка къ профессиональному труду и рациональное приложеніе его въ хозяйственной жизни необходимо предполагаютъ соответствующую, рациональную же, организацію всего хозяйственнаго строя. И какъ бы различно кто ни понималъ „социализмъ“, всякому должно быть ясно одно: социализмъ противопоставляется современному строю, какъ можетъ быть противопоставлено организован-

ное народное хозяйство хозяйству стихийному, покоящемуся только на безответственной дѣятельности отдѣльных лицъ или частныхъ организацій; при чемъ и тѣми и другими руководить только расчетъ или выгода.

Что такое положеніе вещей само собою обусловливаетъ наличность самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, антагонизмъ и борьбу интересовъ—въ настоящее время всякому становится уже самоочевиднымъ. И не менѣе очевиднымъ становится и то положеніе, что въ дальнѣйшемъ такъ продолжаться не можетъ и не должно. И тутъ выступаетъ передъ нами основное значеніе ученія о социализмѣ, какъ о социальномъ идеалѣ.

Какъ уже указывалось мною въ другомъ мѣстѣ (см. первый очеркъ), идеаломъ, вообще, я называю конечную цѣль нашихъ духовныхъ стремленій: идеалъ правды, идеалъ красоты, идеалъ высшаго блага, вообще. Это—свѣточъ, который руководитъ нашими дѣйствіями. Смыслъ идеала не столько въ его достиженіи, или осуществленіи, сколько въ руководящемъ значеніи для нашихъ оцѣнокъ въ стремленіи къ его приближенію, какъ условія нашего духовнаго совершенствованія. По идеалу, который мы себѣ ставимъ опредѣляется степень духовно-культурнаго развитія какъ личности, такъ и цѣлыхъ народовъ. Отсюда идеалъ не есть что-нибудь разъ на всегда установленное: напротивъ, содержаніе идеала постоянно измѣняется, отражая на себѣ развитіе духовной стороны человѣчества.

Не задаваясь сейчасъ цѣлью освѣтить полностью вопросъ о социальномъ идеалѣ (см. трудъ проф. Новгородцева, „Объ общественномъ идеалѣ“), я бы хотѣлъ только отмѣтить здѣсь два отрицательныхъ признака относительно того, въ чемъ отражается сущность социализма, какъ системы организованнаго труда.

Во-первыхъ, это не есть подведеніе всѣхъ къ какому-нибудь одному общему для всѣхъ уровню съ полнымъ устраненіемъ личнаго чувства, пониманія и воли,—личныхъ духовныхъ цѣнностей, вообще: уравнительное начало тутъ можетъ выступать только въ смыслѣ обезпеченія необходимаго минимума потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ; того минимума, за которымъ раскры-

вается передъ нами скудость, задерживающая какъ личное совершенствованіе человѣка, такъ и общій прогрессъ человѣчества.

Во-вторыхъ, это не есть осуществленіе „земного рая“; вслѣдъ за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ противорѣчій, которыми такъ богатъ современный намъ общественный строй, и всякій новый социальный строй обнаружить, несомнѣнно, свои противорѣчія, выдвинуть свои неотложныя задачи новой общественной жизни. Но правда, эти противорѣчія и задачи, надо думать, будутъ уже не столь узко-матеріальнаго, какъ нынѣ, а болѣе высокаго духовнаго характера.

На ряду съ этими указаніями на то, что не есть социальный идеалъ, я бы хотѣлъ еще указать на то, что даетъ намъ социальный идеалъ, когда мы его себѣ ставимъ.

Социальный идеалъ прежде всего помогаетъ намъ поборотъ въ себѣ наши личныя побужденія и, очищая ихъ отъ всего случайнаго, преходящаго, узко-практическаго,—достигать самыхъ предѣловъ высшихъ научныхъ идей.

Эти идеи, въ свою очередь, должны помочь намъ очистить и прояснить наше сознаніе, чтобы мы не принимали внѣшней видимости за сущность вещей;—углублять наши чувства, чтобы мы умѣли любить и цѣнить высшую правду, какая только доступна человѣку;—укрѣплять нашу волю, чтобы мы были въ жизни не жалкими ея рабами, но, ставъ надъ нею, были ея властелинами!

О земельной реформѣ.

I.

Постановка вопроса. Хозяйственное значеніе земли. Свойства земли. Капиталистическій характеръ недвижимости, обусловленный правомъ частной собственности на землю.

Тема настоящаго очерка—„земельный вопросъ“. Но можетъ возникнуть сомнѣніе, существуетъ ли у насъ сейчасъ такой „вопросъ“? не разрѣшенъ ли онъ уже закономъ и не достаточно ли просто ознакомиться съ содержаніемъ этого послѣдняго? Полагаю, что мнѣ нѣтъ особой необходимости стараться разсѣять такое сомнѣніе.

Достаточно только указать на то, что законъ для экономиста остается мертвой буквой до тѣхъ поръ, пока онъ не одухотворится въ сознаниіи и не получить прочнаго признанія себѣ со стороны всѣхъ тѣхъ, кого онъ затрагиваетъ и къ кому онъ относится. На ряду съ этимъ въ области хозяйственныхъ явленій и отношеній существуютъ свои особые „экономическіе“ законы, которымъ эти явленія и отношенія подчиняются въ большей степени, чѣмъ юридическимъ законамъ, какъ формально-правовымъ постановленіямъ. Въ этомъ мы особенно наглядно убѣждаемся, на примѣръ, по отношенію къ такимъ явленіямъ, какъ деньги и весь связанный съ ними современный процессъ, такъ называемаго, „денежнаго обращенія“.

Но въ значительной степени это относится и къ настоящей темѣ, какъ это болѣе полно выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія. Сейчасъ, отмѣчая лишь общій характеръ или постановку выдвигаемаго мною вопроса, я выставляю слѣдующее утвержденіе: земельный вопросъ не только не рѣшенъ, но онъ и не можетъ быть разрѣшенъ когда-нибудь совершенно исчерпывающимъ образомъ, поэтому мы можемъ говорить только о томъ, какъ могутъ рѣшаться во-

просы о земельных отношеніяхъ и о земельной производительности въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ, тоже чрезвычайно важныхъ и общихъ вопросовъ, какъ напримеръ, въ данный моментъ—въ зависимости отъ условій приложенія къ землѣ сельско-хозяйственнаго труда „высшаго качества“, или какъ мы называли его въ предшествовавшемъ очеркѣ, труда „квалифицированнаго“.

Въ этомъ—для насъ, современниковъ переживаемыхъ событій, сугубый научный интересъ къ нашему русскому земельному вопросу и въ этомъ—его чрезвычайно практическое значеніе.

Опредѣляя ближе задачу моего настоящаго изслѣдованія, я позволю себѣ уже съ самаго начало установить двѣ стороны современнаго земельного вопроса въ Россіи: во-первыхъ, въ немъ мы находимъ опредѣленное стремленіе къ наиболее рациональному использованию силъ природы въ цѣляхъ обезпеченія, какъ населенія необходимыми для него предметами продовольствія, такъ и промышленности—нужнымъ для производства сырьемъ. Во вторыхъ, наше пониманіе земельного вопроса включаетъ въ себѣ мысль о необходимости возможно болѣе широкаго хозяйственно-культурнаго подъема сельскаго населенія, занятаго земледѣльческимъ трудомъ.

Чтобы освѣтить эти двѣ стороны современнаго земельного вопроса, я считаю нужнымъ предварительно указать на то общее значеніе, какое имѣетъ земля въ хозяйственной жизни народа.

Всякому, разумѣется, извѣстно, что земля, какъ часть поверхности нашей планеты представляется величиной вполне опредѣленной и служить однимъ изъ необходимѣйшихъ условій жизни человѣка, вообще. Но наряду съ этимъ земля имѣетъ и особое чисто хозяйственное значеніе.

Такъ, прежде всего земля служитъ основнымъ источникомъ средствъ пропитанія. Для обезпеченія себя ими человѣкъ уже съ давнихъ поръ обращается къ распахкѣ земли. Если еще недавно, не только въ другихъ частяхъ свѣта, но даже въ Европѣ и въ частности у насъ въ Россіи обширныя пространства земли оставались безъ обработки,

представляя безграничный степной просторъ, такъ вдохновлявшій Гоголя и другихъ нашихъ великихъ художниковъ, то теперь спускаясь по желѣзной дорогѣ въ сѣвера на югъ вы напрасно съ жадностью всматриваетесь черезъ окно вагона въ эту непредѣльную равнину черноземной полосы: уже давно исчезли съ нея послѣдніе остатки зеленой ковыльной степи и только черная пахота, желтая нива или бурые остатки уже снятано хлѣба безнадежно проносятся мимо, вызывая васъ на размышленія. И это не только у насъ въ Россіи. И южно-американскія, и австралійскія дѣвственные почвы уже подверглись распашкѣ и можно сказать все, что можно было на Земномъ Шарѣ распашать уже распашено. И самый этотъ фактъ распашки послѣднихъ дѣвственныхъ земель послужилъ основаніемъ для возникновенія во второй половинѣ XIX вѣка во всѣхъ культурныхъ странахъ одного общаго „земельнаго вопроса“, или земельнаго „кризиса“.

На ряду съ указаннымъ сейчасъ хозяйственнымъ значеніемъ земли, какъ основного источника средствъ пропитанія, земля или вѣрнѣе нѣдра земли служатъ для человѣка источникомъ столь важныхъ въ хозяйственной жизни ископаемыхъ богатствъ. Трудно себѣ представить, что бы дѣлалъ человѣкъ, если бы не научился добывать изъ нѣдръ земли желѣзо, уголь, мѣдь, серебро, золото и другіе металлы и минералы, безъ которыхъ совершенно не мыслимо себѣ представить современную культуру. Значеніе земли, какъ источника полезныхъ ископаемыхъ создаетъ повсюду особое право на пользованіе нѣдрами, которое по отношенію къ общему земельному вопросу должно занимать особое мѣсто; также какъ, на примѣръ, право пользованія лѣсами или какъ право на усадебную недвижимость; эта послѣдняя, между прочимъ, опредѣляетъ собою еще третье хозяйственное значеніе земли, являющейся для человѣка мѣстожителемъ.

Относящаяся сюда категорія земель чрезвычайно тѣсно связывается съ личностью владѣльца земли и по скольку она служитъ дѣлу удовлетворенія неизбѣжныхъ потребностей современнаго человѣка въ осѣдлости, она рѣзко должна

отличаться отъ такой недвижимости, которая можетъ служить средствомъ обогащенія (городская недвижимость, на-примѣръ).

Изъ всѣхъ сейчасъ установленныхъ хозяйственныхъ особенностей земли для насъ въ дальнѣйшемъ самой важной является первая особенность земли—служить источникомъ средствъ пропитанія и сырья. Эта особенность тѣсно связана съ особыми свойствами земли: ея ограниченностью, неперемѣщаемостью и неисчерпаемостью ея производительныхъ силъ.

Первые два свойства являются самоочевидными и никакихъ сомнѣній они вызывать не могутъ.

Иной характеръ имѣетъ третье свойство земли, такъ какъ вопросъ о неисчерпаемости производительныхъ силъ земли оспаривается нѣкоторыми экономистами съ точки зрѣнія строгой соотвѣтственности дохода, получаемого съ даннаго участка земли по отношенію къ послѣдовательнымъ затратамъ на ея обработку, затратамъ труда и капитала. Но если не говорить о такомъ строгомъ соотвѣтствіи прибыли съ расходомъ, то само по себѣ установленное мною положеніе не можетъ вызвать никакихъ сомнѣній.

Въ силу сейчасъ установленныхъ особенностей и свойствъ земли, она не только въ хозяйственной жизни народовъ, но и въ самомъ народномъ самосознаніи представляется вещью совершенно особаго рода.

Уже съ давнихъ поръ въ крестьянскомъ самосознаніи (и не только у насъ въ Россіи) мы встрѣчаемъ вѣрованіе, убѣжденіе, а затѣмъ и прямое требованіе, неразрывно связанное со всѣмъ его крестьянско-трудовымъ міровозрѣніемъ, что „земля—ничья“, „земля Божія“ и что отсюда не должно быть частной собственности на землю, что „право на землю“ имѣетъ лишь тотъ, кто имѣетъ „право на трудъ“, какъ необходимое для него условіе его „права на существованіе“.

Этотъ не только вполне справедливый, но и высоко идеалистическій моментъ въ земельномъ вопросѣ грубо нарушается въ современномъ хозяйственномъ строѣ вслѣдствіе сближенія земли съ капиталомъ, т. е. съ тѣмъ, что служить средствомъ обогащенія за счетъ чужого труда.

Да и въ самомъ дѣлѣ, земля при современныхъ условіяхъ неограниченной частной собственности служить прежде всего предметомъ обычной купли и продажи, превращаясь такимъ образомъ въ рыночный товаръ. Можно себѣ представить, какъ легко на такой почвѣ находить себѣ мѣсто самая беззаастѣнчивая спекуляція землею путемъ ея скупки у обѣднѣвшаго сельскаго населенія. Кто не слыхалъ о явленіи, называемомъ у насъ „кулачествомъ“?!

Затѣмъ капиталистическій характеръ земли, такъ грубо нарушающій установленное выше идеалистическое начало, проявляется еще въ существующемъ по закону правѣ отдачи земли въ аренду. И тутъ, опираясь исключительно на право собственности или владѣнія, всякій собственникъ или владѣлецъ земли безъ всякой затраты своего труда можетъ получать, такъ называемый, „не трудовой доходъ“, или „ренту“ за счетъ чужого труда, за счетъ чужихъ силъ, пота и крови.

Наконецъ, есть еще и третій способъ капиталистическаго использованія земли,—это непосредственное привлеченіе наемнаго труда и прямое извлеченіе выгодъ изъ чужой рабочей силы, какъ то мы находимъ во всякомъ капиталистическомъ предпріятіи; предприниматель-капиталистъ владѣеть по праву собственности всѣмъ тѣмъ, что необходимо для производства, а рабочій, располагая только однимъ своимъ трудомъ, вынуждается наниматься къ предпринимателю; изъ приложенія своего труда въ производствѣ рабочій долженъ не только добыть себѣ необходимыя средства пропитанія, но и дать нанявшему его капиталисту прибыль, „нетрудовой доходъ“, получаемый этимъ капиталистомъ только въ силу права собственности на орудія производства. Не касаясь болѣе подробно этой стороны вопроса, отмѣчу здѣсь только, что частная собственность на землю, порождающая всѣ мною перечисленные „капиталистическіе“ способы использованія черезъ ея посредство чужого труда, уже давно повсюду вызываетъ къ себѣ самое рѣзкое отрицательное отношеніе. Въ цѣляхъ уничтоженія этихъ капиталистическихъ элементовъ, кроющихся въ правѣ собственности на землю, въ настоящее время все болѣе настоятельно требуютъ, чтобы это самое право собственности перешло или народу, тогда мы

будемъ имѣть „націонализацію“ земли, или всему обществу и тогда говорить о „соціализаціи“ земли. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы изъять землю изъ свободнаго товарнаго обращенія, и передать пользованіе ею исключительно одному трудовому населенію, дабы она не могла служить источникомъ незаслуженнаго, нетрудового дохода за счетъ чужой рабочей силы.

И, разумѣется, такое требованіе нельзя не признать справедливымъ, хотя однимъ имъ еще далеко не разрѣшается современный земельный вопросъ. Для этого необходимо предварительно освѣтить еще и нѣкоторыя другія его стороны и прежде всего попытаться отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что у насъ называется крестьянскимъ малоземельемъ.

II.

Что такое малоземелье и какъ оно у насъ создалось?

Выраженіе „малоземелье“ у насъ часто употребляется безъ того, чтобы отнестись къ нему болѣе вдумчиво. Въ самомъ дѣлѣ, что вы можете себѣ представить, когда вамъ говорятъ о томъ, что земли „мало“? Прежде всего „много“ или „мало“—вещь совершенно относительная: нашъ крестьянинъ, владѣющій 2—3 десятинами, относится къ малоземельнымъ, и слѣдовательно къ бѣднымъ хозяйствамъ, а для крестьянина Южной Франціи то же пространство земли, обрабатываемое имъ подъ дорогіе сорта винограда, можетъ представиться какъ цѣлое состояніе.

Такимъ образомъ, раньше чѣмъ говорить о русскомъ крестьянскомъ малоземельѣ необходимо намъ выяснитъ себѣ самый смыслъ выраженія „малоземелья“, вообще.

Это выраженіе мы можемъ употреблять въ трехъ различныхъ смыслахъ.

Во первыхъ, мы можемъ говорить о недостаточности земли въ соотвѣтствіи съ наличностью въ данномъ хозяйствѣ свободныхъ трудовыхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, при условіи, что трудъ, или рабочая сила представляется главнѣйшимъ, а часто даже единственнымъ источникомъ средствъ суще-

ствования крестьянина, невозможность приложения этой силы въ полной мѣрѣ къ землѣ должно по справедливости вызывать съ его стороны жалобу въ малоземельѣ.

Во вторыхъ, рядомъ съ этимъ трудовымъ основаніемъ малоземелья мы встрѣчаемъ и другое основаніе, когда сопоставляемъ данное пространство земли съ тѣмъ, что оно можетъ дать въ смыслѣ обезпеченія данной крестьянской семьи предметами пропитанія, или предметами потребленія, вообще. Семья можетъ имѣть и мало работниковъ, но много ртовъ, а источникъ—одинъ, земля. Конечно и при такихъ условіяхъ жалоба на недостаточность земли—справедлива.

Однако, если вдуматься глубже, то ни сейчасъ указанное, такъ сказать, „потребительное“ начало, ни раньше мною установленное начало „трудовое“ еще не исчерпываютъ сами по себѣ общаго содержанія идеи о малоземельѣ.

И то, и другое начало имѣютъ въ виду прежде всего интересы отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ малообезпеченныхъ дворовъ или хозяйствъ. Но явленія экономическія не должны ограничиваться только одними частными интересами; по скольку такія явленія составляютъ предметъ изслѣдованія экономической науки, они должны отражать на себѣ главнымъ образомъ интересы общественные или государственные, т. е. интересы, относящіеся равнымъ образомъ ко всему населенію, образуемому даннымъ государственнымъ союзомъ.

Если при установленіи общаго смысла „малоземелья“ исходить изъ соображеній общегосударственнаго характера, то мы будемъ имѣть еще одинъ третій смыслъ малоземелья. Это въ томъ случаѣ, когда данное пространство земли мы будемъ сопоставлять со всѣмъ тѣмъ, что необходимо для наилучшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго использования силъ природы въ соотвѣтствіи съ современными рациональными требованіями народнаго хозяйства, какъ одного цѣлага.

Съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица данный участокъ земли можетъ вполне соотвѣтствовать и имѣющимся у этого лица рабочимъ силамъ, и даже удовлетворенію его насущныхъ потребностей,—и тѣмъ не менѣе мы въ правѣ говорить о недостаточности земли, или о малоземельѣ. И прежде

всего тогда, когда въ результатѣ хозяйственнаго опыта и авторитетныхъ указаній науки мы заранѣе можемъ предвидѣть, что данное пространство земли не допускаетъ рациональнаго использованія ни человѣческой рабочей силы, ни производительной силы природы, а является лишь способомъ хищническаго отношенія человѣка къ землѣ, въ концѣ концовъ неизбѣжно ведущаго къ оскуднѣнію и объдненію не только даннаго лица, но и всего даннаго народа. Съ широкой государственной точки зрѣнія это не должно быть допустимо, такъ что и въ этомъ случаѣ мы говоримъ о бѣдственномъ явленіи „малоземелья“ съ т. зр. „рациональной“, или хозяйственной.

Отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ фактамъ и спросимъ, дѣйствительно ли существуетъ у насъ крестьянское малоземелье?

Вотъ, что говорятъ на это факты:

За періодъ 1877—1905 г. число крестьянскихъ дворовъ увеличилось съ $8\frac{1}{2}$ до 12 милл., или на 40%, а площадь крестьянской надѣльной земли за тотъ же періодъ лѣтъ возросла съ 127 милл. дес. до 138 милл., т. е. всего только на 9%.

Такимъ образомъ, уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій мы должны признать, что число хозяйствъ возросло болѣе чѣмъ въ 4 раза по сравненію съ поземельной площадью. Отсюда самый фактъ малоземелья выражается въ слѣдующихъ числахъ: если взять все пространство земли Европейской Россіи и раздѣлить на число дворовъ, то количество десятинъ на 1 дворъ въ среднемъ сократилось съ 15 до 11 десятинъ, т. е. болѣе чѣмъ на 26%; а если раздѣлить это же пространство земли на число душъ, то въ среднемъ на 1 душу населенія площадь земли сократилась еще значительнѣе, а именно съ 4,8 дес. до 2,1 дес., т. е. болѣе чѣмъ вдвое.

Чѣмъ вызвано было такое сокращеніе земельной обеспеченности нашего крестьянства, или что является причиной нашего малоземелья, теперь для насъ представляется до нѣкоторой степени уже пережитымъ, чисто историческимъ вопросомъ. Достататочно сказать, что корни этого явленія

были заложены уже въ самомъ Положеніи 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землею.

Уже самымъ этимъ положеніемъ допускались всякаго рода урѣзки устанавливаемыхъ по закону „нормъ“ высшихъ и низшихъ надѣловъ въ связи съ сохраненіемъ опредѣленныхъ размѣровъ помѣщичьихъ владѣній не менѣе $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ всего владѣнія. Къ этому надо прибавить еще и то обстоятельство, что земля предоставлялась освобожденныхъ крестьянамъ за деньги („выкупъ“) и что первыя десятины оцѣнивались выше. Въ связи съ этимъ народъ еще какъ то и не вѣрилъ въ возмездность надѣляемой земли, а смотрѣлъ на „выкупъ“ лишь, какъ на временную мѣру и потому отказывался „выкупать“ землю, считая ее и безъ того своей собственностью. На встрѣчу этому шелъ отчасти и самый законъ, допуская надѣлять крестьянъ безъ выкупа, но лишь въ очень ограниченномъ размѣрѣ; а именно въ $\frac{1}{4}$ высшаго или указаго надѣла. Помѣщикамъ это было выгодно; и вслѣдствіе уже этого одного создалась значительная категория такихъ семей „дарственниковъ“, которыя получили хотя и бесплатно, но, какъ тогда говорили, „нищенскій“ или „сиротскій“ надѣлъ.

Такимъ образомъ правильно утвержденіе проф. А. Мануилова, что „малоземелье существовало уже тотчасъ послѣ введенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля“. И отсюда само собою слѣдуетъ, что современный земельный вопросъ—лишь завершеніе реформы 1861 года.

III.

Норма надѣленія—потребительная, трудовая и рационально-хозяйственная. Формула „возмездное отчужденіе—безмездное надѣленіе“. Земельный фондъ.

Если недостаточность земли, или наличность „малоземелья“, признать, какъ самъ по себѣ безспорный фактъ, то спрашивается, сколько же земли нужно для того, чтобы устранить это бѣдствіе малоземелья? и какимъ способомъ обезпечить землю сельское трудовое населеніе?

Вотъ, вопросы, которыми мы должны заняться сейчасъ.

Первый изъ этихъ вопросовъ образуетъ то, что можно назвать „нормой“ надѣленія, въ смыслѣ нормального, достаточнаго количества земли.

Соответственно тѣмъ тремъ основаніямъ, на которыя я указывалъ при выясненіи смысла малоземелья, можно и въ данномъ случаѣ говорить о нормѣ надѣленія въ тройкомъ смыслѣ, а именно, о нормѣ „трудовой“, „потребительной“ и „раціональной“ или „хозяйственной“. Изъ сказаннаго мною раньше смыслъ каждаго изъ этихъ выражений самъ собою долженъ быть ясенъ и мнѣ оставалось бы сейчасъ только отвѣтить на то, какъ практически эти нормы могли бы быть установлены. Но это—вопросъ чрезвычайно сложныхъ подсчетовъ, относительно которыхъ даже еще и самый матеріалъ не собранъ. Все, что мы можемъ сейчасъ по этому поводу себѣ усвоить, такъ это то, что всякая изъ установленныхъ мною нормъ весьма относительна и условна, а потому по самому своему существу допускаетъ лишь временное опредѣленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ опредѣлить разъ на всегда и по отношенію ко всему населенію, на примѣръ, „трудовую“ норму, когда уже изъ непосредственнаго опыта мы знаемъ, какъ сильно разнится между собою человѣческой трудъ въ зависимости отъ той или иной степени подготовки къ нему, его оборудованности и его связи съ общей организаціей народнаго труда.

Не менѣе спорнымъ долженъ представляться и какой бы то ни былъ изъ обычно предлагаемыхъ способовъ опредѣленія нормы „потребительной“. Изслѣдованіе крестьянскихъ и рабочихъ приходо-расходныхъ записей, такъ называемыхъ „бюджетовъ“ съ очевидностью показало, какъ сильно мѣняются потребности лицъ въ зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ, что въ свою очередь зависитъ отъ множества причинъ и между прочимъ отъ постоянно мѣняющейся степени производительности народнаго труда. Да и самое выраженіе потребностей въ деньгахъ весьма не устойчиво.

Безъ особыхъ изслѣдованій для всякаго въ настоящее

время самоочевидно то рѣзкое измѣненіе цѣнности денегъ, которое произошло за время войны.

Наконецъ, и третье выраженіе нормы— „раціональной“, или „хозяйственной“ представляет не меньшія затрудненія для строго-научнаго своего опредѣленія. И для этого надо располагать обширнымъ матеріаломъ и заранее оговориться въ условности и относительности этой нормы, для каждой отдѣльной мѣстности, представляющей по существу весьма различной.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, считаясь съ крайней недостаточной изученностью всѣхъ особенностей и условій крестьянскаго хозяйства въ различныхъ районахъ нашего обширнаго отечества, никакому законодательному органу не представится возможнымъ немедленно и разъ на всегда установить въ самомъ законѣ норму надѣленія, безразлично, будетъ ли то норма потребительная, трудовая или хозяйственная. Отсюда на долю Учредительнаго Собранія придется установить лишь одно изъ трехъ указанныхъ выше оснований (принциповъ), уже предоставивъ мѣстнымъ учреждениямъ путемъ тщательнаго изслѣдованія всѣхъ мѣстныхъ условій хозяйственной жизни, опредѣлить надлежащіе размѣры надѣленія земель по отношенію ко всякой крестьянской семьѣ отдѣльно.

Если такъ рѣшается вопросъ о нормахъ надѣленія земель трудового крестьянства, то спрашивается какимъ способомъ и на какихъ условіяхъ должно произойти это самое надѣленіе земель, или распределеніе земли?

Раньше, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ мы должны отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что подлежитъ раздѣлу, помятуя нашу поговорку, что „раздѣлить не хитро, лишь было бы что“. Другими словами, постараемся уяснить себѣ, какъ велико наше земельное достояніе, или какъ говорятъ, нашъ земельный „фондъ“ и какимъ путемъ этотъ земельный фондъ можетъ образоваться?

Точныхъ подсчетовъ пространства земли, могущей имѣть сельско-хозяйственное значеніе, у насъ еще не имѣется. По отношенію къ одной Европейской Россіи приблизительно опредѣляютъ это пространство земли въ 400 милл.

дес. Въ круглыхъ числахъ этотъ поземельный фондъ распре-
дѣлялся по признаку владѣнія слѣдующимъ образомъ:

1. во владѣніи государства, церкви и др. учреждений 150 м. д.
2. „ „ частныхъ лицъ (помѣщиковъ) . . . 90 „ „
3. „ „ крестьянъ 160 „ „

Считаясь съ такимъ положеніемъ вещей, попытаемся
опредѣлить тѣ способы, при помощи которыхъ можетъ обра-
зоваться одинъ общій народно-государственный фондъ въ
цѣляхъ распределенія его между трудовымъ крестьянствомъ.
Оговорюсь что спорнымъ представляется лишь одна кате-
горія земель, а именно земель, принадлежащихъ частнымъ
лицамъ: относительно этихъ земель подымается вопросъ,
надо ли отчуждать ихъ съ вознагражденіемъ ихъ владѣль-
цевъ или безвозмездно.

Исходя изъ основныхъ требованій всякой крупной ре-
формы: послѣдовательности и справедливости, я бы позво-
лилъ себѣ установить слѣдующую общую формулу, одина-
ково касающуюся и способа отчужденія земли, и условія
надѣленія ею. Эта формула такова: отчужденіе частно-вла-
дѣльческихъ земель должно быть произведено за уплату
собственникамъ земли ея соотвѣтствующей цѣнности, а надѣ-
леніе крестьянъ землею должно быть произведено бесплатно;
или короче: „возмездное отчужденіе и безвоз-
мездное надѣленіе“.

Остановимся сейчасъ здѣсь только на первой половинѣ
этой формулы, имѣя въ виду, что она опредѣляетъ собою
прежде всего самый способъ образованія общегосударствен-
наго земельного фонда. Возмездность отчужденія, о которой
сейчасъ идетъ рѣчь, касается только одной изъ многихъ
категорій настоящихъ владѣльцевъ земли, земли частныхъ
владѣльцевъ, изъ которыхъ около $\frac{1}{3}$ состоитъ на правахъ
частной собственности у лицъ, числившихся до послѣдняго
времени въ крестьянскомъ сословіи. Всего земли этой кате-
горіи насчитывается около 100 милл. дес., изъ которыхъ зна-
чительнѣйшая часть находится въ залогѣ у частныхъ лицъ
или въ кредитныхъ, правительственныхъ, общественныхъ и
акціонерныхъ учрежденіяхъ. Уже этого одного факта доста-
точно для того, чтобы легко убѣдиться въ томъ, что „экспро-

пріація“ нѣкоторой части частной собственности (въ данномъ случаѣ части недвижимости) не только грѣшила бы противъ послѣдовательности въ государственной планомѣрной и рациональной политикѣ, но и нанесла бы непоправимый ущербъ всему нашему народному хозяйству, лишивъ его реальной базы для кредита, а черезъ то разрушивъ и самое основаніе современной крупной промышленности. Въдь при залогѣ земель банки выпускали особыя обязательства (облигаціи), которыя, давая доходъ ихъ держателямъ, пріобрѣтались не одними землевладѣльцами; какъ всѣ прочія обязательства или бумажныя цѣнности, этого рода облигаціи поступали, какъ говорятъ, на рынокъ, т. е. являлись средствами для сбереженій, изъ которыхъ въ свою очередь промышленность могла черпать въ формѣ ссуды необходимыя ей средства (для уплаты рабочимъ, покупки сырья и т. д.). Если къ тому же вспомнить, что часть облигацій поземельныхъ банковъ находится въ рукахъ иностранцевъ—притомъ преимущественно у нашихъ союзниковъ (французовъ), то, кромѣ указанного ущерба для кредита и промышленности, мы бы встрѣтили справедливый протестъ и со стороны дружественныхъ намъ народовъ.

Съ другой стороны, если государство приняло бы на себя только одну оплату поземельныхъ долговъ, оно поступило бы односторонне и непослѣдовательно, оставивъ остальную часть поземельной собственности неоплаченной, какъ бы выдавая этимъ вознагражденіе за безхозяйственность лицъ, отдавшихъ свои земли въ залогъ.

Не останавливаясь на другихъ аргументахъ, которыхъ можно было бы привести цѣлое множество въ защиту возмезднаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель, я бы считалъ уже мною указанного вполне достаточнымъ для признанія основнымъ началомъ предстоящей реформы слѣдующее сужденіе представителя всероссійской соц.-демократической рабочей партіи Петра Маслова:

„Богатые люди должны распредѣлить между собою тѣ платежи, которые слѣдуютъ за помѣщичьи земли; или государство должно взять единовременный налогъ (это очень трудно) со всѣхъ капиталистовъ въ уплату за землю, или

наложить на нихъ налогъ, разсроченный на нѣсколько лѣтъ. Тогда переходъ земли въ общественную собственность уже не вызоветъ нареканій, что онъ сдѣланъ несправедливо“.

Говоря о безвозмездной передачѣ пользованія землей трудовому крестьянству, я имѣю въ виду, что вся земля станетъ общественнымъ или народно-государственнымъ достояніемъ и что въ силу этого вся земля не только будетъ изъята изъ торговаго обращенія, но и не будетъ служить и никакимъ другимъ средствомъ капиталистическаго, т. е. нетрудового обогащенія. Другими словами, передавая всю полноту власти надъ землей государству, народу или обществу, мы тѣмъ самымъ уже навсегда отказываемся не только отъ права торговать землею, но и отъ использованія ея за счетъ чужого труда—путемъ аренды или найма рабочихъ. Только при этихъ условіяхъ можно признать справедливымъ безвозмездное надѣленіе землей истинно-трудового крестьянства.

Основаніемъ, почему трудовое крестьянство должно быть надѣлено землею бесплатно, прежде всего служитъ то общее сужденіе, что земля, какъ всякое средство приложенія труда, должна принадлежать самимъ производителямъ. Кромѣ того, со времени реформы 19 февраля 1861 г. было допущено такъ много несправедливости относительно выкупныхъ платежей, что настоящая земельная реформа, являясь естественнымъ завершеніемъ акта освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, должна обезпечить ихъ отъ всякой экономической зависимости, въ томъ числѣ и по отношенію къ владѣнію землей: при возмездности надѣленія мало-имущіе слои трудового крестьянства вновь будутъ принесены въ жертву болѣе состоятельнымъ слоямъ.

Я оставляю здѣсь въ сторонѣ часто возникающій вопросъ о томъ, будетъ ли трудовое крестьянство облагаться налогомъ, и не будетъ ли такой поземельный налогъ одной изъ скрытыхъ формъ „выкупа“? На этотъ послѣдній вопросъ надлежитъ отвѣтить категорическимъ „нѣтъ“; уже въ силу того обстоятельства, что всякій налогъ распространяется на все населеніе, а выкупъ касается только одной его части. Затѣмъ, вопросъ объ обложеніи представляетъ собой вопросъ совер-

шенно самостоятельный и ни въ какой непосредственной связи съ вопросомъ о надѣленіи землею имѣть не долженъ. Надо думать, что съ реформой земельной будетъ одновременно произведена и реформа финансовая, т. е. будетъ кореннымъ образомъ перестроена нынѣ существующая система обложенія; и не трудно себѣ представить, что это переустройство прежде всего будетъ направлено на то, чтобы обложеніе налогами покоилось на началѣ имущественной состоятельности, т. е. чтобы къ обложенію привлекались въ наибольшей степени наиболѣе состоятельные, а малоимущіе облагались бы незначительно или даже пользовались бы правомъ свободы отъ обложенія, какъ то, на примѣръ, устанавливается при подоходномъ налогѣ, когда доходы, покрывающіе лишь „прожиточный минимумъ“ обложенію не подвергаются.

Но повторяю, это вопросъ особый и къ земельной реформѣ, какъ таковой, отношенія непосредственно не имѣеть.

IV.

Земельная политика стараго режима: законъ 14 іюня 1910 г. (указъ 19 ноября 1906 г.), условія его вызвавшія и его оцѣнка.

Мы познакомились со многими сторонами современнаго земельного вопроса, какъ онъ выдвигается у насъ въ настоящее время: за основаніе его мы приняли фактъ малоземелья; относительно нормы надѣленія опредѣлили основныя начала— трудовое, потребительное и рационально-хозяйственное; установили самый размѣръ фонда и способъ его образованія по отношенію къ частно-владѣльческимъ землямъ; наконецъ, признали тѣ условія, при которыхъ должно произойти и самое надѣленіе землей трудового сельскаго населенія.

Но всѣмъ этимъ еще далеко не разрѣшается нашъ современный земельный вопросъ. Это только часть изслѣдуемой нами болѣе широкой проблемы; часть, опредѣляющая собою расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, какъ необходимая мѣра для уничтоженія безспорнаго факта малоземелья. Но естественно возникаетъ вопросъ, что же дальше?

достаточно ли только одного такого расширенія владѣнія, чтобы признать земельный вопросъ разрѣшеннымъ? Конечно, нѣтъ, недостаточно. Однимъ владѣніемъ, какъ бы оно ни было велико, мы не можемъ ограничиться при предстоящей великой земельной реформѣ. Создавая совершенно новыя земельныя отношенія, эта реформа должна дѣйствительно обезпечить возможно болѣе общій подъемъ какъ производительныхъ силъ народа, такъ и его культурно-хозяйственного развитія. Для этого земельная реформа нуждается въ установленіи еще цѣлаго ряда очень существенныхъ мѣропріятій въ области, прежде всего, самого землеустройства, а затѣмъ и въ соприкасающейся съ ней области народного труда.

Не останавливаясь на тѣхъ довольно многочисленныхъ попыткахъ, которыми характеризуется, такъ называемая, „землеустроительная политика“ стараго режима, отмѣчу только наиболѣе существенное изъ того, что еще предстоитъ сдѣлать не одному нашему поколѣнію, но цѣлому ряду грядущихъ поколѣній!

Какъ бы ни была неустойчива, колебательна и не состоятельна земельная политика стараго режима, тѣмъ не менѣе и ею уже было отмѣченъ рядъ положеній, съ которыми придется и уже даже приходится считаться при предстоящей земельной реформѣ. Такъ, на примѣръ, нельзя закрывать глаза на тѣ обстоятельства, чисто фактическаго характера, которыя вынудили и старое правительство обратить вниманіе на плачевное состояніе у насъ сельскаго хозяйства, обусловленное въ значительной степени съ одной стороны, земельвѣдѣніемъ, съ другой—низкимъ культурнымъ уровнемъ деревни.

Относительно формъ владѣнія землей уже тогда бросались въ глаза такія пагубныя явленія, какъ на примѣръ, „черезполосица“ и „мелкополосье“. По указанію специалистовъ, „часто можно было найти, что при общемъ количествѣ земли десятины 12 на дворъ, земля эта была разбита на 30—40 и даже 60 полосъ“. Какъ это пагубно должно было отзываться на затратѣ труда видно хотя бы

изъ того факта, что „на обработку клсчка въ $\frac{1}{2}$ десятины требовалось иной разъ странствованія цѣлаго дня!“.

Къ этому явленію прибавляется и другое, не менѣе печальное и пагубное для сельскаго хозяйства; я имѣю въ виду фактъ отдаленности угодій отъ мѣстожительства и отдаленность полей одного отъ другого. Если только себѣ представить такія работы, какъ вывозка навозу или доставка корнеплодовъ (свеклы, картофеля), то станетъ само собою очевиднымъ вся ненормальность такой формы владѣній.

Наконецъ, сюда слѣдуетъ отнести крайнюю неопредѣленность границъ владѣній какъ между самими крестьянскими землями, такъ и между этими послѣдними и землями прочихъ категорій владѣльцевъ (помѣщиковъ, церковей, монастырей, казны и т. д.).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ сейчасъ мною перечисленные факты столь не, нормальныхъ формъ владѣній—результатъ тѣхъ формъ поземельной собственности, которыя находили себѣ мѣсто еще въ крѣпостную эпоху преимущественно въ средѣ поземельнаго дворянства. Достаточно, напримѣръ, себѣ представить постоянное дробленіе дворянскихъ помѣстій, вызываемое установившимся у насъ обычаемъ надѣлять землей всѣхъ членовъ семьи—дочерей при замужествѣ, сыновей, когда они оставивъ службу, получали въ наслѣдство соотвѣтствующія „доли“ имущества наслѣдодателя.

Противъ этихъ уродливыхъ явленій прошлаго и была направлена земельная политика прежняго режима, въ особенности послѣ крестьянскихъ волненій 1903—1904 годовъ. Эта политика, получившая по имени своего вдохновителя названіе „Столыпинской“ сводилась къ мѣропріятіямъ троякаго рода.

Прежде всего было рѣшено бороться съ тѣми явленіями, которыя вытекали изъ „общинной“ формы владѣнія, господствовавшей до послѣдняго времени на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи. Отсюда на мѣсто коллективнаго владѣнія стала насаждаться индивидуальная, или личная мелкая собственность. Этому рода мѣропріятія, выразившіяся въ указѣ 9 ноября 1906 г. и въ законѣ 14 іюня 1910 г., получили себѣ

печальную извѣстность, какъ мѣры направленныя къ „разрушенію общины“. Ниже я остановлюсь на оцѣнкѣ этихъ мѣропріятій, здѣсь же хочу указать еще на двѣ другія категоріи мѣръ.

Такъ, необходимо упомянуть о законѣ 29 мая 1911 г., извѣстномъ подъ наименованіемъ „законъ о землеустройствѣ“. Его цѣль была создать болѣе рациональныя формы владѣнія путемъ насажденія, такъ называемыхъ, отрубного и хуторскаго хозяйствъ, являвшихся естественнымъ слѣдствіемъ устанавливаемаго предыдущими законодательными актами права „выдѣленія изъ общины“. Къ этому я тоже еще вернусь дальше.

Наконецъ, третьей категоріей правительственныхъ мѣропріятій, связанныхъ съ именемъ Кривошейна, руководившаго въ то время министерствомъ земледѣлія, была направлена на непосредственный подъемъ сельско-хозяйственной культуры прежде всего путемъ содѣйствія техническимъ улучшеніямъ (межеваніе, показательныя хозяйства, ссуды, снабженіе орудіями производства, меліорациі и т. д.).

Окидывая теперь общимъ взглядомъ земельную политику временъ Столыпина-Кривошейна нельзя не сознаться, что размахъ ея былъ несомнѣнно значителенъ, но по способу, какимъ эта политика проводилась и по результатамъ, какіе она дала, въ особенности по сравненію съ затраченными на то народными средствами, вся эта политика была съ самаго своего начала и до своего „вполнѣ естественнаго“ конца обречена на самое рѣзкое осужденіе.

Остановимся хотя бѣ на оцѣнкѣ закона о „разрушеніи общины“ (зак. 14 іюня 1910 г. и предшествовавшей ему указъ 9 ноября 1906 г.).

Съ строго принципіальной т. зр. этотъ законъ вызвалъ къ себѣ, можно сказать, единодушное осужденіе въ силу грубаго попранія тѣхъ положительныхъ началъ, которыя присущи всякому коллективному, а слѣдовательно организованному цѣлому. Я лично не являюсь защитникомъ общиннаго владѣнія землею во всей его прежней неприкосновенности, но не могу не отмѣтить, что разрушая общину, насадители индивидуальной собственности не только не замѣнили

ее другой, лучшей организацией, но сознательно стремились прежде всего разбить цѣлое на единичныя, разрозненныя части. Я не говорю о томъ, что подходя къ общинному владѣнію слѣдовало бы не только считаться съ создавшимся къ нему „пѣтетомъ“ цѣлыхъ поколѣній русской интеллигенціи, но и постараться привлечь ихъ на свою сторону. Конечно, въ то тяжелое время полной разобщенности и даже прямого антагонизма между „властью“ и „народомъ“ смѣшно было и думать объ этомъ.

Со стороны фактической указанная мѣропріятія форсировали, т. е. искусственно увеличивали быстроту того процесса распаденія общины, который хотя медленно, но самъ собою протекалъ у насъ, какъ и повсюду, въ результатъ того явленія, которое, обыкновенно, называютъ „разслоеніемъ деревни“. Другими словами, въ силу многихъ обстоятельствъ и прежде всего въ силу роста промышленности, болѣе слабые члены общины оставляли свои земли и отправлялись на фабрику. Въ деревнѣ постепенно стали образовываться тѣ же два основныхъ слоя, что и въ городѣ: очень бѣдные—безземельные (сельскій пролетаріатъ) и болѣе состоятельные, сельскіе „кулаки“. Этотъ совершенно естественный процессъ современнаго капиталистическаго строя могъ протекать безъ особенно сильныхъ потрясеній для народнаго хозяйства только при томъ условіи, что прогрессирующая промышленность или разумная колонизація будетъ все время поглощать излишнее сельское населеніе. Но къ этому послѣднему не особенно стремились „реформаторы“ старого режима и вотъ, передъ нами выступаетъ и третья политическая сторона предпринимавшихся реформъ.

Я имѣю въ виду прежде всего стремленіе поддержать крупное дворянство, которому не могло быть невыгоднымъ образование значительнаго кадра „сельско-хозяйственнаго пролетаріата“ (хотя это со стороны дворянства и оспаривалось), прикрѣпленнаго къ мѣсту безвыходностью своего положенія и нуждой. Затѣмъ, что быть можетъ было важнѣе, и что не вызвало со стороны дворянства никакихъ возраженій, это—тенденція образованія кадра болѣе обезпеченнаго „крупнаго“ крестьянства, на которое могла бы опереться монархи-

ческая власть. Этого рода соображенія, конечно, были навѣяны примѣрами стараго французскаго консервативнаго крестьянства, столь цѣпко державшагося за свою земельную собственность. Этого рода политика поглощеніе сельскими кулаками болѣе обездоленнаго безземельнаго или малоземельнаго крестьянства находила себѣ внѣшнее выраженіе въ значительныхъ Столыпинскихъ афоризмахъ и изреченіяхъ, какъ на примѣръ: „игра (ставка) на сильнаго“, „законы пишутся не для слабыхъ и пьяныхъ“ и т. д.

Нельзя умолчать еще о томъ, что ко всѣмъ этимъ „внутреннимъ“ дефектамъ, присущимъ разбираемому законодательному акту, присоединяется еще значительный дефектъ „формальнаго“ характеръ: онъ былъ изданъ съ нарушеніемъ основныхъ требованій конституціонной формы правленія. Сейчасъ эта сторона вопроса хотя и имѣетъ уже чисто-историческій интересъ, но тѣмъ не менѣе ее важно имѣть въ виду, какъ показателя отрицательнаго отношенія органа народнаго представительства къ такого рода мѣропріятіямъ.

V.

Законъ о землеустройствѣ (29 мая 1911 г.). Предположенія Государственной Думы въ связи съ ассигнованіями на подъемъ сельскаго хозяйства до революціи.

Оцѣнивая общее значеніе двухъ другихъ категорій мѣропріятій стараго правительства, мы также легко замѣтимъ ихъ полную несостоятельность прежде всего съ т. зр. ихъ практическихъ результатовъ, хотя и въ чистотѣ побужденій ихъ вдохновителей справедливо можно сомнѣваться.

Однако съ этой стороны законъ 29 мая 1911 г. встрѣтилъ себѣ болѣе благопріятный пріемъ даже со стороны представителей оппозиціонныхъ партій. Такъ, на примѣръ, мы находимъ слѣдующую оцѣнку этого акта:

„Если законъ 1910 г., которому недаромъ присвоили названіе „закона о землеустройствѣ“, какъ по способу своего изданія, такъ и своему содержанію, является однимъ изъ наиболѣе отрицательныхъ фактовъ въ исторіи нашего земельного законодательства; если этотъ законъ преслѣдо-

валь однѣ только чисто-разрушительныя цѣли, то новый законъ 29 мая 1911 г. является, въ самомъ дѣлѣ серьезнымъ шагомъ въ дѣлѣ землеустройства нашего земледѣльческаго населенія; на мѣсто простого разрушенія онъ пытается поставить положительное творчество, и потому, во многихъ частностяхъ доступный критикѣ, онъ отнюдь не вызываетъ къ себѣ того принципиально, а тѣмъ болѣе того страстно отрицательнаго отношенія, какое вызвалъ и не могъ не вызвать въ широкихъ кругахъ указъ 9 ноября 1906 г." (проф. А. А. Кауфманъ).

Но и эта благоприятная оцѣнка новаго закона преимущественно, если не исключительно относилась къ намѣреніямъ или пожеланіямъ правительства и врядъ ли самъ авторъ вышеприведенныхъ строкъ надѣялся даже тогда на успѣшные результаты. Было очевидно, что „творчество“ этого акта направлялось по пути углубленія той „чисто-разрушительной“ цѣли, которую себѣ ставило то же правительство предшествующимъ закономъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему стремился новый законъ и что онъ могъ дать въ дѣйствительности?

Прежде всего онъ былъ направленъ на содѣйствіе къ выдѣленію изъ общины. Выдѣляющимся дворамъ предоставлялось селиться или отдѣльными хуторами или, оставаясь въ деревнѣ, требовать себѣ „отрубъ“, т. е. сверстываніе отдѣльныхъ полосъ къ одному участку или къ нѣсколькимъ болѣе крупнымъ. Хуторское хозяйство, тѣснымъ образомъ связанное съ расселеніемъ по отдѣльнымъ хуторамъ представляетъ болѣе рациональный типъ сельскаго хозяйства по сравненію съ обычнымъ „общиннымъ“, но только при условіи наличности цѣлаго ряда особыхъ обстоятельствъ, какъ напирѣмъ: полное обезпеченіе даннаго хутора собственнымъ колодеземъ или источникомъ, достаточность размѣра участка, допускающая разнообразіе угодій, хорошія пути сообщенія, общее болѣе высокое обезпеченіе средствами, не вынуждающее искать отхожихъ промысловъ и т. д. Можно было заранѣе предвидѣть, что всѣ этого рода обстоятельства правительство не въ состояніи будетъ обезпечить всему сельскому населенію и что, слѣдовательно, „хуторское хо-

зайство“ явится лишь приманкой для привлеченія на свою сторону болѣе состоятельные слои въ крестьянскомъ быту. И дѣйствительность это скоро и подтвердило. Хуторское хозяйство подвигалось туго, и тамъ, гдѣ оно насаждалось, оно не обнаруживало сколько нибудь значительныхъ шаговъ къ поднятію сельско-хозяйственной культуры. Кромѣ „политики“ въ самомъ дурномъ смыслѣ слова, этому культурному подъему препятствовало и отсутствіе средствъ у казны для сколько-нибудь значительныхъ мѣръ этого рода.

Касаясь этого послѣдняго вопроса необходимо отмѣтитъ мѣры поощренія къ развитію сельскаго хозяйства, на которыя часто указывала Государственная Дума.

При ассигнованіи соотвѣствующихъ кредитовъ Государственная Дума не переставала твердить о необходимости совмѣстной дѣятельности правительственныхъ органовъ съ мѣстными общественными организаціями; только при этомъ условіи можно было рассчитывать на цѣлесообразное расходование отпускаемыхъ средствъ. Въ связи съ этимъ Государственная Дума намѣчала широкую программу мѣропріятій, какъ на примѣръ: развитіе всѣхъ видовъ сельско-хозяйственного образованія посредствомъ учрежденія въ надлежащемъ количествѣ соотвѣствующихъ учебныхъ заведеній; широкое распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ земледѣльческой средѣ при помощи организаци чтеній и курсовъ, а также бесплатной раздачей популярныя изданій по сельскому хозяйству; увеличеніе числа и повышеніе знаній сельско-хозяйственныхъ специалистовъ и техниковъ всѣхъ разрядовъ; широкое развитіе сѣти сельско-хозяйственныхъ опытныхъ и научно-промысловыхъ учреждений; улучшеніе различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ то: улучшеніе сѣмянъ и хозяйства, животноводства, молочнаго хозяйства, пчеловодства и т. д.

Не желая обременять средства казны, Государственная Дума не включала въ свои смѣты такихъ расходовъ, которые по своему существу должны бы были относиться на счетъ мѣстныхъ средствъ. Не смотря при этомъ на всю осмотрительность и бережливость, какія проявлялъ органъ народнаго представительства по отношенію къ ассигнова-

ніямъ по смѣтамъ вѣдомства сельскаго хозяйства, расходы по этимъ смѣтамъ въ виду обширности вышеперечисленныхъ задачъ, возросли уже за одно первое пятилѣтіе дѣятельности Думы съ 5 милл. руб. до 31,5 милл. руб.

Какъ значительны были нужды сельскаго хозяйства Россіи до революціи показываетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 1916 года гр. А. А. Бобринскій, въ бытность его министромъ земледѣлія, возбудилъ вопросъ объ ассигнованіи 28 милл. руб. и подлежащихъ возвращенію 85 милл. руб. на мѣропріятія по поддержанію сельско-хозяйственныхъ силъ страны. Въ первую очередь гр. Бобринскій выдвигалъ вопросъ о необходимости замѣны живой силы въ крестьянскихъ хозяйствахъ механическими двигателями. Онъ предполагалъ сдѣлать крупные заказы иностраннымъ, главнымъ образомъ, американскимъ фирмамъ. Въ свой планъ онъ включалъ заботу о безотлагательной 'организациіи внутри страны техническихъ производствъ, о развитіи животноводства и травосѣяніи, о содѣйствіи къ выработкѣ въ Россіи искусственнаго удобренія, развитіе лѣснаго хозяйства и т. д.

Всѣ этого рода предположенія встрѣчали самое положительное къ себѣ отношеніе и со стороны Думы, хотя значительная часть депутатовъ хорошо понимала, что сколько-нибудь успѣшное осуществленіе этихъ предположеній было не подъ силу отживавшему строю правительственнаго автократизма...

Были ли правы эти депутаты сейчасъ объ этомъ спорить излишне. Нахлынувшая революція смела безъ остатка начинанія старой земельной политики, сразу предъявивъ требованія о самомъ коренномъ пересозданіи всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ земельныхъ отношеній. А это, естественно, выдвигаетъ совершенно новыя мѣры для достиженія все той же конечной цѣли—поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи.

VI.

Преимущества крупнаго сельскаго хозяйства и какъ ими обезпечить мелкое землевладѣніе? Задачи русской трудовой интеллигенціи. Общіе выводы.

Въ краткомъ очеркѣ, разумѣется, невозможно раскрыть

программу земельных мѣропріятій во всей ея должной широтѣ. Ограничиваясь только самымъ существеннымъ; я бы хотѣлъ остановиться еще на одномъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ предстоящаго строительства въ области сельскаго хозяйства. Я имѣю въ виду вопросъ объ обезпеченіи будущаго сельскаго хозяйства необходимыми условіями наибольшей производительности.

Въ настоящее время ни въ комъ не можетъ вызвать никакихъ сомнѣній фактъ преимущества крупнаго хозяйства передъ мелкимъ. Иногда это утвержденіе пытаются ограничить только приложеніемъ его къ обрабатывающей, т. е. фабрично-заводской промышленности, считая его неприменимымъ въ области сельскаго хозяйства. Это отрицаніе покоится на очевидномъ недоразумѣніи, вытекающемъ изъ частаго смѣшенія двухъ совершенно различныхъ вещей—владѣнія и хозяйства. Если говорить о размѣрахъ земельного владѣнія или поземельной собственности, то совершенно вѣрно, что крупное поземельное владѣніе еще вовсе не обезпечиваетъ насъ отъ малой производительности и даже простого хищничества по отношенію къ силамъ природы; и напротивъ мелкая собственность часто представляетъ случаи чрезвычайно производительнаго использованія этихъ силъ природы, ибо къ этому мелкаго собственника вынуждаетъ нужда или просто стремленіе использовать свою рабочую силу въ наивозможно большей степени.

Иное мы видимъ по отношенію къ другому понятію—къ хозяйству, какъ предпріятію, требующему не только соответствующей степени подготовленности труда, но и его оборудованности и надлежащей организаціи. Все это въ значительно ббльшей степени обезпечивается въ крупномъ, чѣмъ мелкомъ предпріятіи, или хозяйствѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не только логика вещей, но и самый опытъ.

Достаточно, на примѣръ, себѣ представить организацію и планъ хозяйственной дѣятельности, предусматривающіе не только самое производство, но и сбытъ производимыхъ продуктовъ; а для всего этого надо имѣть не только хорошее знаніе всѣхъ условій рынка, но и достаточную силу, чтобы въ наименьшей степени зависѣть отъ всякаго

рода случайностей этого рынка. Затѣмъ, примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, привлеченіе специалистовъ и т. д. все это въ бѣльшей степени приложимо въ крупномъ хозяйствѣ, чѣмъ въ мелкомъ. Такъ, напримѣръ, по произведеннымъ въ Германіи подсчетамъ примѣненіе электрической силы выгодно только при условіи, когда хозяйство ведется на площади не менѣе 1000 моргеновъ, т. е. около 250 десятинъ; или приглашеніе специалиста агронома оправдывается только при хозяйствѣ не менѣе 100—125 десятинъ. И такихъ примѣровъ современная сельско-хозяйственная наука можетъ привести множество. И всѣ они одинаково убѣждаютъ въ безспорности положенія о преимуществахъ крупного хозяйства передъ мелкимъ.

Но какъ это положеніе приложить къ совершающемуся у насъ коренному пересозданію земельныхъ отношеній, когда на мѣсто сколько нибудь крупныхъ помѣщичьихъ владѣній у насъ станетъ господствующимъ и даже единственнымъ типомъ мелкое трудовое землевладѣніе?

Выходъ представляется очень простымъ, если помнить, что владѣніе не есть хозяйство; и тогда мелкое трудовое землевладѣніе вполне можетъ существовать въ тѣсной связи съ преимуществами крупного хозяйства. И не только можетъ, но уже существуетъ, какъ напримѣръ, извѣстное всему міру сибирское сельское хозяйство, изготовляющее и вывозящее за границу свое знаменитое сибирское масло. И это не единственный примѣръ того, какъ мелкое владѣніе, объединяясь путемъ коопераціи достигаетъ всѣхъ выгодъ крупного хозяйства.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самый широкій ростъ сельско-хозяйственной коопераціи всѣхъ родовъ и видовъ—явится надежнѣйшимъ средствомъ для преуспѣянія нашего будущаго сельскаго хозяйства, долженствующаго опереться уже на новыя, кореннымъ образомъ пересоздавшіяся земельныя отношенія.

Надо ли говорить о другихъ культурныхъ неотложныхъ мѣропріятіяхъ, безъ которыхъ нельзя себѣ представить нашъ будущій земельный строй? Но одинъ ихъ перечень занялъ

бы у насъ много времени, даже если бы мы ограничились главнѣйшими изъ нихъ и только въ трехъ отношеніяхъ: въ области просвѣщенія и подготовки къ сельско-хозяйственному квалифицированному труду, въ области чисто агрономической помощи по улучшенію условій сельскаго хозяйства съ точки зрѣнія роста производительности и наконецъ, въ области мѣропріятій обще-экономическаго характера по обезпеченію всей сельско-хозліственной промышленности въ цѣломъ и въ связи съ общими условіями подъема всего народнаго хозяйства нашего времени.

Не останавливаясь на этихъ мѣропріятіяхъ ближе, могу только сказать, что каждому работы предстоитъ много и работы благодарной, положительной, творческой.

Въ заключеніе нашей небольшой экскурсіи въ одну изъ сложнѣйшихъ областей современной народно-хозяйственной жизни мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Земельная реформа должна быть не только правильнымъ и справедливымъ завершеніемъ великой реформы 19 февраля 1861 г., но въ современной своей постановкѣ земельная реформа означаетъ коренное переустройство всего исторически сложившагося у насъ уклада земельныхъ отношеній; и уже тѣмъ самымъ эта реформа знаменуетъ собою постепенное приближеніе къ измѣненію всего существующаго хозяйственно-общественнаго строя на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ нашему соціальному идеалу;

2. Нельзя говорить о разрѣшеніи земельного вопроса, а необходимо имѣть въ виду постепенное его рѣшеніе въ связи съ общимъ подъемомъ рабочихъ силъ и культурнаго развитія сельскаго населенія въ смыслѣ созданія надлежащихъ условій для образованія сельскаго квалифицированнаго труда;

3. Въ процессѣ созданія этихъ условій, разумѣется, почетное мѣсто принадлежитъ и русской трудовой интеллигенціи. Послѣ франко-прусской войны 1870—71 г. нѣмцы говорили, что побѣдилъ народный учитель, имѣя въ виду ростъ просвѣщенія въ Германіи.

И теперь для нас, какъ въ области земельного вопроса, такъ и по отношенію ко всей народной жизни, роль народного учителя—огромна; но сейчас рядомъ съ народнымъ учителемъ уже встаетъ передъ нами еще одинъ боецъ за культуру—агрономъ.

Самый тѣсный союзъ пахаря съ учителемъ и агрономомъ — вотъ символъ нашего ближайшаго, лучшаго будущаго.

Торговля и торговая политика.

I.

Торговый аппарат, как сущность современной народно-хозяйственной организации. Особенности торговли в связи съ развитіемъ формъ обмѣна. Исторія торговли. Понятіе современной торговли.

Вѣрно отмѣчаетъ современный шведскій экономистъ проф. *Эли Гекшеръ* въ своемъ изслѣдованіи „Экономика міровой войны“, что одной изъ существеннѣйшихъ особенностей настоящей войны является стремленіе каждой изъ воюющихъ сторонъ прежде всего уничтожить хозяйственную организацію противника. Этимъ настоящая война рѣзко отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ столкновеній народовъ. Правда, мы знаемъ, что разрушались цѣлыя государства, а съ ними, конечно, уничтожалось и народное хозяйство, но все это являлось уже какъ неизбежное слѣдствіе; въ настоящей же войнѣ уничтоженіе хозяйственной организаціи является какъ бы ея преднамѣренная задача.

Эта задача достигается не тѣмъ, что уничтожаются самыя хозяйственныя блага—хлѣбъ, хлопокъ, желѣзо и т. д., а тѣмъ, что разрушается самый аппаратъ современной хозяйственной жизни. И этотъ аппаратъ—торговля, т. е. взаимный обмѣнъ одного продукта на другой. Уничтоженіе торговаго аппарата осуществляется нынѣ съ невѣроятной настойчивостью и беспощадной жестокостью. Съ одной стороны, могучій англо-французскій и италіанскій флотъ стремится желѣзнымъ кольцомъ задушить центральный державы и отрѣзать всякій доступъ въ ихъ морскіе порты; съ другой стороны, и центральныя державы окружаютъ своихъ противниковъ широкимъ кольцомъ подводныхъ лодокъ, нанося,

несомнѣнно, громадный уронъ ихъ торговымъ сношеніямъ съ другими частями свѣта.

Мнѣ сейчасъ нѣтъ надобности оцѣнивать этотъ фактъ. Только конечный результатъ покажетъ намъ, была ли эта задача необходима и разумна, я не говорю съ т. зр. чело-вѣчества, но даже съ т. зр. достиженія военного успѣха со стороны самихъ воюющихъ странъ. Отдѣльныя ошибки такого способа войны уже обнаруживались не разъ и встрѣ-чали себѣ единогласное осужденіе. Замѣчу тутъ же, что эта задача разрушенія основного аппарата хозяйственной жизни противника явилась для всѣхъ весьма неожиданнымъ обстоя-тельствомъ, опрокинувшимъ всѣ наши представленія о между-народномъ правѣ,—о международномъ правѣ, которому съ такимъ трудомъ едва едва удалось лишь въ самые послѣд-ніе годы наладить мѣры именно противъ возможности угрозы хозяйственной организаціи—и въ частности, торговлѣ—съ обезпеченіемъ неприкосновенности не только гражданскихъ интересовъ нейтральныхъ странъ, но и невоенныхъ, коммер-ческихъ интересовъ гражданъ воюющихъ странъ. Все это было войною жестокѣ сметено и разсѣяно.

Повторяю, я сейчасъ не осуждаю этой мѣры, я просто констатирую фактъ. Даже больше того, я легко допускаю, что если бы блокада Германіи и прилегающихъ къ ней ней-тральныхъ странъ была бы предпринята союзниками раньше, чѣмъ она успѣла обогатиться имуществомъ занятыхъ ею обла-стей, т. е. немедленно при самомъ началѣ войны, то очень могло бы быть, что и самая война не затянулась бы на столь долгое время.

Но это—вопросъ, который выходитъ за предѣлы мною намѣченной сейчасъ темы. Я его выдвинулъ только за тѣмъ, чтобы отмѣтить то чрезвычайное значеніе, которое въ настоящее время имѣетъ правильно налаженный торго-вый аппаратъ.

Я бы могъ пойти дальше и показать на примѣръ нашей собственной внутренней жизни, къ какимъ ужаснымъ послѣд-ствіямъ привело насъ это уничтоженіе хозяйственной орга-низации. Но въ этомъ слишкомъ хорошо убѣждается каждый непосредственно, по собственному опыту и наблюденію, хотя,

вѣроятно, не всегда и не всякій изъ насъ сознаеть въ полной мѣрѣ основную сущность переживаемаго нами хозяйственного „разстройства“. Попытаемся ближе ознакомиться съ тѣмъ, что является, какъ я сказалъ, сущностью современной хозяйственной организаціи,—съ торговымъ аппаратомъ современныхъ культурныхъ странъ.

Первый вопросъ, который самъ собою можетъ возникнуть у насъ—почему торговлѣ приписывается въ настоящее время такое большое значеніе? А затѣмъ и другой вопросъ— всегда ли торговля играла такую выдающуюся роль въ жизни народовъ?

На первый изъ этихъ вопросовъ легко отвѣтить вполне определенно: торговля служитъ основой всего современного хозяйственного строя, какъ высшей стадіи въ развитіи народнаго хозяйства, называемой нами „капиталистическимъ строемъ“; а основнымъ условіемъ существованія этого строя является производство для другого, для сбыта или, какъ говорятъ, производство товарное. вмѣстѣ съ тѣмъ, если „капиталистическій строй“ представляется высшей стадіей въ развитіи народнаго хозяйства, то отсюда само собою, какъ слѣдствіе, вытекаетъ отвѣтъ и на другой вопросъ: при болѣ раннихъ стадіяхъ развитія народно-хозяйственной жизни торговля не имѣла такого значенія, какъ въ настоящее время, и не могла играть такой выдающейся роли.

Сейчасъ сказаннымъ можетъ быть ближе опредѣлена тема нашего изслѣдованія: она имѣетъ въ виду торговлю, какъ отраженіе условій современнаго капиталистическаго строя. Это положеніе предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ предшествовавшими фактами хозяйственной жизни.

Торговля нынѣ представляется однимъ изъ выражений очень сложнаго процесса, называемаго „обращеніемъ цѣнностей“. Этотъ процессъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ современнымъ характеромъ производства цѣнностей: производимыя цѣнности, какъ было указано выше, являются товарами, т. е. предназначаются служить средствомъ удовлетворенія не самого производителя, а другого лица,—„покупателя“. Отсюда такое производство, какъ обыкновенно говорятъ, представляется „товарнымъ производствомъ“ и хозяй-

ство, покоящееся на такомъ производствѣ, называется „товарнымъ хозяйствомъ“. Но такому хозяйству противопоставляется другое, которое опирается на производство „для себя“, т. е. когда продукты труда предназначаются прежде всего служить средствомъ удовлетворенія самого производителя; такое хозяйство мы называемъ „натуральнымъ“, или „замкнутымъ“. Въ послѣднемъ случаѣ подчеркивается обособленность, или изолированность даннаго хозяйства отъ всякихъ хозяйственныхъ сношеній съ другими хозяйствами. Напротивъ, товарное хозяйство, неизбѣжно сталкивается съ другими хозяйствами, и этого рода столкновенія образуютъ собою обширную область обмѣна, или мѣновыхъ отношеній.

Что же такое обмѣнъ?

Надо замѣтить, что обмѣнъ за долго предшествуетъ товарному хозяйству въ собственномъ смыслѣ слова, и что обмѣнъ можетъ принимать различную форму въ зависимости отъ степени своего развитія.

Самое возникновеніе обмѣна обусловлено прежде всего различіемъ естественныхъ условій, среди которыхъ жили первобытныя племена. Отсюда первоначально обмѣнъ выразался во взаимной непосредственной передачѣ больше произведеній природы, нежели продуктовъ труда. Напримѣръ, дерево и шкуры звѣрей обмѣнивались на хлѣбъ или соль.

Итакъ, недостаточность однихъ благъ и изобиліе другихъ въ самыя раннія эпохи человѣческой исторіи привели къ представленію о возможности и даже необходимости обмѣна, или мѣны. Когда весь общественный строй древняго человѣка представлялъ тѣсную замкнутую общину на началахъ кровнаго родства, то само собою понятно, что мѣна или обмѣнъ, какъ всякое сношеніе одного рода или племени съ другимъ, чужимъ, родомъ или племенемъ, носилъ по необходимости характеръ коллективнаго дѣйствія.

И дѣйствительно, мы всюду находимъ эту первобытную форму мѣны, какъ „молчаливый обмѣнъ“ между коллективными единицами—общинами, родами, племенами, а не отдѣльными личностями. Это легко объясняется первоначальной

относительной однородностью въ условіяхъ существованія всѣхъ членовъ даннаго кровнаго союза— общины, рода, племени.

Но когда въ силу дальнѣйшаго развитія челоуѣка среди общины, рода и племени постепенно возникаютъ различія и особенности, то происходитъ, такъ называемый, процессъ „дифференціаціи“, или расчлененія одной большой организаци на рядъ болѣе мелкихъ, а во всякой мелкой организаци—расчлененіе ея членовъ на касты, сословія, классы и, наконецъ, среди этихъ послѣднихъ все больше и больше выдвигается независимая индивидуальная свобода, образующая въ концѣ концовъ современное понятіе „личности“.

Конечно, въ самомъ началѣ процесса „дифференціаціи“ раньше другихъ начинаетъ выдвигаться роль военначальниковъ и вождей. Этимъ объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ прежнія отдаленныя времена обмѣнъ и разбой между собою рѣзко не различаются; на моментъ обмана при обмѣнѣ указываетъ филологическая близость этихъ двухъ словъ, какъ на русскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ (по нѣмецки *Verkehren* означаетъ оборачивать, перевирать; у французовъ есть выраженіе *prendre le change* въ смыслѣ даться въ обманъ, но въ то же время *Verkehr* и *change* означаютъ мѣну, обмѣнъ).

Съ ростомъ культурно-хозяйственной жизни народовъ насиліе, обманъ и разбой при взаимныхъ сношеніяхъ народовъ, естественно, уступаетъ мѣсто соглашенію и договору; вмѣстѣ съ этимъ и самый обмѣнъ становится все болѣе постояннымъ и регулярнымъ явленіемъ, т. е. принимаетъ постепенно нынѣ господствующую форму обмѣна— торговли, какъ цѣлесообразную дѣятельность „купли—продажи“.

Торговля въ этомъ смыслѣ существуетъ уже очень давно; мы ее встрѣчаемъ среди народовъ самыхъ древнѣйшихъ временъ; но, разумѣется, не всегда и не повсюду она носила одинъ и тотъ же внѣшній характеръ: на ней постоянно отражался данный соціально-экономическій строй.

Въ этомъ отношеніи исторію торговли можно легко расчленить на три различныя эпохи или стадіи.

Древнѣйшій періодъ въ исторіи торговли характеризуеъ ее, какъ непосредственный сбѣнъ между племенами и народами, уже болѣе или менѣе отличными одинъ отъ другого степенью культурнаго развитія, мощью и силой. Предметами торговли въ эту эпоху служатъ предметы далеко не первой необходимости; скорѣе даже предметы роскоши и тщеславія—„заморскія сокровища“. Торговля часто переходитъ въ насильственное отнятіе или въ сдѣлку, за которой скрывается грубый обманъ. Отсюда—широкое развитіе пиратства: торговецъ-разбойникъ, или пиратъ, „добываетъ“ всякими способами „сокровища“ за моремъ и привозитъ ихъ съ собою при возвращеніи на родину. Здѣсь часть привезенныхъ сокровищъ онъ раздариваетъ, часть самъ потребляетъ въ качествѣ своего убранства или украшеній, и только самая незначительная часть, можно думать, идетъ въ обмѣнъ на другіе предметы, т. е. на продажу.

Часто торговлѣ предшествуетъ обмѣнъ подарками, что сохранилось еще и до сихъ поръ по отношенію къ торговлѣ съ восточными странами.

Естественно, что на разбираемой мною ступени развитія торговли, эта послѣдняя окрашивается въ цвѣта ей современной добродѣтели: отвага, смѣлость, хитрость, ловкость, обманъ, предприимчивость—вотъ тѣ черты, которыя мы встрѣчаемъ въ „герояхъ“ этой ранней эпохи хозяйственной жизни почти всѣхъ народовъ. Объ этихъ чертахъ говорятъ намъ и народные миѣы, легенды и пѣсни. Вспомнимъ хотя бы миѣю о Меркуріи, какъ о богѣ торговли и воровъ, или нашу былинку о Садко, богатомъ-гостѣ Новгородскомъ.

Совершенно иную эпоху торговли мы находимъ въ средніе вѣка, когда торговля становится постояннымъ мѣстнымъ обмѣномъ продуктами труда. Отражая на себѣ бытъ и характеръ своего времени, торговля не ограничивается только привозомъ и добываніемъ „драгоцѣнностей“; ея настоящимъ предметомъ обмѣна служатъ продукты труда городского и сельскаго. Весь укладъ тогдашней городской жизни налагаетъ свою неизгладимую печать и на городскую торговлю. Съ развитіемъ въ городахъ ремесла и мелкаго полуручного производства и самая торговля принимаетъ

характеръ мелкой „ремесленной“ торговли; самостоятельное ея значеніе еще не велико: она служитъ скорѣе удобнымъ способомъ демонстраціи того, что данный ремесленникъ готовъ исполнить „на заказъ“. Этотъ несамостоятельный характеръ средневѣковой городской торговли проф. Зомбартъ правильно видитъ въ тѣхъ, далеко не рѣдкихъ случаяхъ, когда вчерашній торговецъ садится сегодня за станокъ и изъ привезеннаго имъ сырья—матеріала самъ создаетъ новый предметъ для торговли.

Постоянство и однообразіе средневѣковой внутренней торговли постепенно получаютъ санкцію и закрѣпляются особыми статутами со стороны городскихъ и ремесленно-цеховыхъ или гильдейскихъ органовъ власти. Даже внѣшняя торговля, постепенно все болѣе теряя черты предшествовавшей эпохи, также организуется въ цехи или торговыя компаніи, подчиняющіяся извѣстнымъ регламентамъ и статутамъ государственной власти.

Наконецъ, современный періодъ торговли характеризуется прежде всего тѣмъ, что она является необходимымъ посредствующимъ звеномъ въ длинной цѣпи современнаго народно-хозяйственнаго производства, необходимымъ продолженіемъ его, какъ „производства для сбыта“.

„Производство для производителя лишь тогда закончено, когда ему обезпеченъ сбытъ его издѣлій. До тѣхъ поръ, пока этого нѣтъ, его дѣятельности не достаетъ заключительнаго звена, безъ котораго работа не достигаетъ ни частнаго, ни народно-хозяйственнаго результата“ (Ванъ-деръ-Боргтъ).

Въ виду чрезвычайной сложности современной торговли въ наукѣ еще далеко не установлено самое понятіе ея. Одни изслѣдователи въ своемъ пониманіи торговли исходятъ изъ тѣхъ ея признаковъ, которые характеризуютъ лицо, ея занимающееся; другіе подчеркиваютъ присущій торговлѣ процессъ обмѣна или обращенія цѣнностей.

Такъ, напр. *Лекисъ* видитъ въ торговлѣ прежде всего „промысловое занятіе обмѣномъ, а также закупку и продажу товаровъ съ цѣлью полученія барыша“. Близко къ этому и

пониманіе *Ратгена*: „обороты, совершаемые купцами съ промысловой цѣлью“.

Другое направленіе находить себѣ выраженіе въ слѣдующемъ пониманіи: „торговля, какъ способъ сношенія производителя съ потребителемъ, составляетъ преодолѣніе ихъ личнаго, пространственнаго и временнаго разобщенія“.

Если торговля и не вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ „обращенія“, то какъ форма обмѣна (на ряду съ дареніемъ, непосредственной мѣной, насильственнымъ отнятіемъ и т. д.) она является, несомнѣнно, основнымъ моментомъ въ современномъ процессѣ обращенія. И самое обращеніе благъ является по отношенію къ торговлѣ общей сферой, опредѣляющей собою совокупность условій и средствъ для торговыхъ оборотовъ, образующихъ собою въ свою очередь широкое понятіе „рынка“.

Я не буду сейчасъ останавливаться на всемъ многообразіи видовъ и формъ современной торговли; о нихъ подробно говорится во всякомъ учебникѣ по экономической наукѣ. Я не буду останавливаться и на тѣхъ техническихъ особенностяхъ, которыя все болѣе и болѣе подчиняютъ современную торговлю требованіямъ новѣйшей стадіи въ развитіи капитализма; объ этомъ подробно говорить, напримѣръ, *Вернеръ Зомбартъ* въ своихъ художественно составленныхъ очеркахъ по „Исторіи экономического развитія Германіи въ XIX вѣкѣ“ и въ своемъ классическомъ трудѣ „Современный Капитализмъ“.

Я бы хотѣлъ сейчасъ освѣтить только одну сторону современной торговли, самымъ тѣснымъ образомъ соприкасающуюся съ переживаемыми нами событіями, и не только по отношенію къ настоящему моменту, но и—къ ближайшему нашему будущему.

II.

Международная торговая политика и образующія ее явленія. Ввозъ, вывозъ и транзитъ. Фритредерство и протекціонизмъ. Торговый договоръ.

Несомнѣнно, если задача настоящей войны—разрушеніе хозяйственной организаціи противника, то причина

настоящаго столкновенія народовъ кроется въ фактъ недостаточности производства на собственный рынокъ и въ простирающемся отсюда стремленіи расширить сферу своего торговаго вліянія за счетъ другихъ странъ.

Объ этомъ очень много говорили и писали еще задолго до войны, какъ о новой стадіи „имперіалистическаго“ капитализма, какъ объ „имперіалистической политикѣ“ въ области торговыхъ столкновеній, которыя должны были рано или поздно привести и къ столкновеніямъ военнымъ.

То, что предвидѣли, о чемъ думали и чего въ тайнѣ быть можетъ хотѣли, совершилось; и теперь наша задача—хотя бы сѣмъ усвоить урокъ исторіи и прежде всего попытаться отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что всегда служило, служить и, надо думать, еще долго будетъ служить основаніемъ взаимныхъ столкновеній народовъ между собой—это международные торговые интересы, международная торговля, международная торговая политика.

Не имѣя сейчасъ въ виду рѣшать всѣ относящіяся сюда вопросы въ сколько нибудь исчерпывающемъ ихъ объемѣ, я остановлюсь главнымъ образомъ только на торговыхъ оборотахъ и торговой политикѣ двухъ для насъ сейчасъ наиболѣе интересныхъ странъ—Россіи и Германіи.

Но для полноты очерка я бы хотѣлъ еще предварительно остановиться на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, или, вѣрнѣе, сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно нѣкоторыхъ сторонъ международной торговой политики и образующихъ ее явленій.

Одинъ общій міровой торговый оборотъ по отношенію ко всякой отдѣльной странѣ можетъ выражаться, какъ извѣстно, троякимъ образомъ: прежде всего мы имѣемъ понятіе импорта, или ввоза, затѣмъ обратное этому явленіе экспорта, или вывоза и, наконецъ, нейтральное по отношенію къ торговымъ интересамъ данной страны положеніе—транзитъ, или пропускъ чужого товара, предназначеннаго для другой какой-нибудь страны.

Размѣръ и характеръ того, другою и третьяго опредѣляются прежде всего хозяйственно-географическимъ положеніемъ каждой отдѣльной страны по отношенію ко

всѣмъ остальнымъ странамъ. Такъ, на примѣръ, естественно ожидать, что колоніи и страны экзотическія обнаруживаютъ тенденцію экспортировать свои продукты въ метрополиі или страны сѣверныя, въ которыхъ развита промышленность, предметы которой импортируются въ колоніи или въ экзотическія страны. Или, на примѣръ, также естественнымъ представляется намъ развитіе транзита по отношенію къ такимъ центральнымъ странамъ, какъ Швейцарія, являющаяся естественнымъ посредникомъ между сѣверной и южной Европой, какъ отчасти Россія— между Западной Европой и Азіей и т. д.

Но кромѣ хозяйственно-географическихъ условій отдѣльныхъ странъ тутъ передъ нами все въ болѣе степеніи выступаютъ еще и особенности хозяйственно-культурнаго характера—состояніе народнаго производства, путей сообщенія и т. д.

У лицъ, неискушенныхъ тонкостями современной экономической науки, часто возникаетъ вопросъ, что выгоднѣе для данной страны: ввозъ или вывозъ?

Въ экономической исторіи этотъ вопросъ также ставился часто и рѣшался въ различныя эпохи не одинаково.

Цѣлое большое теченіе, захватывающее почти три столѣтія—съ XVI по XVIII и получившее себѣ названіе „меркантилизма“, ставило этотъ вопросъ подъ знакъ денежнаго обогащенія страны: все, что въ обмѣнъ на товары давало золото, считалось желательнымъ, а все, за что приходилось самимъ платить золотомъ—нежелательнымъ; отсюда меркантилисты приходили къ выводу о необходимости поощрять вывозъ и препятствовать ввозу товаровъ за исключеніемъ золота, конечно.

Теченіе, господствовавшее въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія исходило изъ другого соображенія; оно выдвигало мысль о взаимной выгодности обмѣна продуктами какъ слѣдствія „раздѣленія труда“ и потому на ввозъ и вывозъ смотрѣло какъ на единый актъ купли—продажи, обусловленный опредѣленной „гарантіей“—совпадениемъ интересовъ обѣихъ сторонъ, вступающихъ во взаимный обмѣнъ.

Въ настоящее время, когда богатство народовъ мы видимъ не въ деньгахъ, или золотѣ, а въ количествѣ предметовъ и средствъ, которыми человекъ удовлетворяетъ свои культурныя потребности, и когда наше сознание отказывается видѣть въ экономическихъ отношеніяхъ какую то „гармонію“ интересовъ, а скорѣе принимаетъ очень старое изрѣченіе— „человѣкъ человеку волкъ“, а что потому экономическая жизнь не что иное, какъ вѣчная „война всѣхъ противъ всѣхъ“—при такихъ условіяхъ, въ настоящее время вновь измѣнился взглядъ по вопросу объ относительной выгодности ввоза или вывоза. И рѣшается теперь этотъ вопросъ именно въ томъ смыслѣ, что ввозъ—является желательнымъ, а вывозъ—неизбѣжное зло, по скольку въ немъ заключается необходимая расплата, такъ какъ международный обмѣнъ—не безвозмездный актъ, или дареніе, а выраженіе купли—продажи.

Эта сама по себѣ правильная точка зрѣнія, однако, въ дѣйствительности сталкивается съ цѣлымъ множествомъ самыхъ различныхъ интересовъ, которые разбиваютъ все современное общество не только на двѣ основныя группы—производителей и потребителей, но еще и на цѣлый рядъ иныхъ подраздѣленій, какъ то землевладѣльцевъ—крупныхъ, или аграріевъ, и мелкихъ; промышленниковъ, которые въ свою очередь подраздѣляются по самымъ различнымъ отраслямъ производства; такъ, одни производятъ сырье или полуфабрикатъ (жельзо, чугуны,—„тяжелая“ промышленность), другіе—фабрично-заводскія издѣлія („легкая“ промышленность), интересы купцовъ всякаго рода, биржевиковъ, банкировъ и т. д. Если къ этому еще прибавить, что и интересы рабочаго класса далеко не всегда одинаковы, поскольку они заняты въ различныхъ отрасляхъ хозяйственной жизни, то легко себѣ представить, какой сложной въ настоящее время должна представляться намъ современная торговая политика между отдѣльными странами.

Раньше, когда хозяйственная жизнь еще не выражала такой чрезвычайной сложности сталкивающихся и переплетающихся между собою отдѣльныхъ хозяйственныхъ интере-

совъ, торговая политика разрѣшалась проще—въ зависимости только отъ двухъ господствовавшихъ тогда направлений—„фритредерства“ (отъ англ. словъ free и trade) или свободы торговли и „протекціонизма“, или покровительства.

То и другое направленіе имѣли въ виду право отдѣльныхъ государствъ облагать ввозимые или вывозимые товары особымъ сборомъ, называемымъ не совсѣмъ удачно „таможенной пошлиной“. Вполнѣ понятно, повышая или понижая таможенныя „ставки“, (тарифъ), государство могло или пропускать свободно товаръ въ страну, или стѣснять его ввозъ, или, наконецъ, и вовсе не допускать—если не юридически, то экономически, т. е. путемъ обложенія товара несоразмѣрно высокимъ таможеннымъ тарифомъ („запретительныя“ пошлины). При этомъ государство не только можетъ оказывать предпочтеніе одному товару передъ другимъ, но и различать откуда тотъ или другой товаръ идетъ, или какого онъ происхожденія и соотвѣтственно этому, конечно, выражать свое благорасположеніе или неблагорасположеніе той или другой отдѣльной странѣ, отдѣльному народу, оказывая тѣмъ самымъ большое вліяніе на его производство, а черезъ то и на всю его экономическую жизнь.

Съ другой стороны, понятно, что пропуская свободно, или стѣсняя, или даже вовсе воспрещая доступъ иностраннаго товара на внутренній рынокъ, государство значительнѣйшимъ образомъ опредѣляетъ направленіе собственныхъ производительныхъ силъ данной страны.

Нѣтъ возможности въ краткомъ очеркѣ не только высказать полностью всѣ „за“ и „противъ“ той или иной системы „таможенной политики“, но даже перечислить всѣ относящіяся сюда доводы. По крайней мѣрѣ, когда англійская либеральная газета „The Daily News“ издала брошюру извѣстнаго экономиста Чюцца-Монэ (L. G. Chiozza-Money) — „100 положеній за свободу торговли“, то другая англійская газета, консервативная „The Daily Express“ тотчасъ же выпустила брошюру тоже очень почтеннаго англійскаго изслѣ-

дователя Элліса Баркера (J. Ellis Barker) подъ заглавіемъ „101 положеніе противъ свободной торговли“. На это первая газета „The Daily News“ опять въ лицѣ Чюсса-Монэ отвѣтила брошюрой: „101 положеніе противъ системы покровительства“. Я не знаю, продолжалась ли эта интересная полемика дальше, но и приведенныхъ этими авторами болѣе 300 аргументовъ достаточно, чтобы удержаться отъ ихъ разбора.

Достаточно тугъ только отмѣтить тотъ фактъ, что отстаиваніе или опроверженіе тѣхъ или другихъ положеній, клонящихся къ признанію или отрицанію той или иной „системы“, приводитъ не только къ жестокимъ схваткамъ противниковъ и сторонниковъ противоположныхъ убѣжденій въ какой либо отдѣльной странѣ; рядомъ съ этой, такъ сказать, внутренней войной господство или признаніе той или иной системы таможенной политики приводили и къ очень тяжелымъ международнымъ столкновеніямъ, если даже эти столкновенія и не всегда влекли за собою немедленное кровопролитіе, какими, напримѣръ, являются, такъ называемыя, „таможенныя войны“.

Отсюда вполне понятно, что само собою явилась потребность въ международныхъ соглашеніяхъ, называемыхъ, обыкновенно, „торговыми договорами“.

При заключеніи „торговыхъ договоровъ“ естественно, принимаются въ расчетъ не одинъ какой-нибудь интересъ или доводъ, а цѣлое ихъ множество. Обыкновенно, различаютъ два рода таможенныхъ „тарифовъ“, принимаемыхъ въ основу такихъ торговыхъ договоровъ: автономный тарифъ, одинаковый для всѣхъ товаровъ, откуда бы они ни привозились и конвенціональный, или договорный тарифъ, когда нѣкоторымъ странамъ оказывается предпочтеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ находятъ себѣ мѣсто особая оговорка о „наиболѣе благопріятствуемой націи“; это значить, что всякая уступка въ договорѣ одной какой либо странѣ ео ipso распространяется и на „наиболѣе благопріятствуемую“ державу.

Начало системы торговыхъ договоровъ въ области „таможенной политики“ положено было въ 1860 году договоромъ между Франціей и Англійей; затѣмъ черезъ годъ та

же Франція заключила торговый договоръ съ Бельгіей и еще черезъ годъ—съ Пруссіей.

Съ этого времени начали заключаться торговые договоры между всѣми европейскими государствами. Не останавливаясь на исторіи этого вопроса, какъ и на другихъ явленіяхъ торговой политики, перехожу прямо къ изслѣдованію нашихъ торговыхъ сношеній съ Германіей.

На ней, какъ на ближайшей сосѣдкѣ, прежде всего долженъ былъ отразиться нашъ переходъ отъ автономнаго къ конвенціональному тарифу въ 1892 г. и съ ней по этому случаю впервые у насъ была „таможенная война“, заключившаяся торговымъ договоромъ 1894 г., затѣмъ еще разъ вновь заключеннымъ въ 1906 году, которому въ свою очередь истекалъ срокъ какъ разъ въ разгаръ военныхъ дѣйствій въ 1915 г. Подготовкой къ заключенію новаго торговаго договора занимались у насъ, и въ особенности въ Германіи, цѣлый рядъ какъ общественныхъ организацій, такъ и правительственныхъ комиссій и комитетовъ различныхъ наименованій.

Съ этимъ вопросомъ намъ придется еще столкнуться тотчасъ же, какъ закончится война, и жизнь вновь придетъ въ норму.

III.

Торговый договоръ Россіи съ Германіей. „Аграрный протекціонизмъ“, его защитники и противники въ Германіи.

Сейчасъ я не буду останавливаться на исторіи чисто-политическихъ отношеній между возникшей въ 1871 году Германской Имперіей и Россійской Имперіей, въ то время казавшейся особенно могущественной и чрезвычайно импонирующей на Западную Европу, въ особенности на ея восточную представительницу, Германію. Отмѣчу только, что хотя не разъ собирались тучи надъ горизонтомъ новой Имперіи, но пока ея внѣшняя политика была руководима Бисмаркомъ, несомнѣнно человѣкомъ умнымъ и понимающимъ тѣ выгоды, какія могла доставить Германіи Россія,—эти тучи не разряжались въ открытыя военныя столкновенія. Однако

задоръ и узко-національные интересы нѣмцевъ тѣмъ не менѣе были все время „агрессивны“ и ихъ сдерживаль только страхъ передъ болѣе могущественнымъ врагомъ; это съ особенной ясностью обнаружилось въ „таможенной войнѣ“ и въ послѣдовавшихъ за ней торговыхъ договорахъ.

Надо замѣтить, что до войны Германія занимала первое мѣсто среди странъ, съ которыми мы находились въ товарномъ обмѣнѣ.

Такъ, въ 1913 году—въ послѣднемъ изъ нормальныхъ годовъ, предшествующихъ войнѣ—общій нашъ товарообмѣнъ выражался въ 2.894 милл. рублей, а русскій товарообмѣнъ съ Германіи составлялъ 38% или почти $\frac{2}{5}$ всего оборота. Въ томъ числѣ нѣмецкихъ товаровъ къ намъ ввозилось на 652 милл. рублей, а вывозилось русскихъ товаровъ въ Германію на сумму 453 милл. рублей; по отношенію ко всему нашему ввозу нѣмецкій привозъ составлялъ 47,5%, а ко всему нашему вывозу вывозъ въ Германію составлялъ 29,8%.

На сколько приведенныя числа значительны показывает примѣръ Великобританіи. Она занимаетъ второе мѣсто въ нашемъ торговомъ оборотѣ и что же мы видимъ? ввозить она къ намъ всего на 173 милл. рублей, а вывозить—на 267 милл. рублей, т. е. въ общемъ нашъ оборотъ ея доля выражается лишь въ 15%, т. е. значительно менѣе половины того, что приходилось до войны на долю Германіи.

Если даже это соотношеніе и должно было значительно нѣйшимъ образомъ измѣниться за время войны и если даже оно столь же значительно измѣнится въ будущемъ по окончаніи войны, тѣмъ не менѣе значеніе Германіи въ нашемъ товарномъ оборотѣ всегда останется велико уже хотя бы въ силу чисто географическаго сосѣдства.

Въ этомъ отношеніи можетъ быть для насъ очень поучительно нѣкоторое знакомство съ теченіями и направленіями, какія обнаруживались въ Германіи при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Россіей въ 1894 и 1904 годахъ.

Главную роль при заключеніи этихъ договоровъ, несомнѣнно, играли аграріи, противопоставивавшіе свои интересы интересамъ городскихъ потребителей. Надо замѣтить, что по своей численности классъ аграріевъ, т. е. крупныхъ

помѣщиковъ является въ Германіи, какъ и повсюду весьма незначительнымъ. Дальше я покажу это въ цифрахъ. Но тутъ необходимо считаться съ тѣмъ, что вліяніе аграріевъ, какъ во внутренней жизни Германіи, такъ и по отношенію къ ея внѣшней политикѣ—чрезвычайно велико.

„Вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ такъ велико, что даже въ тяжелую переживаемую Германіей годину войны—интересы голоднаго населенія приносятся нерѣдко въ жертву требованіямъ аграріевъ“ (М. П. Федоровъ).

На ряду съ этимъ правильно отмѣчаютъ, что „крупно-землевладѣльческая партія въ Германіи составляетъ главное ядро имперіалистическихъ и милитаралистскихъ группъ населенія и всякое усиленіе ея вліянія, благодаря аграрной политикѣ нѣмецкихъ правительствъ, является постоянною угрозою миру Европы“.

Если бы даже и признать осуществимымъ ожиданіе,— что „германская демократія смететъ ихъ привилегія и низведетъ ихъ вліяніе къ нулю“, то для ближайшаго къ намъ времени все же еще придется считаться съ указаннымъ выше положеніемъ германскихъ аграріевъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, правда, нельзя думать, что исключительно одни аграріи устанавливаютъ условія торговаго договора: и у нихъ въ самой Германіи имѣются не только друзья, но и враги. Какъ уже выше мною указывалось, характеръ таможенной политики Германіи, вообще, весьма сложный и вліяніе на нее оказываетъ цѣлое множество интересовъ и при томъ самаго различнаго рода.

Прежде всего таможенная политика Германіи представляетъ собою планомѣрную систему, имѣющую въ виду не только покровительство крупному сельскому хозяйству, но и покровительство крупной промышленности.

Имѣя въ виду эти цѣли, Германія стремится установить низкія пошлины не все то, что служитъ сырьемъ для ея обрабатывающаго производства и что не конкурируетъ съ тѣмъ, что произрастаетъ въ собственной странѣ. Но на этомъ пути, какъ мы сейчасъ увидимъ, она встрѣчаетъ себѣ сильныхъ противниковъ со стороны нѣкоторыхъ группъ и классовъ населенія.

Беря на себя защиту интересов аграриевъ, Германія облагаетъ, на примѣръ, высокими ставками хлѣбъ (кромѣ кормоваго ячменя), яйца, масло, скоть и т. д., а необходимая для прокорма нѣмецкаго скота отруби и сѣянные тыжимки (жмыхи) ввозятся въ Германію беспошлино, какъ и жернова, различные виды удобрения и т. п.

Само собою понятно, что содѣйствуя вывозу изъ Россіи всего того, что можетъ служить развитію ея собственнаго сельскаго хозяйства, Германія въ сильной степени стремится эгимъ ослабить русское хозяйство, отнимая у него необходимые ему отруби и жмыхи, пользуясь съ одной стороны вѣчной нуждой русскихъ сельскихъ хозяевъ въ деньгахъ, а съ другой—самой глубокой ихъ невѣжественностью въ технику сельскаго хозяйства.

Противъ этого необходимо бороться самымъ энергичнымъ образомъ, но, конечно, не однимъ только воспрещеніемъ и стѣсненіемъ вывоза этихъ продуктовъ, а культурными, положительными мѣропріятіями, какъ, на примѣръ, подъемомъ умственнаго развитія и техническаго знанія среди сельскаго населенія, указаніемъ на рациональное хозяйство опытныхъ полей и показательныхъ станцій и т. под.

Высокія пошлины на привозный въ Германію хлѣбъ убыточны для Россіи не только потому, что затрудняютъ нашу конкуренцію съ прочими странами, вывозящими хлѣбъ, но, какъ показалъ рядъ специальныхъ изслѣдованій, налагаемая на хлѣбъ пошлина нѣкоторою своею частью прямо ложатся на русскаго хлѣбороба вслѣдствіе того, что міровыя цѣны на хлѣбъ устанавливаются на заграничныхъ рынкахъ въ результатѣ всего міроваго хлѣбнаго оборота.

Такимъ образомъ, „аграрный протекціонизмъ“, установленный въ Германіи очень невыгоденъ для русскихъ сельскихъ хозяевъ.

Но для какихъ классовъ населенія въ самой Германіи выгодно удорожаніе хлѣба, вслѣдствіе его высокаго обложенія?

Въ 1913 году сельско-хозяйственное населеніе Германіи составляло около 29% всего германскаго народа. Въ самомъ

сельскомъ хозяйствѣ число мелкихъ владѣній (не свыше 5 гектаровъ) въ 1907 г. составляло 76,4%. Изъ 5.7 милл. земледѣльческихъ хозяйствъ 4,3 милл. прикупаютъ зерно, т. е. заинтересованы въ низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ; изъ остальныхъ 1,4 милл. хозяйствъ часть живетъ своимъ зерномъ, и слѣдовательно для нихъ существующія цѣны на хлѣбъ безразличны и только небольшая часть всѣхъ хозяйствъ имѣетъ непосредственную выгоду отъ повышенныхъ цѣнъ. Какая же это часть?

Если даже всѣ категоріи хозяйствъ отъ 20 гектаровъ (десятинъ) и свыше отнести къ такимъ хозяйствамъ, которыя заинтересованы въ высокихъ пошлинахъ на хлѣбъ, то и тогда это составитъ только 5% всего числа хозяйствъ, въ числѣ приблизительно 200.000 землевладѣльческихъ семей, что составляетъ около 1,7% всего германскаго народа!

Отсюда естественно, что противъ „аграрнаго протекціонизма“ протестуютъ не только тѣ, кто непосредственно страдаютъ отъ дороговизны хлѣба, но и тѣ, кто глубже вникаютъ въ сущность нѣмецкаго хозяйства. Такъ, на примѣръ, Мюнхенскій профессоръ *Луио Брентано* особенно рѣзко подчеркиваетъ отрицательныя стороны этой нездоровой политики, указывая на то, что этимъ путемъ искусственно форсируется расширеніе сельскаго хозяйства за счетъ промышленности, что вмѣстѣ съ ними эта политика вызываетъ спекуляцію землею въ формѣ обычныхъ перепродажъ и что, наконецъ, это все не только не содѣйствуетъ, но прямо, обратно, задерживаетъ дальнѣйшую интенсификацію сельскаго хозяйства въ Германіи.

Но во главѣ интересовъ „аграріевъ-протекціонистовъ“ стоитъ могущественный „союзъ сельскихъ хозяевъ“, основанный какъ разъ наканунѣ заключенія перваго нашего торговаго договора съ Германіей. Правда, противъ этого союза стоитъ другая очень сильная организація—„Ганзейскій союзъ“. Но выступая на защиту интересовъ торгово-промышленнаго класса, эта послѣдняя организація ослабляетъ свое вліяніе слишкомъ пестрымъ составомъ своихъ членовъ. Почему германскіе промышленники для болѣе сильнаго отстаиванія своихъ интересовъ должны были образовать свои болѣе

спеціальныя організації. Такъ, мы имѣемъ очень сильный „Центральный союзъ германскихъ промышленниковъ для поощренія и охраны національнаго труда“, представляющій по преимуществу интересы, такъ называемой, „тяжелой промышленности“, т. е. производящей сырье и полуфабрикаты. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ копи, рудники, желѣзное производство и т. д., члены „Центрального Союза“ работаютъ главнымъ образомъ на внутренній рынокъ. Ихъ интересы по отношенію къ „аграрному протекціонизму“ разбиваются: съ одной стороны, имъ выгодны низкія цѣны на хлѣбъ, вліяющія на заработную плату занятыхъ у нихъ рабочихъ; съ другой стороны, они требуютъ усиленнаго обложенія конкурирующаго съ ними привознаго сырья (угля, желѣза) и въ этомъ отношеніи сближаются съ аграріями.

Кромѣ этой организациі существуетъ въ Германіи еще „Союзъ промышленности“, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто представительство интересовъ „легкой промышленности“, т. е. перерабатывающей какъ отечественное, такъ и привозное сырье и полуфабрикаты въ готовые для потребленія издѣлія. Эта промышленность работаетъ не только на одинъ внутренній рынокъ, но и для вывоза. Защищая интересы германскаго экспорта, „Союзъ промышленности“ выступаетъ сильнымъ противникомъ аграріевъ, видя въ ихъ политикѣ большое препятствіе достиженію со стороны другихъ странъ тарифныхъ уступокъ для ввоза готовыхъ издѣлій. На ряду съ этимъ „аграрный протекціонизмъ“ повышаетъ издержки производства, какъ по отношенію къ сырью, такъ и по отношенію къ заработной платѣ, сильно стѣсняя тѣмъ конкуренцію съ обрабатывающей промышленностью другихъ странъ.

Примиряющую политику выражаетъ основанный въ 1900 г. „торгово-договорный союзъ“ (Handels-vertragsverein), отстаивающій, необходимость сохраненія взаимно выгодныхъ отношеній при заключеніи торговыхъ договоровъ.

Авторъ памятной записки, представленной имъ въ „Особую Финансово-Экономическую Комиссію“, засѣдавшую еще въ 1916 г., М. П. Федоровъ, привелъ всѣ выше изложенные факты (заимствованные имъ изъ труда А. К. Брошнѣвскаго „Условія сбыта русскихъ хлѣбовъ за границу etc. изд. Мин.

торг. и пром. въ 1914 г.) заключаетъ свой обзоръ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ:

„Каковъ бы ни былъ исходъ войны, послѣ нея намъ придется, при пересмотрѣ торговаго договора съ Германіей, имѣть дѣло съ такимъ сложнымъ комплексомъ интересовъ, какъ нашихъ, такъ и нѣмецкихъ, съ такимъ разнообразіемъ взглядовъ, что если мы не приступимъ немедленно къ подготовкѣ и разработкѣ нашихъ требованій, то намъ въ предстоящей экономической борьбѣ придется выступить съ голыми руками противъ противника, вооруженнаго съ ногъ до головы“.

Къ сожалѣнію, это вполне справедливое пожеланіе не могло получить себѣ осуществленія вслѣдствіе наступившей революціи. Но это обстоятельство должно еще усилить нашъ интересъ къ вопросу, который рано или поздно, теперь, можетъ быть даже уже совсѣмъ скоро, встанетъ передъ нами во всемъ своемъ огромномъ значеніи.

IV.

Нашъ ввозъ товаровъ изъ-за границы и участіе въ немъ Германіи. „Хлопковый вопросъ“ въ Россіи. Посредничество Германіи по доставкѣ намъ товаровъ изъ тропическихъ странъ.

Раньше я говорилъ о ввозѣ нашихъ продуктовъ (по преимуществу сырья) въ Германію; теперь остановимся на вопросѣ о томъ, что мы сами получаемъ у Германіи и даже не столько у ней, сколько черезъ нея?

Самой значительной группой товаровъ, которые мы ввозимъ изъ-за границы это—издѣлія изъ металла и руды. Въ 1913 году всего этихъ товаровъ было ввезено къ намъ на 353 милл. рублей и въ томъ числѣ изъ Германіи—на 236 милл. рублей, т. е. около 67%; второе мѣсто занимаетъ Англія, которая ввезла къ намъ этихъ товаровъ на 48 милл. рублей, т. е. всего нѣсколько болѣе 13%.

По отношенію къ этой группѣ товаровъ интересы наши распадаются: во первыхъ, сюда входятъ издѣлія, необходимыя для нашей сельско-хозяйственной жизни (орудія, машины)

и потому мы заинтересованы въ томъ, чтобы эти издѣлія были доброкачественны и дешевы. По отношенію къ доброкачественности издѣлій Англія и Америка имѣютъ много преимуществъ передъ Германіей, но по отношенію къ „дешевизнѣ“ Германія была до войны внѣ конкуренціи. Пренебречь этимъ свойствомъ товара съ предпочтеніемъ имѣть его лучшаго качества, что всегда, связывается и съ большей экономіей, „въ концѣ концовъ“ намъ мѣшаетъ наша бѣдность средствами. Но чтобы разбогатѣть, намъ необходимо поднять нашу производительность, и вотъ, тутъ мы сталкиваемся съ другой стороной вопроса: недостаточная оборудованность нашихъ фабрикъ и заводовъ, малая степень подготовленности („квалификаціи“) труда и слабая производительность ставятъ насъ въ весьма невыгодное положеніе не только по сравненію съ Англіей и Америкой, но и съ Германіей, противъ „дешевизны“ которой мы бы могли противопоставить нашу низкую заработную плату, что стоитъ въ связи не только съ малой производительностью труда, но и съ меньшей стоимостью жизни у насъ.

Защитники „покровительства отечественной промышленности“ пользуются этимъ положеніемъ вещей и выдвигаютъ требованія, клонящіяся къ стѣсненію или даже воспрещенію ввоза къ намъ этого рода издѣлій. Но при этомъ они упускаютъ изъ виду, что этого рода мѣры, какъ чисто отрицательнаго характера, сами по себѣ никогда нигдѣ не приводили къ подъему производительности національнаго труда. Всѣ ихъ ссылки на исторію другихъ странъ не состоятельны, такъ какъ повсюду, гдѣ развивалась промышленная жизнь принимались и мѣры положительнаго характера, изъ которыхъ, на примѣръ, главнѣйшая—введеніе всеобщаго обязательнаго обученія (не только одного элементарнаго) всюду предшествовала промышленному подъему; а потому у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы изъ огромнаго множества мѣропріятій (въ томъ числѣ и огромной положительной цѣнности) искусственно выдѣлить и оцѣнить такую по существу своему отрицательную мѣру, какъ всякаго рода воспрещенія и стѣсненія.

Съ этимъ общимъ заключеніемъ намъ придется очень

считаться не только при всѣхъ нашихъ будущихъ торговыхъ договорахъ, но и при проведеніи въ жизнь здоровой политики въ области труда и промышленности.

Переходимъ теперь къ другой чрезвычайно для насъ значительной группѣ товаровъ—прядильныхъ матеріаловъ и издѣлій изъ нихъ.

Этихъ товаровъ въ 1913 г. было ввезено къ намъ на 314 милл. рублей. Главную статью въ этой группѣ составляетъ хлопокъ-сырецъ, котораго нами куплено было на 114 милл. рублей.

Первое мѣсто по доставкѣ хлопка на всѣ рынки Европы принадлежитъ, естественно, Сѣв.-Ам. Соед. Штатамъ. И къ намъ Америка ввезла хлопка въ 1913 г. на 47 милл. рублей. Но за тѣмъ второе мѣсто за ней опять занимаетъ Германія?! Откуда въ Германіи можетъ быть хлопокъ, если онъ, какъ извѣстно,—продуктъ тропическихъ странъ? Въ этомъ отношеніи, вообще, любопытно отмѣтить то обстоятельство, что непосредственно изъ странъ производства хлопка мы получаемъ на 75 милл. рублей или всего 66% и 34%, слѣдовательно, мы получаемъ черезъ посредниковъ и, конечно, преимущественно черезъ Германію.

„Хлопковый вопросъ“ заслуживаетъ того, чтобы на немъ спеціально остановиться помимо сейчасъ мною выдвинутаго вопроса о посредничествѣ, на которомъ я тоже останавлиюсь потомъ нѣсколько подробнѣе.

Мы имѣемъ двѣ области по естественно географическимъ условіямъ вполне пригодныя для успѣшнаго разведенія хлопка-сырца. Это—Туркестанъ и Закавказье. Посѣвы хлопка въ одномъ Туркестанѣ давали до войны почти половину того количества, какое требовала себѣ наша текстильная промышленность. Въ послѣдніе годы хотя уже началъ чувствоваться недостатокъ въ орошенныхъ земляхъ, тѣмъ не менѣе производство собственнаго хлопка увеличилось въ чрезвычайной степени. Такъ, по официальнымъ даннымъ (объяснит. зап. мин. финанс. къ проекту Гос. росписи на 1917 г., часть II) мы имѣемъ слѣдующую картину: въ то время, какъ въ 1912—13 г. было произведено русскаго хлопка 13.055 тыс. пуд., въ 1913—14 г.—14.245 тыс. пуд., въ послѣдній отчетный

1915—16 годъ общее количество хлопка возросло до небывалога никогда раньше числа—20.000 тыс. пуд. Особенно прогрессировало производство хлопка въ Туркестанѣ: съ 11.483 тыс. пуд. въ 1912—13 г. оно поднялось до 18.400 тыс. пуд. или почти на 60%, въ то время какъ Закавказскій хлопокъ и раньше производимый въ количествѣ значительно меньшемъ, чѣмъ Туркестанскій, особеннаго прогресса не обнаруживаетъ, поднявшись съ 1.572 тыс. пуд. въ 1912—13 г. до 1.681 тыс. пуд. въ 1914—15 г. и понизившись до 1.600 тыс. пуд. въ 1915—16 г.

Хлопковый вопросъ долженъ быть теперь выдвинуть не только потому, что недопустимы переплаты посредникамъ по ввозу къ намъ хлопка, но и потому, что и самый этотъ ввозъ долженъ быть излишнимъ для насъ. У насъ имѣются всѣ необходимыя условія для расширенія посѣвовъ хлопка до размѣровъ, нужныхъ для нашей хлопчато-бумажной промышленности, какъ то: почва, климатъ и свободныя рабочія руки на мѣстахъ, ждущія земли; но не хватаетъ лишь талантливой организаци и напряженнаго творческаго труда. Такъ, справедливо указываютъ на недостаточность въ краѣ воды и, слѣдовательно, хотя бы за счетъ иностраннаго (американскаго?) капитала должны быть предприняты крупныя планомѣрныя оросительныя работы. Затѣмъ, лица, изучавшія этотъ вопросъ на мѣстѣ, подчеркиваютъ то обстоятельство, что замѣна культуры продовольственныхъ хлѣбовъ (менѣ цѣнныхъ) посѣвами хлопка (болѣе цѣнными) задерживается высокими цѣнами на хлѣбъ и вообще опасеніемъ населенія за свое продовольствіе; отсюда само собою вытекаетъ и еще одна благодарная область приложенія живого труда: усиленіе провозности нашихъ средне-азиатскихъ желѣзно-дорожныхъ путей, всяческое стремленіе къ пониженію цѣны на хлѣбъ и планомѣрная организаци въ краѣ хлѣбной торговли; для того и другого также, несомнѣнно, найдутся капиталы, хотя бы и иностранныя. Наконецъ, есть и еще одна широкая область требующая энергіи, таланта и знанія. Я имѣю въ виду то обычное указаніе, что культура хлопка, сосредоточенная въ рукахъ по преимуществу бѣднаго сартскаго населенія, носить до сихъ поръ кустарный характеръ

мелкаго производства; разумѣтся объединеніе мелкихъ производителей въ прочные союзы можетъ легко предоставить имъ всѣ выгоды крупной культуры, и въ смыслѣ оборудованія, и кредита, и самыхъ условій сбыта, находящагося въ настоящее время въ рукахъ скупщиковъ.

Таковы должны быть мѣры, которыя въ результатѣ приложенія, несомнѣнно, значительнѣйшимъ образомъ измѣнятъ нашъ торговый балансъ не только по одной разбираемой мною сейчасъ группѣ товаровъ.

Но возвратимся къ выдвинутому мною вопросу, тоже очень существенному при выработкѣ условій для будущихъ нашихъ торговыхъ договоровъ.

Извѣстно, что для выясненія благосостоянія страны не такъ важенъ „торговый балансъ“, т. е. соотношеніе между ввозомъ и вывозомъ товаровъ, сколько балансъ расчетный, т. е. соотношеніе всѣхъ взаимныхъ уплатъ и обязательствъ между данными странами, и при томъ уплатъ не только за товары, но и за услуги всякаго рода. Въ этомъ отношеніи при видимомъ „благопріятномъ“ торговомъ балансѣ, т. е. при превышеніи у насъ вывоза товаровъ надъ ввозомъ, мы имѣли всегда „неблагопріятный“ расчетный балансъ; это значитъ, что при взаимныхъ расчетахъ съ другими странами мы вынуждались оплачивать разницу въ обязательствахъ золотомъ или кредитоваться за-границей; и этимъ неизбежно мы все болѣе и болѣе увеличивали нашу задолженность другимъ странамъ. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ ближе, отмѣчу только одну изъ „статей“ нашего расчетнаго баланса, относительно которой также необходимо принять немедленно самыя рѣшительныя мѣры. Я здѣсь имѣю въ виду положеніе нашего транспорта и въ частности нашего торговаго флота.

Вотъ, отосыціяся сюда нѣкоторыя числовыя данныя.

Вѣсовой размѣръ нашего внѣшняго торговаго оборота выражается въ слѣдующихъ числахъ:

вывозъ за-гран.—1.328 милл. пуд. въ т. ч. 1.137 милл. пуд. моремъ
 ввозъ изъ за-гран.—585 „ „ „ „ 551 „ „ „

всего 1.913 милл. пуд. въ т. ч. 1.688 милл. пуд. моремъ.

Такимъ образомъ, свыше 88% всего вѣсового количества товаровъ перевозится у насъ моремъ. И теперь спрашивается, какая доля участія въ этихъ перевозкахъ принадлежитъ русскому торговому флоту? На это отвѣчаютъ ниже слѣдующія числа:

Въ 1913 г. было перевезено товаровъ на судахъ:
иностранныхъ—1.388 парусныхъ и 14.700 парходахъ
русскихъ — —1.179 „ „ 5.136 „

Но эти данныя еще не могутъ полностью выражать дѣйствительное положеніе вещей, такъ какъ суда рѣзко между собою различаются по тоннажу, т. е. по вмѣстимости. Однако картина тутъ передъ нами раскрывается еще болѣе печальная:

Всего погружено и выгружено во всѣхъ нашихъ портахъ:

иностранными судами 1.505,9 милл. пуд. или 90%
русскими „ 179,8 „ „ „ 10%

И такъ, при значительно меньшемъ количествѣ судовъ у насъ еще обнаруживается тотъ печальный фактъ, что самыя суда наши чрезвычайно маловмѣстимы.

Изъ странъ, обслуживающихъ нашу внѣшнюю торговлю, Англіи принадлежитъ не только первое мѣсто, но и господствующее положеніе. На ея долю приходится $\frac{1}{3}$ всего количества товаровъ перевозимыхъ на чужихъ судахъ (502 милл. пудовъ); но второе мѣсто и тутъ занимаетъ Германія: 264 милл. пуд. или около $\frac{1}{6}$ всего количества товаровъ. Конечно, это положеніе необходимо должно измѣниться въ будущемъ, такъ какъ кромѣ расходовъ по доставкѣ (фрахтъ) мы еще переплачиваемъ Германіи, какъ посреднику при покупкѣ такихъ товаровъ, которые она закупаетъ въ другихъ странахъ и намъ перепродаетъ со значительной надбавкой. Къ такимъ товарамъ, кромѣ указанного раньше значительнаго количества хлопка-сырца принадлежатъ еще: каучукъ и гуттаперча въ сыромъ видѣ на 9,3 милл. руб., кофе—на 5,5 милл. руб., кокао и шоколадъ—на 3,8 милл. руб., селитра чилійская—3,6 милл. руб. и др.

„Найдется еще не мало товаровъ, вѣрно замѣчаетъ М. П. Федоровъ, которыя привозятся къ намъ черезъ Гер-

манію въ меньшихъ количествахъ, и нужно думать, что нашъ торговый балансъ съ Германіей при переходѣ къ непосредственнымъ закупкамъ можетъ быть значительно улучшенъ; а русскіе потребители, если они съумѣютъ сьорганизоваться и создать союзъ для прямой закупки товаровъ въ странахъ производства, получать не малую выгоду и на цѣнѣ.

Но для этого нужна организація и, разумѣется, не со стороны однихъ только потребителей; организація, о которой теперь такъ настойчиво надо говорить и повторять, хотя бы и рискуя наскучить, должна касаться всей нашей хозяйственной жизни; а если признать, что у насъ была или есть какая-нибудь „организація“, то я бы сказалъ, что намъ нужна коренная реорганизація во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства и, въ частности, въ области, о которой сейчасъ идетъ рѣчь въ данномъ очеркѣ.

И въ этомъ отношеніи невольно приходится отдать дань нѣмцамъ: они, дѣйствительно, не побоялись вложить свой трудъ, свою энергію и свое знаніе въ торговлю, видя въ ея развитіи одно изъ коренныхъ условій всего своего хозяйственного подъема.

V.

Торговый аппаратъ Германіи и его положительныя и отрицательныя стороны. Заключение: общая картина эволюціи торговли.

О тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ нѣмцы все болѣе и болѣе захватывали въ свои руки міровую торговлю, уже много писалось. Кромѣ столь нашумѣвшей въ свое время сансаціонной книжки *Виллѣмса* „*Made in Germany*“ очень обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса представляетъ интересный трудъ покойнаго академика И. И. Янжула „Торговые музеи и экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ“, вышедшій еще въ 1897 г. но не утерявшій своего значенія и до настоящаго времени.

Отсылая интересующихся къ этимъ изслѣдованіямъ, я не могу удержаться, чтобы не привести хотя бы только одну выдержку изъ этого труда.

Дѣло идетъ объ экспедиціи, образованной въ 1894 году „Обществомъ желѣзодѣлательной промышленности въ Великобританіи“ и командированной въ Германію для знакомства съ нѣмецкой промышленностью.

„Въ числѣ многихъ преимуществъ нѣмецкихъ промышленныхъ заведеній—отчетъ по этой экспедиціи признаетъ достоинство рабочаго и служебнаго персонала, ихъ удивительную дисциплину и машиноподобную точность и правильность въ исполненіи ими своихъ обязанностей и отмѣчаетъ, что не только надсмотрщики и контролеры на нѣмецкихъ металлическихъ заводахъ, но даже и старшіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ приготавливаются къ ихъ труду спеціальнымъ научнымъ и техническимъ образованіемъ“.

Вотъ эта спеціальная подготовка къ профессиональному труду является едва ли не наиболее разительной особенностью и нѣмецкой торговли. И это обстоятельство невольно приходится въ голову, когда говорятъ о „нѣмецкомъ засиліи“: если согласно поговоркѣ клинъ клиномъ надо вышибать, то нѣтъ и не можетъ быть у насъ иного средства, какъ та же подготовка къ труду въ самомъ широкомъ масштабѣ.

Къ сожалѣнію, въ трудахъ Парижской конференціи, собравшейся 14—17 іюня 1916 г., мы находимъ такъ мало данныхъ именно по этому вопросу, совершенно заглушаемымъ столь чуждыми для здоровой экономической политики застрачиваніями, голословными утвержденіями, стремленіями къ національной обособленности и т. д. Члены Парижской конференціи, будто забыли то простое правило, что экономика не хочетъ знать „политику“, т. е. все, что покоится на экономическомъ расчетѣ, а на этомъ покоится весь современный капиталистическій строй,—очень мало считается или даже быть можетъ не считается вовсе съ чисто политическо-националистическими разсужденіями.

Но тѣмъ не менѣе невольно приходится прислушаться и къ той рѣзко критической оцѣнкѣ позднѣйшихъ особенностей нѣмецкой торговли, которую мы встрѣчаемъ со стороны французскаго министра торговли и промышленности Клемантеля, въ его деклараціи, сопровождающей

опубликованныя заключенія Парижской конференціи и со стороны бывшаго русскаго министра М. П. Федорова въ его указанной мною запискѣ, представленной въ 1916 г. особой финансово-экономической комиссіи.

Вотъ, эта оцѣнка болѣе поздней стадіи развитія нѣмецкаго торговаго аппарата:

... „въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ увлеченія пангерманизмомъ и милитаризмомъ, и въ международной торговлѣ Германіи стало развиваться стремленіе къ экономической гегемоніи надъ всѣмъ міромъ. По крайней мѣрѣ приемы нѣмецкой торговли изъ здоровыхъ и разумныхъ быстро переходятъ въ чисто боевые, при примѣненіи которыхъ считаютъ всякое средство дозволеннымъ.

И вотъ, мы имѣемъ уже дѣло не съ прежней культурной системой торговли, когда побѣда оставалась за болѣе знающимъ и лучше другихъ удовлетворяющимъ запросы потребителей, а съ настоящимъ врагомъ, стремящимся хитростью, шпіонажемъ и самыми неблагоприятными средствами раздавить чужую торговлю и промышленность и подчинить ихъ своей гегемоніи“.

На сколько эта рѣзкая оцѣнка измѣнившихся торговыхъ нравовъ Германіи соотвѣтствуетъ дѣйствительности я не берусь судить самъ и оставляю на совѣсти такихъ несомнѣнно авторитетныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ, какъ М. П. Федоровъ и Клементель. Но все же, привыкшій къ болѣе строгому научному мышленію, я не могу не высказать сомнѣнія въ томъ, что не высказывались ли эти отзывы подъ столь естественнымъ вліяніемъ патріотическихъ чувствъ? По крайней мѣрѣ, насколько мало обоснованными оказались всѣ ближайшіе расчеты и опасенія относительно Германскаго „засилья“, обнаружилось теперь съ полной очевидностью.

Еще такъ недавно упорно говорили о „грядущей экономической войнѣ“ съ Германіей, имѣя въ виду ея стремленіе къ захвату чужихъ рынковъ. Говорили, что Германія, будто, заблаговременно учла положеніе послѣ войны: обиліе денежныхъ средствъ и недостатокъ товаровъ. Говорили, что

въ самомъ началѣ войны было устроено совѣщаніе въ присутствіи кайзера и исходя изъ мысли, что война продлится 8 мѣсяцевъ члены этого совѣщанія будто выработали планъ финансированія государствомъ промышленности, чтобы эта послѣдняя при усиленномъ темпѣ производства накопила большіе запасы товаровъ. Наконецъ, даже называли и точную величину этихъ запасовъ: будто къ 1-му января 1916 г. стоимость ихъ составляла свыше 3 миллиардовъ рублей, и все это будто бы должно было быть выброшеннымъ на рынокъ по окончаніи войны...

И что же? Когда открылась граница центральныхъ государствъ, обнаружилась вся вздорность этихъ слуховъ и предположеній; и до очевидности стало ясно, съ какимъ истощеніемъ средствъ и личныхъ силъ Германія старается продолжать войну и во что фактически обходятся ей ея побѣды. На ряду съ сокращеніемъ ея населенія, ослабленіемъ ея силъ, истощеніемъ ея природныхъ средствъ, если она и выйдетъ „побѣдительницей“, то съ постояннымъ нескрываемымъ для себя угрозомъ новой бойни, быть можетъ еще болѣе ужасной, чѣмъ та, которая сейчасъ происходитъ... Со всѣмъ этимъ нельзя не считаться, когда возникаетъ опасеніе о грядущемъ германскомъ „засильѣ“.

И при всемъ томъ, если даже и признать всѣ страхи и опасенія этого рода необоснованными, намъ не приходится сидѣть сложа руки. Напротивъ, чтобы не только бороться, но даже и не допускать самой возможности въ будущемъ „нѣмецкаго засилія“ или, какъ говорятъ, нѣмецкой „гегемоніи“ — необходимо прежде всего вооружиться одинаковымъ съ нѣмцами оружіемъ, а это оружіе: трудъ, воля и знаніе.

И если исходить изъ наличности этихъ положительныхъ факторовъ, то передъ нами раскроется удивительная картина общей эволюціи торговли.

На первой, самой примитивной, стадіи жизни человѣчества мы наблюдаемъ затрату грубой физической силы на добычу предметовъ самой насущной необходимости въ неразрывной связи и въ полной зависимости отъ окружающей природы. Если на этой стадіи развитія человѣчества и возни-

каеть обмѣнъ, то таковой ограничивается по преимуществу вывозомъ изъ страны одного сырья. Народная жизнь при этомъ какъ бы обрекается самой природой влечь жалкое существованіе.

На другой, болѣе высокой, стадіи развитія стоятъ тѣ народы, которые путемъ предварительной затраты силъ на подготовку къ труду и на обезпеченіе его соотвѣтствующимъ оборудованіемъ, переходятъ отъ добычи сырья къ производству изъ него фабрикатовъ. Обмѣниваясь со странами, ниже ихъ стоящими по своему хозяйственному развитію, эти народы ввозятъ къ себѣ сырье, а вывозятъ продукты труда; осуществляя этотъ болѣе высокій въ качественномъ отношеніи (квалифицированный) трудъ сами производители поднимаются на болѣе высокую ступень своего культурнаго развитія.

Наконецъ, мы легко представляемъ себѣ еще третью стадію развитія торговли, а съ ней и развитія всей хозяйственной жизни. Эта стадія характеризуется затратою наиболѣе квалифицированнаго труда, который получаетъ себѣ осуществленіе какъ бы внѣ матеріальной сущности природы, какъ на примѣръ, оказаніе услугъ внѣ обычныхъ условій промышленнаго производства: въ транспортѣ, въ банковской дѣятельности, въ посредничествѣ, руководствѣ и т. д. При значительномъ развитіи народнаго труда въ этомъ направленіи создается своеобразное явленіе, которое экономисты называютъ состояніемъ „ввоза безъ вывоза“ и которое обуславливаетъ то, что я раньше назвалъ благоприятнымъ расчетнымъ балансомъ.

Не останавливаясь ближе на этихъ послѣдовательныхъ стадіяхъ въ исторіи торговыхъ сношеній между различными странами, попытаемся въ заключеніе сдѣлать тѣ общіе выводы, какіе вытекаютъ изъ всего вышесказаннаго.

1. Съ усложненіемъ народно хозяйственной жизни торговля, какъ форма обращенія цѣнностей, становится все болѣе необходимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе совершеннымъ аппаратомъ; это совершенствованіе торговаго аппарата обусловлено обстоятельствами троякаго рода: во первыхъ, соотвѣтственной степеню спеціальной подготовки торго-

профессионального труда (торговые агенты, эксперты, продавцы, коммивояжеры, консулаты и т. д.); во вторых, торгово-промышленной техникой (образование торговых заведений, средства сообщения, реклама); сюда же следует отнести и накопление значительных капиталов, привлекаемых к торговле в связи с нормальным состоянием кредитно-денежного обращения; и в третьих, наконец, совершенствование торгового аппарата обусловлено сильной торгово-профессиональной организацией, как со стороны представителей капитала, так и со стороны труда.

2. От относительной однородности и примитивности в торговых сношениях хозяйственная жизнь постепенно переходит через стадию относительно все большей расчлененности (дифференциации) к стадии высшей квалификации народного труда; этот процесс по отношению к международной торговле принимает выражение (формулу): от вывоза сырья через вывоз фабрикатов к вывозу услуг.

3. Совершенный торговый аппарат в связи с установленной сейчас формулой приводит к тому общему положению, что чем культурнее становится страна, тем больше она ввозит материальных средств и тем больше расплачивается она за них услугами и руководством, позволяющими этой стране процветать и совершенствоваться не только материально, но и духовно—не в этом ли и должна выражаться истинная сущность человеческого прогресса?

Финансовый кризисъ и бумажныя деньги.

1.

Постановка вопроса: бумажныя деньги, какъ чрезвычайный ресурсъ государства. Двойственная природа денегъ: материально-хозяйственная и государственно-правовая.

Мы часто говоримъ о жизни общества,—объ обществѣ, какъ живомъ организмѣ, который имѣетъ свои кровеносныя сосуды,—свои вены и артеріи, по которымъ течетъ своя особенная кровь; эта кровь общественнаго организма—деньги.

Если эта кровь обращается хорошо, мы говоримъ о здоровомъ, нормальномъ состояніи общественнаго организма; если же почему-нибудь кровь застаивается, правильность ея циркуляціи нарушается, то наступаетъ болѣзнь, патологическое состояніе общественнаго организма,—кризисъ.

Исходя изъ такихъ соображеній, мы въ правѣ говорить о „нормальномъ“ и „патологическомъ“, болѣзненномъ состояніи денежнаго обращенія, въ послѣднемъ случаѣ констатируя наличность финансоваго кризиса

Чрезвычайная сложность проблемы денегъ вынуждаетъ меня уже съ самаго начала ограничить свое изслѣдованіе выясненіемъ только одной стороны вопроса и именно, той, на которой наиболѣе полно отражается переживаемый нами сейчасъ чрезвычайно острый финансовый кризисъ, т. е. такое состояніе нашего государственнаго хозяйства, когда разстройство нашего денежнаго аппарата тѣснымъ образомъ связано съ особеннымъ напряженіемъ финансоваго вѣдомства въ изысканіи чрезвычайныхъ ресурсовъ, къ каковымъ относится прежде всего публичный кредитъ.

И такъ, въ силу сказаннаго наша тема можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: что такое бумажныя деньги, когда онѣ являются чрезвы-

чайными ресурсами государства, переживающаго финансовый кризисъ?

Этотъ общій вопросъ предполагаетъ въ себѣ три вопроса болѣе частнаго характера;

во 1-хъ, вопросъ о сущности и функціяхъ денегъ, вообще, и подлежащихъ свободному размѣну бумажныхъ денежныхъ знаковъ, въ частности,—имѣя въ виду вполне нормальное (здоровое) состояніе денежнаго оборота;

во 2-хъ, вопросъ о сущности разстроеннаго („паталогическаго“) состоянія денежнаго оборота и о цѣнности бумажныхъ денегъ въ зависимости отъ международныхъ торговыхъ сношеній и

въ 3-хъ, вопросъ объ особенностяхъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, какъ источника чрезвычайныхъ финансовыхъ ресурсовъ, о вліяніи ихъ на экономическую жизнь страны и, наконецъ, о средствахъ оздоровленія денежнаго аппарата.

Начнемъ съ перваго изъ этихъ вопросовъ.

Сущность денегъ при нормальномъ состояніи современнаго народнаго хозяйства до послѣдняго времени, обыкновенно, выражалась слѣдующимъ образомъ: деньги—независимо отъ своей формы—являются наиболѣе ходкимъ изъ всѣхъ обращающихся на рынкѣ товаровъ.

Отсюда вытекаютъ двѣ особенности денегъ: одна сводится къ тому, что деньги, какъ всякій товаръ необходимо заключаютъ въ себѣ матеріальную цѣнность въ непосредственномъ видѣ—въ драгоцѣнномъ металлѣ (металлическія деньги) или въ видѣ вполне обеспеченнаго кредитнаго обязательства на опредѣленное количество драгоцѣннаго металла (бумажныя деньги, къ которымъ одинаково можно отнести всякаго рода бумажные денежно-кредитные знаки).

Другая особенность денегъ заключается въ фактѣ ихъ всеобщаго признанія, находящаго себѣ подтвержденіе въ дѣйствующемъ официальномъ правѣ, или въ устанавливаемомся торговомъ обычаѣ (обычномъ правѣ). Въ первомъ изъ этихъ случаевъ государство беретъ на себя регламентацію выпуска денегъ въ обращеніе. Отсюда уже очень

рано денежное дѣло становится исключительнымъ правомъ (прерогативой) государственной власти.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ явленіи денегъ двойственную природу:— матеріально-экономическую и государственно-правовую. Въ фактическомъ обращеніи денегъ не всегда эти двѣ стороны ихъ сущности обнаруживаются съ одинаковой отчетливостью. Какъ въ томъ нетрудно убѣдиться изъ непосредственнаго наблюденія, при здоровомъ состояніи денежнаго обращенія съ ббльшей отчетливостью выступаетъ ихъ экономическая сторона и какъ бы нѣсколько отступаетъ назадъ сторона правовая; при „патологическомъ“ же состояніи денежнаго обращенія на первый планъ выступаетъ какъ бы государственно-правовая сторона денегъ, закрывая собою сторону экономическую.

Признавая тѣмъ не менѣе сейчасъ указанную двойственную природу денегъ, мы выше установили самую ихъ сущность, какъ товара, наиболѣе ходкаго изъ всѣхъ обращающихся на рынкѣ товаровъ. Такимъ пониманіемъ сущности денегъ опредѣляется основная ихъ задача, которая заключается въ томъ, что деньги прежде всего предназначены служить средствомъ или орудіемъ обращенія товаровъ, своимъ посредничествомъ значительно облегчая и совершенствуя весь торговый оборотъ въ его цѣломъ. И уже только затѣмъ можно признать за деньгами и другія различныя задачи или, какъ говорятъ, „функции“, хотя и необходимыя или полезныя при современномъ капиталистическомъ строѣ народнаго хозяйства, но производнаго характера, какъ то: способность денегъ служить болѣе точнымъ мѣриломъ цѣнности обращающихся на рынкѣ товаровъ; служить законнымъ платежнымъ средствомъ, какъ при частныхъ сдѣлкахъ, такъ и въ расчетахъ съ казною; представлять собою удобное средство для сохраненія и накопленія цѣнностей, для перемѣщенія ихъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, при кредитныхъ сдѣлкахъ всякаго рода и т. д.

Уже этого одного перечня „функций“ денегъ достаточно, чтобы ясно понять, какое важное значеніе можетъ имѣть для современнаго хозяйственнаго оборота исправный денеж-

ный аппаратъ. Въ нашъ техническій вѣкъ денежный аппаратъ представляется, несомнѣнно, однимъ изъ важнѣйшихъ механизмовъ, двигающихъ всю современную хозяйственную жизнь всякой культурной страны. И безспорно, та страна выгадываетъ больше, гдѣ этотъ механизмъ работаетъ съ наибольшей точностью и правильностью.

Но въ каждой странѣ, неизбежно, наступаютъ такіе моменты, когда самый исправный денежный аппаратъ портится, а съ нимъ разстраивается и все народное хозяйство.

II.

„Разстройство“ денежнаго аппарата; его сущность и внѣшнее выраженіе. Установленіе цѣнности бумажныхъ денегъ.

Сущность „разстройства“ денежнаго аппарата, или „патологическаго“ состоянія денежнаго обращенія заключается въ несоотвѣтствіи между экономической стороной денегъ (матеріальной цѣнностью) и стороной правовой, устанавливающей за деньгами только ихъ номинальную цѣнность. Внѣшнимъ выраженіемъ (симптомомъ) момента наступленія такого несоотвѣтствія между указанными сторонами единой сущности денегъ является отказъ государства отъ свободнаго обмѣна однѣхъ формъ денегъ (бумажныхъ) на другія (металлическія) съ сохраненіемъ за всѣми формами денегъ значенія законнаго платежнаго средства.

Разъ выступивъ на путь неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, государство, обыкновенно, быстро катится подъ гору, прибѣгая къ безудержному выпуску денежныхъ средствъ, пользуясь своей прерогативой, не считаясь съ тѣмъ, что съ каждымъ дальнѣйшимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ указанное выше соотношеніе между матеріальной (дѣйствительной) и номинальной цѣнностью денегъ ухудшается въ возрастающей прогрессіи.

Въ виду наличности такого несоотвѣтствія, обусловленнаго фактомъ прекращенія свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлъ (золото), представляется чрезвычайно интереснымъ и важнымъ рѣшить вопросъ объ установле-

ніи дѣйствительной цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

Такая цѣнность можетъ быть установлена не только по отношенію къ обычнымъ товарамъ, обращающимся на рынкѣ, но и по отношенію къ самому золоту (металлическимъ деньгамъ), которое въ этихъ случаяхъ само собою стремится исчезать изъ денежнаго обращенія, превращаясь въ товаръ, да еще при томъ въ товаръ наиболѣе дорогой, въ силу возросшаго на него спроса. Имѣя въ виду, что въ международномъ товарообмѣнѣ именно золото (металлическія деньги) является основнымъ орудіемъ обращенія, не трудно прійти къ тому заключенію, что и во внутреннемъ товарооборотѣ обще-товарныя цѣны строятся по цѣнности золота (металла). Вслѣдствіе этого факта государство иногда само фиксируетъ отношеніе цѣнности золота къ цѣнности бумажныхъ денегъ, устанавливая тѣмъ самымъ, какъ говорятъ, „принудительный курсъ“ бумажнаго рубля въ связи съ признаніемъ, такъ называемаго, „лажа“ (т. е. прибавки) на золото.

Но какъ быть, если государство не считаетъ возможнымъ или желательнымъ для себя фиксировать отношеніе цѣнности бумажныхъ денегъ къ цѣнности золота?

Можно ли для опредѣленія цѣнности бумажныхъ денегъ руководиться состояніемъ заграничнаго курса на нашъ бумажный рубль?

Этотъ вопросъ имѣетъ не только теоретическій интересъ, но и огромное практическое значеніе, въ особенности, если имѣетъ въ виду наше ближайшее будущее въ народномъ хозяйствѣ. Въ виду сказаннаго этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ подробнѣе остановиться.

По скольку бумажный рубль представляетъ своего рода вексель, или кредитное обязательство, то цѣнность его вообще зависитъ отъ степени его „доброкачественности“, т. е. отъ увѣренности въ его фактическомъ покрытіи золотомъ или какимъ либо инымъ товарнымъ („матеріальнымъ“) обезпеченіемъ. Отсюда, прежде всего становится безспорнымъ, что во внутреннемъ рынкѣ цѣнность бумажнаго (неразмѣннаго и не зафиксированнаго въ его отношеніи къ золоту) рубля

опредѣляется количествомъ обращающихся на рынкѣ товаровъ.

По отношенію къ золоту, являющемуся международными деньгами, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе.

Извѣстно, что въ международныхъ сношеніяхъ расчеты производятся или путемъ обмѣна векселями (обязательствами вообще) или, если ихъ недостаетъ—металломъ, или соотвѣствующими требованіями на него.

Нашъ международный расчетный балансъ неблагоприятный, т. е. пассивный для насъ и потому мы вынуждаемся приплачивать держателямъ нашихъ векселей опредѣленное количество металла; за недостаточностью такого мы предлагаемъ обязательства, которыя не могутъ быть удовлетворены немедленно, такъ какъ если бы у насъ и было достаточно золота, то все же потребовался бы нѣкоторый промежутокъ времени на то, чтобы это золото доставить нашимъ кредиторамъ. Такимъ образомъ, для держателей нашихъ обязательствъ (кредитныхъ билетовъ или векселей) остается или ждать, пока мы покроемъ эти обязательства металломъ, или—учесть наши обязательства на мѣстѣ.

Учетный $\%$ также какъ и цѣна векселя, естественно, колеблется въ зависимости не только отъ увѣренности въ доброкачественности обязательства, но и отъ другихъ многочисленныхъ обстоятельствъ, какъ то: отъ времени учета (конецъ іюня и декабря въ Англіи, напримѣръ, являются—сроками отчетовъ для дисконтныхъ банковъ и учетъ векселей пріостанавливается или значительно ослабѣваетъ), отъ количества предлагаемыхъ на биржѣ векселей, отъ всякаго рода политическихъ обстоятельствъ, какъ говорятъ, отъ общей экономической „конъюнктуры“.

Отсюда неудивительно, что еще до войны курсъ на наши обязательства, слѣдовательно и на нашъ кредитный рубль, иногда стоялъ много ниже паритета, т. е. равнаго соотношенія между номинальной суммой денегъ и металлическимъ ея эквивалентомъ.

Чтобы рѣшить общій вопросъ объ условіяхъ, опредѣляющихъ цѣнность бумажныхъ денегъ (неразмѣнныхъ и не фиксированныхъ), надо отдать себѣ ясный отчетъ въ болѣе

частномъ вопросѣ, а именно, какую роль въ опредѣленіи курса бумажнаго рубля, или въ ростѣ лажа на золото за границей могутъ играть дальнѣйшіе выпуски внутри Россіи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ?

Существуетъ убѣжденіе, что выпускъ бумажныхъ денегъ на внутреннемъ рынкѣ не вліяетъ на нашъ вексельный курсъ за-границей,

Такъ, напр., *А. Шингаревъ* въ Русск. Вѣд. (отъ 9 янв. 1916 г. № 6), отмѣчая явленіе паденія курса русскаго рубля на Лондонскомъ и Парижскомъ рынкахъ говоритъ опредѣленно, что „во всемъ этомъ явленіи усиленные выпуски бумажныхъ денегъ внутри имперіи не играли никакой роли. Паденіе курса русской валюты произошло бы все равно и въ той же степени, даже если бы не было добавлено ни одного лишняго рубля во внутреннемъ обращеніи, ибо оно зависѣло отъ положенія внѣшней торговли Россіи, растаея обязательствъ за границей и т. д. т. е. отъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ внутреннимъ—денежнымъ обращеніемъ“.

Однако въ дѣйствительности, если вдуматься, то положеніе не такъ просто рѣшается, какъ можетъ то показаться на первый взглядъ и потому остановимся подробнѣе на этомъ вопросѣ.

III.

Колебаніе заграничнаго курса въ зависимости отъ состоянія расчетнаго баланса и выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ внутри страны.

Чтобы критически освѣтить возможно болѣе полно выше установленное положеніе *А. И. Шингарева*, представилъ себѣ три возможныхъ случая:

во 1-хъ, при наличности свободнаго обмѣна бумажныхъ денегъ на металлическія внутри страны колебаніе курса (учетнаго %) обусловливается, дѣйствительно, состояніемъ нашего расчетнаго баланса (внѣшней торговлей и количествомъ обязательствъ), но въ предѣлахъ, не превышающихъ стоимости доставки на внѣшній рынокъ соотвѣтствующаго

количества металла. Отсюда съ введеніемъ у насъ золотой валюты и до прекращенія свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на золото, нашъ курсъ за границей колебался въ предѣлахъ лишь нѣсколькихъ долей процента;

во-2-хъ, при недостаточности золотого запаса въ странѣ и при отказѣ отъ свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на золото, но при полномъ равновѣсіи нашего расчетнаго баланса, т. е. при полномъ соотвѣтствіи нашихъ обязательствъ съ суммой обязательствъ на другія страны, нашъ курсъ, естественно, долженъ стоять твердо; это значить, что цѣнность нашего кредитнаго рубля должна быть ближе къ паритету т. е. нашъ кредитный рубль равноцѣненъ по отношенію къ иностранной валютѣ—къ иностраннымъ металлическимъ деньгамъ, безразлично, сколько бы ни было выпущено бумажныхъ денегъ внутри страны. Вотъ, почему до введенія у насъ золотой валюты въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ выравнивался нашъ расчетный балансъ съ Германіей, Берлинская биржа въ цѣляхъ колебанія нашего курса стремилась ввозить къ себѣ наши обезцѣненные внутри страны кредитные рубли, имѣя въ виду этимъ путемъ увеличить число нашихъ обязательствъ, т. е. создать пассивность нашего расчетнаго баланса и тѣмъ самымъ повысить учетный % или, что то же самое, понизить цѣнность нашего бумажнаго рубля за-границей. Вотъ, почему и въ настоящую войну установлено воспрещеніе вывоза нашихъ кредитокъ за-границу. Итакъ, при благопріятномъ для насъ расчетномъ балансѣ на нашъ граничный курсъ всякій дальнѣйшій выпускъ бумажныхъ денегъ въ странѣ, дѣйствительно, вліять не можетъ.

Наконецъ, возьмемъ 3-ій случай, когда при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ нашъ расчетный балансъ для насъ неблагопріятный. Это—тотъ случай, который мы имѣемъ въ переживаемый нами моментъ; онъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ особо остановить свое вниманіе и провѣрить, насколько справедливо приведенное мною раньше утвержденіе Шингарева.

Цѣнность нашихъ обязательствъ, а слѣдовательно, и нашихъ кредитныхъ рублей за-границей опредѣляется обсто-

ятельствами троякаго рода: моментомъ учета въ связи съ общимъ состояніемъ заграничнаго денежнаго рынка, затѣмъ, количествомъ имѣющихся на насъ не покрытыхъ нашихъ обязательствъ и въ концѣ концовъ, относительной рыночной цѣнностью золота въ нашей странѣ. Цѣнность золота внутри страны, какъ вообще рыночная цѣна на всякій товаръ, опредѣляется соотношеніемъ количества даннаго товара съ количествомъ обращающихся на рынкѣ денежныхъ знаковъ. Слѣдовательно, съ каждымъ дальнѣйшимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ золото уходитъ, цѣнность его возрастаетъ и при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ (т. е. при неблагоприятномъ расчетномъ балансѣ и при данномъ состояніи заграничнаго денежнаго рынка) это неминуемо должно влечь за собою ухудшеніе нашего курса за-границей въ смыслѣ все большаго пониженія цѣнности нашего бумажнаго рубля или что то же самое—повышенія лажа на золото и учетнаго $\%$.

И такъ, вышеприведенное соображеніе А. Шингарева и его единомышленниковъ о томъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ внутри страны не можетъ вліять на учетный $\%$ и на паденіе нашей валюты за границей, правильно только при условіи благоприятнаго для насъ расчетнаго баланса въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда само государство черезъ какой либо центральный банкъ беретъ на себя задачу регулированія международныхъ расчетовъ, какъ это мы имѣемъ въ исторіи Австро-Венгріи въ періодъ 1892—1912 гг. и какъ къ тому стремилось у насъ во время войны наше финансовое вѣдомство. Но по скольку такое вмѣшательство государства отсутствуетъ или является недостаточнымъ при неблагоприятномъ для насъ расчетномъ балансѣ всякій выпускъ бумажныхъ денегъ можетъ являться существеннымъ факторомъ ухудшенія нашего курса за границей.

Если мы возвратимся къ выдвинутому раньше общему вопросу, чѣмъ же въ концѣ концовъ опредѣляется цѣнность бумажныхъ неразмѣнныхъ денегъ, когда отсутствуетъ правительственная фиксація ея по отношенію къ золоту, — то на него существуетъ лишь одинъ отвѣтъ: соотношеніемъ между количествомъ товаровъ и количествомъ

денегъ, при чемъ всякое увеличеніе производства товаровъ внутри страны и сокращеніе наличности бумажныхъ денегъ подымаетъ цѣнность этихъ послѣднихъ и наоборотъ, всякое сокращеніе производства товаровъ, привозъ ихъ изъ за границы и дальнѣйшій выпускъ бумажныхъ денегъ понижаетъ цѣнность бумажнаго рубля какъ внутри страны, такъ и за границей.

Такимъ образомъ цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ подчинена общему процессу образованія рыночныхъ цѣнъ, процессу весьма сложному по существу, на который вліяютъ, вообще говоря, три рода условій:

а) условія состоянія товарнаго производства, т. е. соотношеніе между спросомъ на товаръ и предложеніемъ товара;

б) условія состоянія денежнаго рынка, т. е. соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ по отношенію къ денежнымъ знакамъ въ связи съ состояніемъ торговыхъ оборотовъ и

в) общія условія состоянія хозяйственной жизни—состоянія транспорта, кредита, спекуляціи и др.

Такимъ образомъ, излишнее количество неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ и кредитныхъ знаковъ является лишь однимъ изъ многихъ условій обезцѣненія бумажнаго рубля, чему легко могутъ противодѣйствовать такія условія положительнаго характера, какъ, на примѣръ, повышеніе производительности народнаго труда, ввозъ иностранныхъ капиталовъ въ страну, надлежащая организація рынка (нормировка сбыта) и многія другія.

Это приводитъ насъ къ послѣднему вопросу о мѣрахъ къ поднятію цѣнности нашихъ денежныхъ знаковъ и къ оздоровленію всего столь сильно расшатавшагося за время войны нашего денежнаго механизма.

Прежде всего необходимо подумать о поднятіи нашего курса за границей.

Для этого надо озаботиться, чтобы всѣми мѣрами было достигнуто равновѣсіе въ нашемъ расчетномъ балансѣ. Нашей чрезвычайной задолженности за границей мы должны противопоставить стремленіе всяческими средствами привле-

жать къ себѣ обязательства и требованія на иностранный рынокъ; этого можно достигъ привлеченіемъ въ страну иностранныхъ капиталовъ, добычей золота, ростомъ нашего вывоза, поднятіемъ внѣшняго транспорта съ развитіемъ вольныхъ гаваней и расширеніемъ торговаго флота; наконецъ, хотя бы временнымъ регулированіемъ международного расчета путемъ сосредоточенія продажи иностранной валюты въ рукахъ центральнаго органа.

Поскольку обезцѣненіе бумажнаго рубля внутри страны несомнѣнно вліяетъ на пониженіе нашего курса за-границей, постольку, съ другой стороны, также несомнѣнно, что всякій подъемъ нашего заграничнаго курса въ чрезвычайной степени вліяетъ на повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ внутри страны, хотя бы уже тѣмъ, что содѣйствуетъ болѣе правильной внѣшней торговлѣ.

Что касается общихъ средствъ оздоровленія денежнаго обращенія въ странѣ съ разстроеннымъ бумажно-денежнымъ хозяйствомъ, то всѣ этого рода средства тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ обстоятельствами (какъ съ ближайшими, такъ и съ болѣе отдаленными), которыя привели къ разстройству денежно-торговаго аппарата и продолжаютъ поддерживать такое разстройство. Противъ этихъ обстоятельствъ слѣдовательно, и должны быть направлены соотвѣтствующія мѣры.

IV.

Мѣры оздоровленія денежнаго аппарата на основаніи опыта прошлаго. Возстановленіе размѣна *al-pari*. Деваляція. Регулированіе заграничнаго курса.

Въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ и временныхъ условій въ различныхъ странахъ въ различное время принимались различныя мѣры, но которыя въ концѣ концовъ клонились къ одной и той же цѣли: возстановленію нарушеннаго равновѣсія между установленными нами выше двумя сторонами—экономической и юридической—истинной природы денегъ, т. е. къ тому, чтобы деньги получили вновь фактическую силу служить всеобщимъ посредникомъ при

обмѣнѣ (со всѣми отсюда вытекающими послѣдствіями) безъ указаннаго нами выше отрицательнаго воздѣйствія на колебаніе товарныхъ цѣнъ и ослабленіе торговыхъ оборотовъ. Такая цѣль можетъ быть осуществлена только путемъ возстановленія свободнаго обмѣна бумажныхъ денегъ на металлическія.

На основаніи опыта прошлаго по отношенію ко всѣмъ странамъ Западной Европы, прибѣгавшимъ къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ, можно установить три способа достиженія поставленной общей цѣли:

во 1-хъ, можно стремиться къ возстановленію свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія путемъ изыятія излишняго количества выпущенныхъ бумажныхъ денегъ и накопленія достаточнаго количества металла. При этихъ условіяхъ стремятся къ возстановленію цѣнности бумажныхъ денегъ *al pari*, т. е. равной прежней цѣнности бумажныхъ денегъ до момента пріостановленія ихъ размѣна на металлъ;

во 2-хъ, можно стремиться къ возстановленію свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія по нѣкоторой зафиксированной пониженной цѣнности первыхъ по отношенію ко вторымъ,—путемъ, такъ называемой, девальвации; но и для этого необходимы тѣ же условія, что мы отмѣтили выше, т. е. изыятіе изъ обращенія нѣкотораго хотя бы количества бумажныхъ денегъ и накопленіе достаточнаго количества металла;

въ 3-хъ, наконецъ, въ видѣ переходной мѣры ко всеобщему свободному обмѣну бумажныхъ денегъ на металлическія можно стремиться—опять таки при тѣхъ же условіяхъ изыятія изъ обращенія соотвѣтствующаго количества бумажныхъ денегъ и накопленія металла—къ скрытому и частичному обмѣну по курсу, фиксируемому правительствомъ, берущимъ на себя задачу регулированія международнаго курса (иностранной валюты) по отношенію къ туземнымъ обязательствамъ, къ которымъ относятся и бумажныя (юридически неразмѣнныя) деньги.

Скажемъ нѣсколько словъ по поводу cadaго изъ этихъ

трехъ способовъ оздоровленія пошатнувшагося денежнаго аппарата.

Конечно, единственно желательнымъ слѣдовало бы признать первый изъ указанныхъ способовъ, когда бумажныя деньги не только возстанавливаются полностью въ своемъ прежнемъ соотношеніи къ металлу, но и свободно на него размѣняются. Но необходимое для того изъятіе излишняго количества обращающихся бумажныхъ денегъ и накопленіе достаточнаго запаса золота предполагають, съ одной стороны, чрезвычайный подъемъ производительныхъ силъ страны, а съ другой—не слишкомъ большое паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію къ металлу, т. е. не слишкомъ большое количество ихъ по сравненію съ слишкомъ малымъ запасомъ металла. Такія богатая страны, какъ Англія, Франція и Германія (послѣдняя за счетъ 5 миллиардной контрибуціи 1871 г.), могли перейти къ возстановленію свободного размѣна бумажныхъ денегъ на золото—*at par*—только при наличности нижеслѣдующихъ трехъ условій:

во 1-хъ, цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ во всѣхъ перечисленныхъ странахъ стояла не особенно низко отъ *at par*, т. е. количество обращавшихся бумажныхъ денегъ не было чрезвычайнымъ по сравненію къ золотому запасу,

во 2-хъ, возможность сосредоточенія въ рукахъ казны достаточнаго золотого фонда опредѣлялась наличностью металла въ самой странѣ (т. е. національнымъ богатствомъ или, какъ то было въ Германіи—контрибуціей) и наконецъ,

въ 3-хъ, была выражена твердая увѣренность въ прочности предпринимаемой реформы и полная сознательность ея необходимости, и поддержки ея со стороны самого населенія.

Наличности этихъ условій у насъ тотчасъ послѣ войны трудно ожидать, а потому думать о возстановленіи свободного размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія въ полномъ соотвѣтствіи съ прежней ихъ цѣнностью—не приходится.

Девальвація, или установленіе свободного размѣна

бумажныхъ денегъ на металлическія въ соотвѣтствіи съ фактически понизившейся цѣнностью бумажныхъ денегъ выдвигаетъ прежде всего вопросъ о наличности тѣхъ же двухъ условій, какія уже отмѣчались выше: возможности изыятія изъ обращенія нѣкотораго количества бумажныхъ денегъ и накопленія достаточнаго металлическаго фонда; но какъ то, такъ и другое опредѣляется общими условіями состоянія народнаго хозяйства и въ частности состоянія цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію къ золоту. Чтобы фиксируемый правительствомъ девальвированный (пониженный) курсъ бумажнаго рубля не слишкомъ тягостно отозвался на держателей старыхъ обязательствъ, необходимо принять цѣлый рядъ очень сложныхъ предварительныхъ мѣръ.

Намъ нѣтъ сейчасъ необходимости останавливаться на вопросѣ о томъ, не есть ли девальвация частичное банкротство государства и допустима ли она по моральнымъ соображеніямъ. Достаточно признать за ней неизбѣжное и даже при опредѣленныхъ условіяхъ лучшее изъ золъ, какъ мѣропріятія, стремящагося гарантировать цѣнность бумажныхъ денегъ отъ дальнѣйшаго ихъ обезцѣненія. Вообще, слѣдуетъ сказать, что вопить надо не тогда, когда производится девальвация, а тогда, когда правительство еще только начинаетъ прибѣгать къ выпуску излишняго (противъ запаса золота) количества бумажныхъ денегъ. Между тѣмъ, широкіе слои населенія не замѣчаютъ и не понимаютъ этого перваго и основного момента и сами того не сознавая, переживаютъ все худшее и худшее состояніе и только при девальвации какъ бы внезапно пробуждаются и требуютъ обратно того, что поглотили уже пережитыя бѣдствія, забывая, что жизнь не ждетъ и былого не вернуть!

Наконецъ, что касается послѣдняго, третьяго изъ указанныхъ выше способовъ восстановленія нормальнаго торгово-денежнаго оборота, то основная идея этого способа заключается въ слѣдующемъ.

Чтобы противодействовать паденію заграничнаго курса на наши бумажныя деньги необходимо считаться съ состояніемъ расчетнаго баланса и именно въ томъ направленіи, чтобы въ моментъ наступленія расчета имѣлась на готовѣ

сумма металлическихъ денегъ или легко реализуемыхъ обязательствъ на золото (или какой либо иной товаръ), соотвѣтствующая разницѣ взаимныхъ обязательствъ. Для покрытія этой разницы государство съ неблагопріятнымъ для него расчетнымъ балансомъ вынуждается или вывозить золото, или заключать за границей займы на металлъ.

По отношенію къ имѣющемуся внутри государства металлическому запасу правительство само или черезъ посредство какого-либо центрального банка во избѣжаніе спекуляціи беретъ на себя всѣ расчеты съ заграничными контрагентами путемъ тщательной провѣрки обязательствъ (съ желаніемъ ихъ ограничивать), выдачи валюты и фиксаціи курса. На ряду съ этимъ устанавливается воспрещеніе вывоза или пересылки бумажныхъ денегъ за границу.

Всѣ эти мѣры на столько стѣснительны, что, разумѣется, сколько-нибудь продолжительное время не могутъ существовать, если только за государственнымъ регулированіемъ валюты не скрывается полная возможность установленія свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія, какъ то мы имѣемъ на примѣръ Австро-Венгрии въ періодъ 1892—1912 гг.

Такимъ образомъ, и эта мѣра требуетъ во 1-хъ, наличности вполнѣ достаточнаго металлическаго фонда и во 2-хъ, очень напряженную дѣятельность особаго органа или учрежденія, слѣдящаго и регулирующаго взаимный спросъ и предложеніе по отношенію къ иностраннымъ обязательствамъ. Но и при этихъ условіяхъ эта мѣра не можетъ не быть временной, переходной къ установленію свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлъ.

При всемъ различіи установленныхъ сейчасъ трехъ категорій мѣропріятій между ними есть одно и очень существенное общее условіе,—это наличность достаточнаго металлическаго фонда.

Но можетъ возникнуть сомнѣніе, въ состояніи ли имѣть въ ближайшее время соотвѣтствующій металлическій фондъ хотя бы какая-либо изъ современныхъ культурныхъ странъ, вовлеченныхъ въ мировую войну и прибѣгшихъ къ выпуску чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ? и нѣтъ ли иног-

средства возстановить нормальный порядокъ въ денежномъ обращеніи помимо золота?

Эти вопросы сейчасъ очень занимаютъ умы экономистовъ, а потому и мы остановимся на нихъ нѣсколько въ заключеніе настоящаго очерка.

V.

Нужны ли золотыя деньги? Мнѣніе проф. М. И. Тугана-Барановскаго и его критика. Идея „трудовыхъ денегъ“. Заключение: главнѣйшія мѣропріятія по возстановленію у насъ здороваго денежнаго обращенія.

Уже много времени экономисты думаютъ о томъ, чтобы „удешевить“ нынѣшній, признаваемый наукой наилучшимъ золотой аппаратъ денежнаго обращенія. Да и эволюція формъ денегъ какъ бы тоже указываетъ намъ на то, что развитіе денегъ знаменуется переходомъ отъ болѣе громоздкихъ товаровъ—посредниковъ къ менѣе громоздкимъ и болѣе удобнымъ, портативнымъ средствамъ; въ связи съ этимъ само собой рождается мысль достигъ еще большаго утонченія и совершенствованія современнаго аппарата денегъ, превративъ ихъ изъ металлическихъ въ какія-нибудь другія,—хотя бы въ бумажныя.

Такъ, на примѣръ, указываютъ на тотъ фактъ, что вѣдь при выпускѣ бумажныхъ денегъ металлическій фондъ, призванный служить для нихъ обезпеченіемъ, является или просто пустой фикціей или втунѣ лежащимъ мертвымъ капиталомъ, будучи при нормальномъ состояніи денежнаго обращенія излишнимъ, такъ какъ всѣ охотно принимаютъ и бумажныя деньги, не обнаруживающія никакихъ печальныхъ послѣдствій; при „патологическомъ“ же состояніи денежнаго обращенія стремятся, прежде всего предохранить золотой запасъ отъ истощенія, и такимъ образомъ, металлическія деньги опять становятся ненужными, такъ какъ они не обращаются, а просто лежатъ въ кладовыхъ казначейства.

„Необходимость этого, казалось бы, совершенно непроизводительнаго храненія колоссальныхъ запасовъ ме-

талла, никогда не поступающих въ обращение, объясняется, по мнѣнію проф. М. И. Туганъ-Барановскаго (см. его новѣйшее изслѣдованіе „Бумажныя деньги и металл“), мотивами народной психологіи“. „Человѣчество, говоритъ онъ, еще не доросло до бумажныхъ денегъ въ чистомъ видѣ, безъ металлическаго фундамента, ибо только при наличности крупнаго металлическаго запаса въ центральномъ финансовомъ учрежденіи страны, бумажныя деньги внушаютъ довѣріе“.

„Въ будущемъ, думаетъ цитируемый мною авторъ, металлическіе запасы будутъ ликвидированы съ выгодой для развитія производительныхъ силъ общества, ибо эти покоящіеся запасы металла, превратившись въ полезные товары, увеличатъ хозяйственную мощь общества“.

Такое сужденіе о металлическихъ деньгахъ можетъ вызвать къ себѣ критическую оцѣнку во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего въ этомъ сужденіи смѣшиваются двѣ вещи: истинная сущность, или идея денегъ и внѣшнее выраженіе или ихъ форма, тѣснымъ образомъ связанная всѣмъ современнымъ капиталистическимъ строемъ.

По своему существу деньги являются прежде всего средствомъ или орудіемъ обращенія; при чемъ въ природѣ денегъ мы имѣемъ двѣ стороны: матеріально-хозяйственную и государственно-правовую.

Первая изъ этихъ сторонъ можетъ выражаться двоякимъ образомъ: матеріальная цѣнность денегъ можетъ быть на лицо, въ настоящемъ, и тогда мы имѣемъ полноцѣнные металлическія (золотыя) деньги; или эта матеріальная сторона денегъ можетъ быть представлена, какъ равноцѣнность (эквивалентъ) въ будущемъ и тогда мы имѣемъ кредитныя (бумажныя) деньги. Но кредитъ не есть что-либо фиктивное или нематеріальное: подъ кредитомъ мы не можемъ себѣ представлять ничего иного какъ товарный эквивалентный обмѣнъ.

Слѣдовательно, если не золото, то что-нибудь матеріальное (товарное) должно обезпечивать „добропорядочность“ бумажныхъ денегъ, какъ кредитныхъ знаковъ, или обязательствъ. И стремленіе видѣть въ металлѣ именно этого

рода матеріально-товарное обезпеченіе диктуется не какой либо ложной или иллюзорной „народной психологіей“, а здоровымъ чутьемъ, если не всегда пониманіемъ, истинной природы денегъ, какъ „наиболѣе ходкаго товара изъ всѣхъ товаровъ обращающихся на рынкѣ“.

Разумѣется, это не отрицаетъ „возможности“ замѣны запаса металла соответствующимъ запасомъ иныхъ матеріальныхъ благъ (товаровъ) или даже и нематеріальныхъ благъ, какъ на примѣръ, право пользованія различными культурными цѣнностями, услугами и т. д. Но и за всѣмъ тѣмъ во всякомъ бумажно-кредитномъ знакѣ неизбѣжно будетъ скрываться его матеріальная сущность,—затраченный человѣческій трудъ.

И съ этой точки зрѣнія при такомъ идеальномъ общественномъ строѣ, когда всѣ затраты народнаго труда будутъ строго регулироваться согласно спеціальнымъ нормамъ или положеніямъ, тогда, дѣйствительно, денежно-товарный оборотъ явится излишнимъ, такъ какъ всякій производитель будетъ получать свою строго опредѣленную долю въ общественномъ продуктѣ народнаго труда въ соответствіи со своей собственной затратой своихъ личныхъ трудовыхъ усилій.

Въ этомъ смыслѣ великіе утописты XIX вѣка уже давно говорятъ о „трудовыхъ деньгахъ“, но при этомъ они не упускаютъ изъ виду того обстоятельства, что деньги, какъ таковыя, лишь отраженіе современныхъ имъ общественно-экономическихъ отношеній; и что не деньги измѣняютъ эти отношенія, а наоборотъ, только при измѣненіи самихъ отношеній должны будутъ измѣниться и внѣшнія формы денегъ.

Если же не заглядывать такъ далеко впередъ и имѣть въ виду, что мы еще долго будемъ находиться въ условіяхъ современнаго, капиталистическаго строя, въ которомъ какъ бы инстинктивно вырабатывается соответствующая „народная психологія“, то неизбѣжно приходится думать о золотомъ фондѣ. Къ этому въ концѣ концовъ приходитъ и проф. М. И. Туганъ-Барановскій, особенно подчеркивающий, что „правильная денежная политика предписываетъ въ ближайшемъ будущемъ не только не отказываться отъ собиранія

крупныхъ металлическихъ запасовъ, но всячески ихъ охранять и избѣгать непроизводительной растраты ихъ“.

Но и тутъ, не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать значеніе золота и золотыхъ фондовъ: не въ исключительномъ ихъ накопленіи сущность прогресса народнаго хозяйства. Эти фонды имѣютъ хоть и большое, но тѣмъ не менѣе очень условное и относительное значеніе: ихъ смыслъ опредѣляется тѣмъ, поскольку они нужны для основъ здороваго денежнаго оборота и въ тѣмъ меньшемъ количествѣ, чѣмъ быстрѣе будутъ деньги обращаться.

Отсюда, при широко развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, при высокой производительности народнаго труда, при болѣе совершенномъ кредитно-денежномъ аппаратѣ золотыя фонды и не должны быть чрезмѣрно велики; всякое сверхъ данной нормы дальнѣйшее накопленіе металла является излишнимъ и безразсуднымъ, поскольку въ этомъ накопленіи мы имѣемъ омертвѣлый человѣческой трудъ не достигающій своей конечной цѣли—удовлетворенія потребностей.

Имѣя въ виду все мною сказанное, необходимо прійти къ тому общему заключенію, что намъ при оздоровленіи нашего расшатавшагося денежнаго обращенія придется имѣть дѣло не съ мечтой о какихъ-нибудь „бумажныхъ деньгахъ въ чистомъ видѣ, безъ металлическаго фундамента“, а съ тѣми раціональными мѣропріятіями, къ которымъ прибѣгали всѣ культурныя страны и наше отечество въ томъ числѣ, всякій разъ, когда чрезвычайныя обстоятельства вынуждали ихъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ ресурсамъ.

При этомъ безразлично, къ какому бы изъ указанныхъ мною выше способовъ намъ ни пришлось прибѣгнуть, мы необходимо должны будемъ принять цѣлый рядъ мѣръ предварительнаго характера.

Не имѣя возможности сейчасъ установить исчерпывающимъ образомъ всю программу такихъ мѣропріятій, я заключаю свой настоящій очеркъ лишь указаніемъ на неотложность нижеслѣдующихъ, — на мой взглядъ главнѣйшихъ, — мѣръ:

1. Заключение внутренняго займа въ цѣляхъ изытія по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ всего количества выпущенныхъ за время войны бумажныхъ денегъ. Такой заемъ при надлежащей пропагандѣ и выясненіи его цѣли могъ бы имѣть успѣхъ среди населенія, какъ специальный „денежный“ заемъ, но, разумѣется, при условіи немедленнаго объявленія о недопустимости дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ безъ полнаго ихъ покрытія металломъ (золотомъ);

2. Привлеченіе иностранныхъ (американскихъ) капиталовъ подъ условіемъ предоставленія выгоднаго для нихъ использованія Сибирскихъ богатствъ, въ особенности по добычѣ золота;

3. Принятіе самыхъ неотложныхъ мѣръ:

а) по поднятію сельско-хозяйственной производительности подъ непосредственнымъ контролемъ мѣстныхъ земельныхъ и продовольственныхъ комитетовъ;

б) по поднятію добывающей и обрабатывающей промышленности подъ непосредственнымъ контролемъ и руководствомъ специально для того организованныхъ промышленныхъ комитетовъ (путемъ нѣкотораго измѣненія функций нынѣ существующихъ военно-промышленныхъ комитетовъ);

в) по возсозданію могучаго торговаго флота въ связи съ развитіемъ международнаго транспорта и созданіемъ вольныхъ гаваней, въ цѣляхъ отказа отъ иностраннаго посредничества при международномъ товарномъ обмѣнѣ;

г) по поднятію отечественныхъ курортовъ и использованію естественныхъ цѣлебныхъ источниковъ, хотя бы съ самымъ широкимъ привлеченіемъ иностранныхъ предпринимателей; наконецъ,

д) по повышенію и совершенному переустройству всей нашей налоговой системы съ кореннымъ пересмотромъ всего нашего доходнаго государственнаго бюджета съ т. зр. новыхъ требованій демократическаго строя.

Только при планомѣрномъ и твердомъ проведеніи въ жизнь всѣхъ этихъ неотложныхъ задачъ предстоящей у насъ здоровой экономической политики можно думать о цѣлесообразномъ достиженіи нашей главной цѣли—возстановленія

разстроена война и революцией денежного аппарата, т. е. установления свободного обмена бумажных денег на металл.

При успешном осуществлении вышеперечисленных мѣръ можно быть увѣреннымъ, что деньги сами изъ „бумажныхъ“ превратятся въ золотые!

Основы капитализма.

I.

Капиталистическій строй, какъ одна изъ стадій въ развитіи народнаго хозяйства; предшествующія ему стадіи „натуральнаго“ и „простого товарнаго“ хозяйства; послѣдующая за нимъ стадія „соціалистическаго“ хозяйства.

То, что сейчасъ мы переживаемъ у себя на родинѣ и чтó, быть можетъ, роковымъ образомъ предстоитъ пережить и другимъ странамъ современнаго культурнаго міра, представляетъ собою смѣлую попытку человѣческой воли внезапно пересоздать весь исторически сложившійся современный намъ общественный строй соотвѣтственно требованіямъ нашего сознанія, въ согласіи съ нашимъ чувствомъ высшей справедливости.

Эти требованія—не что иное, какъ стремленіе къ разрѣшенію тѣхъ основныхъ противорѣчій между существующимъ и должнымъ, которыми такъ богатъ нашъ современный общественно-хозяйственный бытъ, именуемый нами „капитализмомъ“.

Отсюда, для того, чтобы понять эти требованія мы должны прежде всего усвоить себѣ тѣ основы, на которыхъ покоются эти современныя общественно-хозяйственныя противорѣчія.

Въ этомъ отношеніи прежде всего необходимо отмѣтить то обстоятельство, что „капитализмъ“ является выраженіемъ одной изъ стадій въ долгомъ историческомъ развитіи народнаго хозяйства современныхъ Западно-европейскихъ культурныхъ странъ.

Въ противоположность простому непосредственно наблюдаемому нами факту измѣненія мы устанавливаемъ болѣе сложное научное понятіе „развитія“.

По отношенію къ явленіямъ жизни, вообще, это понятіе развитія получило себѣ особое наименованіе „эволюціи“; а по отношенію къ историческому развитію человѣческихъ обществъ—„прогресса“.

Основаніемъ общаго понятія развитія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково служить идея. Идеей „эволюціи“ является для насъ переходъ отъ болѣе простаго къ болѣе сложному—отъ амёбы, протоплазмы до организма высшаго порядка. Идея „прогресса“ заключается въ признаки духовнаго совершенствованія человѣка.

Чтобы лучше уяснить себѣ развитіе цѣлаго, охватываемаго единствомъ идеи, мы прибѣгаемъ къ особому научному приему: разбиваемъ это цѣлое на отдѣльныя послѣдовательныя части, называемыя нами ступенями, или стадіями въ развитіи даннаго, по существу единого, историческаго процесса.

Прилагая идею прогресса къ исторіи развитія формъ народно-хозяйственной жизни, мы можемъ установить рядъ отдѣльныхъ „стадій“ въ этомъ развитіи съ т. зр. приближенія къ социальному идеалу, подъ чѣмъ будемъ понимать стремленіе къ наивозможно большому освобожденію человѣческой личности отъ внѣшней матеріальной зависимости въ процессѣ ея свободнаго духовнаго совершенствованія.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ установить три стадіи въ развитіи народно-хозяйственной жизни народовъ западно-европейской культуры: стадію „натуральнаго“ хозяйства, стадію „простаго товарнаго обращенія“ и стадію современную, — капиталистическаго хозяйства, или просто „капитализма“.

Первая изъ этихъ стадій получила себѣ наименованіе „натуральнаго“ хозяйства потому, что она не знаетъ еще почти вовсе никакого обмѣна услугами или благами между людьми; каждое хозяйство замыкается въ тѣсныя рамки своей семьи и все, что оно производитъ, производитъ только для себя, на собственныя нужды. Эта стадія характеризуется еще чрезвычайной близостью человѣка къ окружающей его природѣ и полной зависимостью отъ нея. Отсюда и зависи-

мость человеческой личности отъ внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ на этой стадіи ея развитія обнаруживается въ наибольшей степени. Эта стадія въ нѣкоторомъ отношеніи соотвѣтствуетъ современному быту дикарей и кочующихъ племенъ.

Слѣдующая за этой стадіей — стадія „простого товарнаго обращенія“ именуется такъ потому, что вслѣдствіе раздѣленія труда постепенно образуются мѣновыя сношенія, какъ между отдѣльными племенами, родами и семействами, такъ и между отдѣльными людьми. Производство необходимыхъ для жизни благъ постепенно измѣняется въ томъ направленіи, что одно хозяйство уже оказывается не въ состояніи удовлетворить собственнымъ производствомъ всё свои уже болѣе развитыя потребности и начинаетъ изготовлять такіе предметы, въ которыхъ оно само не нуждается, но въ которыхъ нуждаются другія хозяйства, готовые въ свою очередь обмѣнять на эти предметы то, что нужно первому хозяйству. Изъ взаимнаго обмѣна этими продуктами постепенно образуется торговля и тогда самые предметы, изготовляемые не для собственного потребленія, а для сбыта, называются товарами. При этой, болѣе высокой ступени развитія человеческого общенія мы находимъ уже относительно меньшую зависимость человѣка и отъ природы, и отъ внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ, вообще. Но, правда, долгое время это относится только къ небольшой части общества, а именно, къ поземельной аристократіи и высшему духовенству, захватившихъ въ свои руки обширныя земельныя пространства и заставлявшихъ на себя работать подневольное, крѣпостное крестьянство.

Третья стадія, опредѣляющая собою современный намъ капиталистическій хозяйственный строй освобождаетъ еще одну часть населенія отъ внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ, такъ называемыхъ „капиталистовъ“, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ необходимыми для производства орудіями и средствами. Эти орудія, машины и средства образуютъ одно общее понятіе „капиталъ“, потому что черезъ приложеніе къ нему наемныхъ рабочихъ получается доходъ, распределяемый между самими производителями—рабочими—и собственниками этихъ орудій, машинъ и средствъ. Отсюда уже

ясно, что освобождение капиталистовъ отъ внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ пріобрѣтается за счетъ закабаленія рабочихъ. Въ этомъ, какъ мы увидимъ, и состоитъ одно изъ основныхъ противорѣчій между существующимъ порядкомъ вещей и нашими стремленіями къ духовному совершенствованію личности.

Изъ сознанія такого противорѣчія рождается наша увѣренность въ преходящемъ характерѣ современнаго хозяйственнаго строя и въ смѣнѣ его инымъ строемъ, въ которомъ свобода всѣхъ будетъ достигаться равномѣрнымъ распределеніемъ тяготъ матеріальныхъ нуждъ и заботъ въ связи со справедливымъ осуществленіемъ всѣми общей народной трудовой повинности. Только при такомъ обеспеченіи всѣмъ необходимымъ для матеріальнаго существованія человѣческая личность, поистинѣ, можетъ стремиться къ своему духовному совершенствованію.

Такой будущій строй мы и называемъ социалистическимъ, или просто „соціализмомъ“, какъ такой строй, который въ значительно большей степени приближаетъ насъ къ социальному идеалу.

Посмотримъ теперь, каковы основы современнаго капиталистическаго строя съ точки зрѣнія сейчасъ мною указаннаго идеалистическаго социализма.

Остановимся на трехъ главнѣйшихъ основахъ всякаго сколько-нибудь развитога хозяйственнаго строя, а именно, на понятіи человѣческой личности, на идеѣ собственности и на проявленіи человѣкомъ его хозяйственной инициативы.

Начнемъ съ понятія личности.

II.

Человѣческая личность, какъ нравственная самоцѣль и „хозяйственное средство“.

Современное понятіе человѣческой личности и связанное съ нимъ понятіе личной свободы далеко выходитъ за предѣлы чисто экономической области вопросовъ, соприкасаясь

самымъ тѣснымъ образомъ съ областью проблемъ морально-правового характера.

Прежде всего мы сейчасъ живемъ въ такую историческую эпоху, когда въ результатѣ научно-философскаго размышленія мы всѣ твердо усвоили себѣ положеніе, что человѣческая личность является самоопредѣляющей самоцѣлью. Вотъ, какъ объ этомъ говоритъ великій философъ *Иммануиль Кантъ*:

„Во всемъ твореніи все, что угодно и для чего угодно, имѣетъ значеніе только какъ средство; но человѣкъ, а съ нимъ каждое разумное созданіе, есть цѣль въ себѣ самомъ“.

Теперь это для насъ уже стало самоочевидной истиной и мы не можемъ себѣ представить, чтобы человѣческая личность могла стать средствомъ для достиженія нѣкоторой цѣли, находящейся внѣ этой личности. Между тѣмъ, эта самоочевидная истина досталась намъ въ результатѣ долгой и напряженной борьбы. Цѣлыя эпохи предшествовали даже только тому, чтобы личная свобода могла являться привилегіей хотя бы отдѣльныхъ кастъ и сословій.

Затѣмъ столь же продолжительно добывали свободы и другія части населенія. Да и сейчасъ, по отношенію къ современному капиталистическому строю, мы наблюдаемъ наличность очень рѣзкаго внутренняго противорѣчія, что можетъ служить доказательствомъ того, на сколько современная философско-этическая мысль далеко опередила современное фактическое состояніе вещей.

Въ то время, когда мы сознаемъ, что личность является самоцѣлью, весь капиталистическій строй основанъ на томъ, чтобы подчинить себѣ личность и смотрѣть на нее, какъ на орудіе производства. Характернымъ при этомъ является еще то грубое противорѣчіе, какое мы наблюдаемъ между формально-правовымъ самосознаніемъ и фактическимъ его содержаніемъ.

Капитализмъ уже на самой зарѣ своего зарожденія выкинулъ лозунгъ свободы юридической и именно эта юридическая свобода личности знаменуетъ собою переходъ предшествовавшей стадіи „простого товарнаго хозяйства“ (феодално-городскаго) къ капиталистическому хозяйству.

Промышленный капитализмъ всюду, гдѣ онъ зарождался, являлся носителемъ либеральныхъ идей. Въ чемъ же заключался этотъ либерализмъ? Что разумѣютъ капиталисты, требуя юридической или гражданской свободы личности?

Прежде всего капитализмъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы сломить тѣ замкнутыя рамки, въ которыхъ держалась средневѣковая, феодально-городская промышленность въ формѣ, такъ называемыхъ, „цеховыхъ“ организаций. Эти „цехи“ или „гильдіи“ покоились на томъ, что каждое лицо было связано строго опредѣленнымъ трудомъ или занятіемъ, которому оно себя посвящало на всю жизнь. Противъ этого выступилъ капитализмъ, и „свобода въ выборѣ профессій“ является лозунгомъ, первымъ стремленіемъ современнаго капитализма.

Не трудно догадаться, для чего капиталисты выдвинули этотъ либеральный лозунгъ: разумѣется, имъ чрезвычайно важна была юридическая свобода, дабы рабочій „свободно“ могъ отчуждать свою рабочую силу, которая такимъ образомъ могла бы являться „свободнымъ“ предметомъ купли—продажи, т. е. товаромъ.

Такимъ образомъ, на мѣсто высшей идеи личной свободы передъ капиталистами сталъ идолъ, или „фетишъ“ свободы рабочей силы, „рабочихъ рукъ“, какъ еще до сихъ поръ называютъ рабочихъ въ Англии. Отдѣливъ отъ личности ея рабочую силу, капиталистъ забываетъ о личности и оперируетъ только купленной имъ рабочей силой, какъ простымъ товаромъ, т. е. стремится использовать эту производительную силу въ своихъ личныхъ выгодахъ.

На ряду съ сейчасъ указанной свободой въ выборѣ себѣ занятій или профессіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ капитализма создалась еще одна форма личной свободы, тѣсно связанной съ иными требованіями предшествующаго строя. Я имѣю въ виду свободу передвиженія, т. е. право мѣнять свое мѣсто жительства по собственному желанію и усмотрѣнію.

Какъ въ древнемъ мірѣ рабство, такъ въ феодальную эпоху существовала крѣпостная зависимость и не только по отношенію къ одному сельскому населенію; особенными

регламентами и статутами устанавливалось чрезвычайное стѣсненіе и даже прямой запретъ мѣнять свое мѣстопробываніе по отношенію ко всему городскому промышленному населенію.

Всякій промысловый работникъ приписывался къ своему спеціальному цеху и кромѣ „годовъ ученичества“ почти всю свою жизнь проводилъ въ своемъ родномъ городѣ. Такая связанность лица съ мѣстомъ, гдѣ находилась его собственность или гдѣ это лицо могло прилагать свой трудъ,—стояла въ самой тѣсной зависимости отъ всего тогдашняго государственнаго строя, бравшаго на себя полицейскую опеку надъ личностью и потому не даромъ называвшагося „полицейскимъ“ строемъ.

И эта форма зависимости должна была пасть, какъ только зарождавшійся капитализмъ провозгласилъ необходимую для него свободу промышленности; вмѣстѣ съ этой свободой была признана и свобода передвиженія.

Наконецъ, есть еще одна форма свободы, которую взялъ подъ свою охрану капитализмъ—это „свобода конкуренціи“, т. е. беспрепятственное соревнованіе между отдѣльными лицами, выступающими въ какой-либо однородной сферѣ дѣятельности и имѣющими въ виду каждый только одну собственную выгоду. И этой свободѣ предшествующій капитализму хозяйственный строй противопоставлялъ или строгую регламентацію цеховъ, а позже городской и государственной власти, устанавливавшихъ опредѣленную оцѣнку предметовъ и услугъ (таксу); или фактической захватъ рынка отдѣльными торгово-промышленными компаніями; или, наконецъ, просто объявленіемъ на извѣстныя продукты государственной монополіи. Все это не могло не стѣснять нарождающуюся крупную фабрично-заводскую промышленность, и капитализмъ, явившійся ея выразителемъ, не могъ не потребовать уничтоженія стѣсненій со стороны цеховъ, городовъ, торговыхъ компаній и государственной монополіи. Такъ создалось начало свободной конкуренціи, начало, какъ мы увидимъ дальше, тоже лишь номинальное или формально-правовое, такъ какъ тотъ же капитализмъ въ наши дни самъ изъ себя создалъ такія исключительныя, монопольныя условія производства и

сбыта, которыя никому не могли представляться въ предшествовавшія историческія эпохи самага наибольшаго стѣсненія промышленности.

III.

Частная собственность, ея психологическая и соціально-экономическая природа. Понятіе капитала

Перейдемъ теперь къ другому основному началу капитализма—собственности.

Проблема собственности является одной изъ сложнѣйшихъ проблемъ научнаго мышленія. Также, какъ и проблема личности, она выходитъ далеко за предѣлы интересующей насъ научной отрасли. И тутъ мы имѣемъ дѣло не только съ міромъ отношеній соціально-экономическихъ, но также вступаемъ и въ область философско-этического построения.

Если такъ, то никого не должна удивить наличность слѣдующихъ двухъ прямо-противоположныхъ пониманій и оцѣнокъ этой проблемы: съ одной стороны, насъ убѣждаютъ въ томъ, что собственность „священна и неприкосновенна“; съ другой стороны, такой великій гуманистъ, какъ *Прудонъ*, высказываетъ глубокое убѣжденіе, раздѣляемое многими идеалистами, что „собственность—это воровство“.

Чтобы возможно болѣе отчетливо ориентироваться въ этихъ противорѣчивыхъ утвержденіяхъ, я остановлюсь сначала на общей психологической основѣ проблемы собственности, а потомъ на соціально-экономической ея сущности.

Прежде всего, если углубиться мыслью въ природу собственности, какъ психическаго явленія, то легко можно наблюдать, что этого рода переживанія присущи не только всякому человѣку, но и всякому живому существу, вообще. Самыя бѣглыя наблюденія надъ животнымъ міромъ указываютъ съ безспорной очевидностью на существованіе нѣкотораго инстинкта собственности. Если прибѣгнуть къ методу раздраженія, который заключается въ томъ, что заглушаемые или далеко скрытые въ нашей природѣ инстинкты пробуждаются очень рѣзко и сильно, если ихъ раздражать, то въ фактъ существованія чувства или инстинкта собственности

легко убѣждаешься по отношенію ко всякому животному. Попробуемъ отнять медь у пчелы, кость у собаки, я уже не говорю о томъ, если приблизиться и попытаться отнять дѣтеншей у самки животнаго. Если это такъ, то неудивительно, что это первичное чувство собственности, въ томъ или другомъ измѣненіи, присуще всему человѣческому роду. И вошь на стадіи первобытнаго хозяйства встрѣчается чрезвычайно рѣзко выраженнымъ не только инстинктъ, но и сознание собственности; создается нѣкотораго рода представленіе о томъ, что собственность даннаго физическаго лица является ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ его же личности психической. Какъ мать не можетъ отдѣлить отъ себя дѣтеныша, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи понятія собственности чело-вѣкъ не можетъ отдѣлить отъ себя тотъ амулетъ, который онъ носить, то орудіе, которымъ онъ владѣетъ, ту жену, которую онъ считаетъ своей (вспоминается десятая заповѣдь). И въ результатѣ мы имѣемъ тотъ фактъ, что когда кончается земное существованіе первобытнаго дикаря, то съ нимъ вмѣстѣ предается уничтоженію все то, на что распространялась его психическая личность. Это первичное чувство, а затѣмъ и болѣе развитое сознание своей собственности, является чрезвычайно важнымъ фактомъ, съ которымъ нельзя не считаться при построеніи и экономическихъ ученій о собственности.

Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія экономической такіе предметы собственности, которые имѣютъ значеніе исключительно для данной личности, служа какъ бы продолженіемъ его личнаго „я“, выдѣляются въ особую категорію „предметовъ потребленія“ въ широкомъ смыслѣ слова. И этой категоріи противопоставляютъ другую категорію предметовъ, которые служатъ необходимыми орудіями или средствами въ очень сложномъ современномъ процессѣ производства.

Но что это за предметы? познакомимся ближе съ ихъ особенностью.

Прежде всего надо ясно себѣ представить, какъ развивались постепенно производительныя силы каждаго народа. И тутъ мы должны заключить, что всякій сколько нибудь значительный ростъ производительныхъ силъ тѣснымъ обра-

зомъ опредѣлялся тѣмъ, въ какой степени происходило накопленіе коллективныхъ силъ, т. е. энергіи цѣлыхъ поколѣній работниковъ.

До тѣхъ поръ, пока производство отдѣльнаго работника обуславливается исключительно одними размѣрами того, что имъ потребляется, тогда, естественно, что и въ результатѣ производства цѣлаго множества такихъ работниковъ за удовлетвореніемъ ихъ необходимыхъ потребностей ничего не остается. Таково и было первобытное производство дикаря.

Но когда въ результатѣ затраты рабочихъ силъ получается столько продуктовъ, что по удовлетвореніи всѣхъ неотложныхъ нуждъ работниковъ — производителей, еще остается нѣкоторый излишекъ, и когда этотъ излишекъ силъ, превращенный въ предметы, постепенно возрастаетъ и накапливается, образуя все болѣе и болѣе могучую коллективную силу всего народа, тогда только наступаетъ дѣйствительное развитіе народнаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ слова.

Что это за излишекъ силъ и почему онъ имѣетъ такое большое значеніе?

Дѣло въ томъ, что эти накапливающіяся въ человѣчествѣ силы идутъ на созданіе такъ называемыхъ „орудій производства“. Въ противоположность первобытному дикарю современный рабочій не можетъ выступать въ производствѣ съ одними голыми руками. Между нимъ и тѣмъ предметомъ природы, на который онъ воздѣйствуетъ, становится посредствующее звено, особое средство, имѣющее въ виду усилить это хозяйственно-трудовое воздѣйствіе человѣка на природу.

Вотъ этимъ звеномъ и являются „орудія производства“, куда относятся инструменты, машины, зданія, сырье и т. д.; однимъ словомъ все, что служитъ средствомъ хозяйственной производительной дѣятельности человѣка, а не предметами непосредственнаго его потребленія.

Не трудно убѣдиться въ томъ, что орудія, инструменты, машины и т. д. являются коллективными цѣнностями, т. е. такими цѣнностями, которыя обязаны своимъ проис-

хожденіемъ не единичному лицу, участвовавшему въ ихъ производствѣ, а коллективной затратѣ силъ цѣлаго народа, быть можетъ цѣлыхъ поколѣній и даже всего человѣчества!

Если это такъ, то спрашивается почему-же существуетъ частная собственность на эти коллективныя цѣнности, для чего эта собственность существуетъ и должна ли эта собственность существовать?

На первый изъ этихъ вопросовъ я долженъ прямо отвѣтить: нѣтъ и не можетъ быть по существу никакихъ разумныхъ основаній для того, чтобы на всю коллективную цѣнность или на часть ея могло претендовать какое либо отдѣльное лицо, въ качествѣ собственника. Такого основанія повторяю нѣтъ и не можетъ быть, и потому въ самомъ фактѣ существованія собственности на орудія производства мы имѣемъ одно изъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій между реальной исторической дѣйствительностью и нашими разумно-моральными требованіями.

Какъ могъ образоваться этотъ видъ собственности и для чего онъ существуетъ или чему служить—на все это даетъ чрезвычайно полный и глубоко обоснованный отвѣтъ *Карль Марксъ* въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Капиталъ“. Въ первомъ томѣ этого изслѣдованія можно найти блестящія страницы описанія того процесса, который *Марксъ* иронически называетъ „первоначальнымъ накопленіемъ“, но который въ дѣйствительности заключался сначала въ простомъ фактѣ открытаго насилія и принудительнаго захвата, а позже въ прикрытомъ официальнымъ правомъ использованіи рабочихъ массъ, въ томъ, что называютъ „эксплоатаціей труда капиталомъ“.

Изъ указаннаго самъ собою вытекаетъ отвѣтъ и на вопросъ, для чего существуетъ собственность на орудія производства и чему она служитъ. Разумѣется, такая собственность является средствомъ обогащенія имущихъ (капиталистовъ) и только ихъ интересамъ она служитъ. А если такъ, то ясно само собою, что такое положеніе вещей стоитъ въ противорѣчьи съ нашими высшими требованіями и потому частная собственность на все то, что служитъ средствомъ использованія (эксплоатаціи) чужого труда, не

должна находить себѣ мѣсто въ томъ общественно-экономическомъ строѣ, къ которому мы стремимся во имя своего идеала.

IV.

Хозяйственная инициатива и начало „свободы конкуренціи“.

Переходимъ, наконецъ, къ третьей основѣ современнаго капиталистическаго строя—къ хозяйственной инициативѣ.

Хозяйственная инициатива и связанное съ нею сознаніе личнаго расчета, выгоды, личнаго хозяйственнаго интереса является по существу продуктомъ капитализма. Въ предшествовавшихъ ему стадіяхъ развитія хозяйственной жизни личная инициатива совершенно поглощалась коллективной волей рода, племени, семьи, а позже городской власти, государства и его учреждений. Возьмемъ ли мы еще столь мало изслѣдованную область матриархата, когда во главѣ коллективнаго цѣлаго стояла мать, или область патриархата, когда власть надъ цѣлымъ переходитъ къ отцу, или возьмемъ позднѣйшія эпохи, какъ, напримѣръ средневѣковое городское хозяйство, когда все производство строго регулировалось въ интересахъ членовъ данной городской общины, или, наконецъ, такъ называемый, „полицейскій“ режимъ абсолютной монархіи, каковой напримѣръ была Пруссія въ 18 вѣкѣ, когда король прусскій Фридрихъ Великій самъ бралъ на себя инициативу хозяйственной жизни и самъ обходилъ дома хозяекъ, предписывая имъ правила веденія хозяйства; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ одну и ту же тенденцію: недовѣріе къ частной инициативѣ и стремленіе замѣнить личную волю волей публичнаго органа „власти“. Всѣмъ этимъ многочисленнымъ видамъ и формамъ подавленія личной инициативы положилъ конецъ современный капитализмъ.

Новый капиталистическій строй чрезвычайно отчетливо выдвинулъ новую фигуру капиталиста—предпринимателя и все то, чѣмъ мы сейчасъ пользуемся для удовлетворенія всѣхъ нашихъ потребностей, является по преимуществу результатомъ дѣятельности этихъ отдѣльныхъ частныхъ капи-

талистовъ-предпринимателей. Отказываясь отъ созданія ка-кого-нибудь коллективнаго органа для регулированія очень сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, современный строй всецѣло покоится на личной [иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ, берущихъ на себя по существу въ высшей степени важную и отвѣтственную задачу—заботу о всеобщемъ благосостояніи. Выполняютъ ли капиталисты-предприниматели эту задачу? въ состояніи ли они ея выполнить сколько-нибудь удовлетво-рительно для всего населенія?

Вспомнимъ, что, какъ уже было указано мною раньше, современные капиталисты-предприниматели, будучи свобод-ными частными лицами, вовсе не обязаны заботиться о всеоб-щемъ благѣ; какъ частныя лица, они въ правѣ заботиться да и фактически, конечно, заботятся прежде всего о себѣ, о существованіи своихъ семей и близкихъ къ нимъ лицъ. Удивительно ли послѣ того что среди даже самыхъ бога-тыхъ и культурныхъ народовъ продолжаютъ пребывать нужда, голодь, лишенія?

Отвѣтственны ли за это отдѣльные капиталисты-пред-приниматели? Разумѣется—нѣтъ. Причину всего слѣдуетъ искать глубже и тогда передъ нами во всемъ своемъ значе-ніи встанетъ новое коренное противорѣчіе, присущее совре-менному капиталистическому строю.

Въ силу современныхъ господствующихъ началъ сво-боды личности и частной собственности на средства произ-водства частный предприниматель добровольно и охотно беретъ на себя заботу о предоставленіи необходимыхъ всему населенію хозяйственныхъ благъ, потому что это ему выгодно, обезпечиваетъ его средствами существованія; разумѣется, при этомъ онъ руководится не какими либо высшими сообра-женіями или высшимъ призваніемъ, а исключительно своими непосредственными интересами, выгодами и направленными на нихъ своими хозяйственными способностями и даже талан-тами.

Отсюда понятно, что современный строй вовсе не га-рантируетъ того,—и даже вовсе не заботится о томъ, чтобы этого рода отвѣтственныя задачи могъ дѣйствительно успѣшно нести всякій предприниматель.

Такой отказ отъ того, что раньше составляло заботу правительства, защитники современнаго порядка вещей оправдываютъ соображеніями о „свободѣ конкуренціи“. Если каждому, думаютъ они, предоставить полную свободу дѣйствій, то всякій самъ о себѣ будетъ заботиться лучше, чѣмъ если бы о немъ заботились другіе; а заботясь о себѣ, всякій тѣмъ самымъ обезпечиваетъ и всеобщее благополучіе, такъ какъ общество или народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ сознательныхъ и заботящихся о своемъ благополучіи лицъ. Разсуждающихъ такимъ образомъ защитниковъ современнаго строя называютъ въ насмѣшку „гармонистами“, такъ какъ они видятъ всеобщую „гармонію“ интересовъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности происходитъ жесточайшая борьба за существованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно сколько нибудь поглубже вдуматься въ то, что передъ каждымъ изъ насъ происходитъ ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно, какъ само собой всякому станетъ самоочевиднымъ, что ни одинъ предприниматель, даже самый геніальный изъ нихъ, никогда и не въ состояніи одинъ успѣшно разрѣшить возлагаемыя на него задачи, даже если бы онъ и хотѣлъ этого. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы то соображеніе, что всякій отдѣльный человѣкъ можетъ ошибаться въ своемъ пониманіи общественнаго блага; можетъ не чувствовать необходимости стремиться къ нему, даже можетъ просто отвергать его своей волей. Но даже, если бы и нашелся одинъ изъ самыхъ высоко настроенныхъ благодѣтелей рода человѣческаго, то разумно ли бы было полагаться на него, явившагося въ эту жизнь лишь на мгновенье, по сравненію съ жизнью того или иного народа, даже всего человѣчества?

Да и самый капиталистическій строй все болѣе и болѣе подрываетъ вѣру въ спасительность личной хозяйственной инициативы, выдвигая все болѣе настойчиво коллективное начало. Но какъ всѣ явленія капитализма, и это новое коллективное начало само въ себѣ уже содержитъ внутреннее противорѣчіе.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма поспешенно образуются все болѣе и болѣе крупныя про-

мысленныя и торговыя предприятия, для чего отдѣльные предприниматели-капиталисты объединяются въ обширныя общества и компаніи, объединяя въ то же время и свои средства производства, т. е. свои капиталы. Такое объединеніе капиталовъ называютъ концентраціей промышленности, въ виду того, что въ данной странѣ или даже во всемъ мірѣ постепенно образуются особые крупныя центры для тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, — центры, находящіеся въ рукахъ той или другой компаніи, того или другого торгово-промышленнаго союза или общества. Сосредоточиваясь болѣе и болѣе въ рукахъ немногихъ обществъ или компаній, торгово-промышленная жизнь принимаетъ постепенно монополюсный характеръ, т. е. такой характеръ, когда отдѣльная группа капиталистовъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ устанавливаетъ по своему усмотрѣнію самыя выгодныя для себя, но иногда очень невыгодныя для другихъ, условія сбыта товаровъ. По просту говоря, захватывая въ свои руки весь хозяйственный оборотъ, крупные промышленники и торговцы подчиняютъ своимъ требованіямъ болѣе мелкихъ капиталистовъ-предпринимателей, а въ случаѣ упорства этихъ послѣднихъ просто ихъ разоряютъ и „поглощаютъ“.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ само собой выдвинутый болѣе ранней стадіей капитализма лозунгъ „свободы конкуренціи“ и вѣры въ частную дѣятельность и инициативу совершенно стирается; и оказывается, что въ концѣ концовъ самъ капитализмъ вынужденъ прійти къ тому, что современная хозяйственная жизнь слишкомъ сложна для того, чтобы быть подъ силу единичнымъ предпринимателямъ, и что потому необходимы могучіе коллективные органы, которымъ однимъ только было бы подъ силу планомѣрное и достаточное снабженіе всѣхъ продуктами, необходимыми для жизни

V.

Борьба интересовъ, какъ естественное положеніе вещей при господствѣ капитализма. Заключение.

Въ настоящее время, однако, еще далеко до такихъ

регулирующихъ хозяйственную жизнь органовъ; а потому современная хозяйственная жизнь, лишенная такого регулятора и предоставленная исключительно личнымъ интересамъ отдѣльныхъ капиталистовъ-предпринимателей, носить характеръ, какъ говорятъ, „стихийный“, т. е. напоминаетъ дѣйствіе свободныхъ стихій въ природѣ.

Эта стихійность современной хозяйственной жизни обнаруживается съ особенной силой въ той постоянной борьбѣ интересовъ, которую мы наблюдаемъ вокругъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ отношеніямъ между трудящимися и капиталистами. На сторонѣ первыхъ только ихъ рабочая сила; на сторонѣ вторыхъ—собственность на орудія производства. Если ясно себѣ представить, что ни рабочая сила безъ орудій производства, ни орудія производства безъ рабочей силы не могутъ ничего создать, то могло бы показаться, что между трудомъ и капиталомъ должны бы были господствовать миръ и согласіе, или какъ раньше любили говорить—„гармонія интересовъ“.

А что мы видимъ въ дѣйствительности?!

Быть можетъ, никогда еще выраженія знаменитаго англійскаго мыслителя 17-го вѣка *Гоббса*: „человѣкъ человеку волкъ“ и „война всѣхъ противъ всѣхъ“ не имѣли такого приложенія, какъ именно въ эпоху господства капитализма.

Въ самомъ дѣлѣ, стѣбитъ только хоть бѣгло ознакомиться съ дѣятельностью такихъ предпринимателей-капиталистовъ, которыхъ въ Германіи называютъ „обострителями“ (*Scharfmacher*), т. е. которые стремятся обострять и уже безъ того острые, враждебныя отношенія между рабочими и предпринимателями. Нельзя безъ ужаса и негодованія читать то, что о нихъ извѣщаетъ повседневная печать. Вступая въ борьбу съ рабочими, такіе предприниматели уже не стѣсняются никакими средствами: согласившись между собою, они объявляютъ всеобщій расчетъ рабочимъ, называемый „локаутомъ“, и не отдѣльнымъ какимъ либо рабочимъ, а цѣлымъ группамъ, напимѣръ, въ алфавитномъ порядкѣ ихъ фамилій, по отдѣльнымъ ихъ возрастамъ и т. д. И все это только съ тѣмъ, чтобы „запугать“ рабочихъ и предупре-

дить ихъ отъ „несправедливыхъ и неправомѣрныхъ притязаній“.

Разумѣется, голодъ и нужда рабочихъ заставляетъ ихъ мало считаться съ „системой застраиванія“, и даже, напротивъ, эта „система“, какъ всюду всякое отрицательное средство, способна вызывать лишь большее озлобленіе. И вотъ, на „всеобщій расчетъ“ рабочихъ („локаутъ“) рабочіе со своей стороны отвѣчаютъ „забастовкой“, т. е. отказомъ отъ работы; на отказъ принимать рабочихъ, по такъ называемымъ „чернымъ спискамъ“, т. е. по тайнымъ спискамъ лицъ, обнаруживавшихъ свое враждебное отношеніе къ предпринимателямъ и имѣющихъ большое вліяніе въ рабочихъ кругахъ—рабочіе отвѣчаютъ „бойкотомъ“ тѣхъ или другихъ торгово-промышленныхъ фирмъ; и наоборотъ, фирмы, благорасположенныя къ рабочимъ, находятъ себѣ со стороны этихъ послѣднихъ особенную поддержку въ формѣ, такъ называемыхъ „бѣлыхъ списковъ“ и „лэбелей“ (особыхъ условныхъ этикетокъ, штемпелей и т. д.) для обозначенія товаровъ особо рекомендуемыхъ предпріятій.

Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ подробно представить все то многообразіе формъ и способовъ, въ какихъ находятъ себѣ выраженіе, такъ называемые, „промышленные конфликты“, т. е. столкновенія между трудящимися и капиталистами. (См. объ этомъ мое изслѣдованіе подъ этимъ названіемъ).

Достаточно только отмѣтить, что враждебность и противорѣчіе, или какъ говорятъ, „антагонизмъ интересовъ“ не ограничиваются въ настоящее время только односторонними отношеніями капиталистовъ къ рабочимъ. Противъ одностороннихъ, узко-корыстныхъ интересовъ предпринимателей, захватывающихъ путемъ взаимныхъ соглашеній въ свое исключительное владѣніе цѣлыя отрасли хозяйственной жизни, выступаютъ и простые обыватели, покупатели, потребители, привлекая на свою сторону и государственную власть.

Но современное законодательство безсильно бороться со всякаго рода соглашениями капиталистовъ, называемыми „трѣстами“, „рингами“, „синдикатами“ и т. д.; безсильно потому, что основой для всѣхъ этихъ соглашеній служить самый

капиталистическій строй. И потому, единственное средство подчинить узко-классовые интересы капиталистовъ интересамъ всеобщаго благосостоянія—отказаться отъ защиты тѣхъ основъ, на которыхъ покоится этотъ строй и прежде всего отказаться отъ признанія права частной собственности на орудія производства какъ то: на землю, машины и денежные капиталы,—передавъ эту собственность такимъ прочнымъ коллективнымъ организаціямъ, какъ общины, города, земства и даже само государство. Но это значитъ отказъ отъ современнаго капиталистическаго строя въ пользу строя социалистическаго.

Такъ капитализмъ, создавая внутри себя хозяйственно-правовыя противорѣчія, самъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчеству средства, необходимыя ему для достиженія будущаго общественнаго строя, въ которомъ изслѣдованныя мною противорѣчія чисто матеріальнаго характера не могли бы ужъ болѣе находить себѣ мѣсто.

Каковымъ будетъ этотъ „будущій строй“, быть можетъ и нельзя сейчасъ себѣ представить и предсказать во всѣхъ подробностяхъ; для этого ни наука, ни жизнь не даютъ намъ достаточныхъ основаній. Напротивъ, все то, что даетъ намъ наука сейчасъ, и то, на чемъ по преимуществу должно сосредоточиваться наше вниманіе, говоритъ опредѣленно противъ какихъ бы то ни было предсказаній въ области будущихъ общественныхъ отношеній.

Но отказываясь отъ предсказаній, мы можемъ быть глубоко убѣждены только въ одномъ,—что социальный прогрессъ не есть прогрессъ механической, т. е. прогрессъ, самъ собою вытекающій съ желѣзной необходимостью изъ предшествующихъ условій по закону причинной зависимости. Нѣтъ, наша наука не удовлетворяется однимъ только указаніемъ на существующую въ природѣ причинную связь; наша наука зоветъ насъ къ самостоятельному дѣйствованію, строительству и творчеству, будя наши чувства, проясняя наше сознаніе и закрѣпляя нашу волю; наша наука помогаетъ намъ создавать наши идеи, которыя, подымаясь высоко надъ дѣйствительностью, одухотворяютъ насъ и призываютъ

къ безконечному дальнему. Эти идеи воплощаются для насъ въ идеаль.

Мы не знаемъ, каковъ будетъ фактически будущій строй; но мы въ своей вѣрѣ въ свой идеаль хотимъ такого строя, въ которомъ указаннымъ мною противорѣчїямъ не могло бы быть мѣста. Такой строй мы называемъ социализмомъ.

Мы не можемъ ни на мгновенье сомнѣваться въ томъ, что и социализмъ не явится завершенной стадїей въ развитїи человѣческаго общества—земнымъ раемъ; несомнѣнно, и социализмъ вскроетъ со временемъ коренящїяся и въ немъ свои противорѣчїя; но во всякомъ случаѣ, для насъ сейчасъ важно то, что социализмъ,—въ томъ смыслѣ какъ мы его понимаемъ,—даетъ намъ опредѣленное разрѣшенїе тѣхъ вопїющихъ противорѣчїй, которыя мы переживаемъ въ настоящїй моментъ господства капитализма.

А затѣмъ, конечно, наше пониманїе социальнаго идеала должно въ себѣ заключать и наши болѣе далекїя чаянїя и надежды, которыя опредѣленно стремятся къ тому, чтобы прочно обезпечить намъ безпредѣльное совершенствованїе личности и самъ по себѣ безконечный социальный прогрессъ.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i> сверху снизу	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ читать</i>
3	10	о земля	а земля
4	17	возратился	возвратился
6	10	дважны	дважды
7	2	оказался	оказалось
»	8	разные	разныя
8	7	1840	1841
9	7	общости	общности
»	13-14	свободной	свободный
»	9	и нашей	и на нашей
12	4	какіе	какія
15	1	Кириллова	Кириллова
21	2	непривному	непрерывному
23	11	экономитеская	экономическая
25	19	метолологической	методологической
27	6	трэдь-юніонизма	трэдь-юніонизма
29	16	художественнаго	художественного
38	2	самостоя т	самостоятельной
42	17-18	десциплиной	дисциплиной
44	9	видко	видно
50	2	понятін	понятіи
59	2	нвличности	наличности
61	12-13	распредѣленіе	распредѣленія
64	6	представляютъ	представляются
70	1	поощреніе	поощрение
71	1	представленіе	предоставленіе
»	1	калеченія	калѣченія
72	4	идеотизма	идіотизма
76	17	окъ	онъ
78	14	обстановки	обстановкѣ
81	9	производствѣ	производства
90	8	малоземелья	малоземелье
94	7	показалъ	показало
95	9	помятуя	памятуя
96	9	земли частныхъ	земель частныхъ
98	12	о по	и по
100	9	землевѣдѣніемъ	землевладѣніемъ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ читать</i>
	сверху снизу		
104	13	характеръ	характера
106	3	подтвердило	подтвердила
110	8	сельско-хозлйственной	сельско-хозяйственной
112	4	центральный	центральныя
126	12	Германіи	Германіей
"	3	противопоставивавшіе	противопоставившіе
127	12	милитаралистскихъ	милитаристическихъ
"	17	привилегія	привилегіи
"	5	обрааатывающаго	обработывающаго
"	6	не	на
"	9	сельскому	сельскому
128	4	сѣмянныя	сѣменные
"	5	тыжимки	выжимки
"	5	безпошлино	безпошлинно
"	14	конкуренціи	конкуренцію
129	15	съ ними	съ тѣмъ
131	11	нея	нее
137	9	сансаціонный	сенсационный
138	7-8	удивительны	удивительную
140	18	постояннымъ	постоянную
"	18-19	нескрываемымъ	нескрываемую
"	19	угрозомъ	угрозою
144	3-4	установивающемся	установившемся

000109952

ЮФ СПбГУ